

4

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
С С С Р

1974

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Заслуженный деятель искусств Эстонской ССР, заведующий кафедрой живописи Государственного художественного института ЭССР Ильмар Августович Кимм — народный заседатель Верховного Суда СССР.

научно-
популярный
журнал
министерства
юстиции
СССР

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница: ленинградский Дворец бракосочетаний. Ежедневно десятки молодых пар начинают отсюда долгий и счастливый семейный путь.

Фото В. ЗИМИНА.

4	АПРЕЛЬ
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА	
(40)	1974 год

В НОМЕРЕ

	Стр.
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:	
Л. Смирнов. Высший орган советского правосудия	3
Н. Гудимов, Е. Кленов. Заработная плата	14
Наши интервью	
Мелким хищениям — решительный заслон! (беседа с заведующим сектором ВНИИ советского законодательства Е. В. Болдыревым и председателем Фрунзенского районного народного суда Москвы Н. А. Юдиным)	21
Закон в жизни зиловцев	
Без права на ошибку	29
Новое в законодательстве	
О предъявлении и рассмотрении претензий по хозяйственным договорам	32
А. Васильев. Питки. Хроника одного расследования	34
М. Маляров. С повинной	48
В. Стрелков. Цена вынужденного прогула	59
Странички из блокнота Ю. Феофанов. Закон — это закон	65

Информация 73. 93

Время. Законы. Люди
Б. Свадновский. «Бей, но не до смерти». В. И. Ленин об одном судебном процессе 74

СОБЕСЕДНИК 79

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ 94

И. Ледах. Миражи буржуазных свобод 104

Марчин Дор. Подарки из Франции. Повесть 114

ИМЕНЕМ САТИРЫ 141

◀ Четвертая страница обложки: кадры из новой кинокартины студии «Таллинфильм» «Необычный случай», посвященной работе молодого следователя. Авторы сценария С. Раудсепп, Е. Рекнор. Режиссер-постановщик К. Комиссаров. Оператор М. Дороватовский.

Главный редактор С. А. ВЫСОЦКИЙ

Редакционная коллегия: Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ, М. П. МАЛЯРОВ, Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь), П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ, П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора), А. Я. СУХАРЕВ, В. И. ТОНКИХ, А. М. ЯКОВЛЕВ

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА

Корректоры Т. И. НИЗАМОВА, А. В. ЕЛИЗАРОВА

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32. Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, «Собеседник» 271-10-24, писем и консультаций 271-11-20, информации 271-08-63.

Сдано в набор 1/II-74 г. Подписано в печать 6/III-74 г. А08549. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладки. Усл. печ. л. 7,56 Уч.-изд. л. 8,99. Заказ 1027. Тираж 3 020 000 экз. (1-й завод — 1 500 000 экз.). Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. СМЕРНОВ,
Председатель Верховного Суда СССР

ВЫСШИЙ ОРГАН СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ

19 апреля 1924 года, открывая первый Пленум Верховного Суда СССР, его председатель — старый большевик Александр Николаевич Винокуров говорил о том, что руководящей нитью всей деятельности верховного органа советского правосудия должна быть ленинская национальная программа, заветы великого основателя Советского государства В. И. Ленина.

Учреждением Верховного Суда СССР в основном завершилось создание советской судебной системы, начало которой было положено ленинским Декретом о суде № 1, уничтожившим до основания буржуазно-помещичий суд, и последующими ленинскими декретами о суде, сформулировавшими важные принципы деятельности судебных органов первого в мире Советского государства. Старая, глубоко ненавистная трудящимся судебная система царской России была сломана от ее верхнего звена — правительствующего сената —

до мировых судов. Основным звеном советской судебной системы стал народный суд, привлечший к осуществлению правосудия самые широкие массы трудящихся, ставший для них школой государственного управления, суд, осуществивший идеи подлинной социальной справедливости, показавший это на тысячах примеров решения конкретных судебных дел.

Великий государственный деятель В. И. Ленин был высокообразованным юристом, в совершенстве знавшим механизм судебных органов дореволюционной России от сената до мировых судов, являвшихся «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка». Сознывая все трудности организации нового советского суда, В. И. Ленин, тем не менее, с первых дней Великой Октябрьской революции требовал слома всей старой судебной системы сверху донизу.

Не случайно Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года был одним из первых декретов Советской власти. Ленин много раз говорил о принципиальной важности и большом практическом значении этого шага. Хорошо известны ставшие хрестоматийными его высказывания по этому поводу на VII съезде партии, в статье «Очередные задачи Советской власти», в выступлении при выработке партийной программы на VIII съезде РКП(б). Несомненно, что основные принципы будущего судостроительства первого в мире государства трудящихся были продуманы Владимиром Ильичем задолго до октября 1917 года. Уже тот факт, что Декрет о суде № 1 был одним из первых законодательных актов, опубликованных после Великой Октябрьской социалистической революции, сам по себе свидетельствует о том большом внимании, которое с первых дней Октября уделял суду великий основатель Советского государства.

«...Мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом,— говорил В. И. Ленин.— Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества».

Говоря о принципах деятельности не только Верховного Суда СССР, но и других судов Советского государства, надо прежде всего отметить, что на всех главных направлениях, независимо от того, какие формы (судостроительные) принимала советская судебная система, эти общие принципы определялись и поныне определяются ленинскими идеями о суде и судебной политике.

В изданной недавно книге «Путешествие в революцию» старый и добрый друг Советского государства американский публицист Аль-

берт Рис Вильямс, основываясь на личных непосредственных наблюдениях, особо останавливается на деятельности первых советских судов.

«Ни в чем сущность Октября — страстная ненависть к прошлому и твердая вера в будущее, — пишет он, — не проявилась с такой наглядностью, как в проведении в жизнь довольно прозаического декрета о народных судах. Здесь народ ярче всего продемонстрировал свою способность преодолеть старые привычки, старый образ мышления».

Из органа устрашения и подавления трудящихся суды при Советской власти впервые стали орудием вовлечения в государственную деятельность миллионов людей, участвующих в качестве народных заседателей в рассмотрении гражданских и уголовных дел.

Накануне 50-летия Верховного Суда СССР мы вновь и вновь перечитываем высказывания В. И. Ленина о социалистической законности и суде, анализируем в свете этих высказываний судебную практику и проверяем ее с позиций много лет назад намеченных им задач судебной деятельности.

Возникновение Верховного Суда СССР органически связано с созданием первого в мире многонационального государства рабочих и крестьян — Союза Советских Социалистических Республик.

В Договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик предусматривалось, что в целях утверждения революционной законности на территории всего СССР учреждается Верховный Суд СССР. Создание единого союзного государства в форме добровольного объединения равноправных республик выдвинуло задачу образовать единый высший судебный орган, наделенный функциями конституционного надзора за законностью, судебного надзора и правом рассмотрения по первой инстанции дел исключительной важности. Именно так определялись основные формы и принципы деятельности Верховного Суда СССР в Конституции СССР 1924 года.

С момента образования Верховного Суда СССР вся его деятельность основана на принципах выборности судей, осуществления правосудия коллегиально, ведения судопроизводства на родном языке, предоставления обвиняемому права на защиту.

Эти и другие основополагающие принципы деятельности союзного Верховного Суда были закреплены в законодательстве республик, вошедших в состав Союза ССР, и выдержали испытание временем. В непосредственной судебной практике, в законотворческой деятельности Советского государства на разных этапах его развития названные принципы развивались и совершенствовались.

В январе-феврале 1924 года был сформирован состав Верховного Суда, и 19 апреля состоялось его первое пленарное заседание.

Верховный Суд СССР в первые годы после образования СССР занимал особое место в системе не только судебных, но и прокурорских органов. Это определялось тем, что союзная прокуратура до 1933 года действовала в составе Верховного Суда СССР и возглавлялась прокурором Верховного Суда.

Верховный Суд СССР действовал не только как судебный орган, имевший судебные и судебно-надзорные функции, но был наделен также функциями общего надзора. И если характеризовать деятельность Верховного Суда СССР за первое пятилетие его существования, то следует подчеркнуть, что на первый план в этот период выступала как раз его общенадзорная деятельность, или, как тогда часто говорили, «деятельность в порядке конституционного надзора». С образованием в 1933 году Прокуратуры СССР Верховный Суд СССР был освобожден от большей части обязанностей по осуществлению общего надзора за законностью. Развитие судебной практики Верховного Суда СССР в последующие годы пошло в направлении централизации и увеличения объема судебного надзора.

Верховный Суд СССР долгие годы являлся органом судебного управления, сохранившим эти функции вплоть до образования в 1970 году Министерства юстиции СССР.

Говоря о деятельности Верховного Суда СССР за полвека, необходимо отметить, что он провел значительную работу по укреплению социалистической законности в стране. Строго соблюдая суверенные права судов союзных республик, Верховный Суд содействовал улучшению их работы.

Большое значение все эти годы имела также деятельность Верховного Суда СССР в качестве суда первой инстанции. Как указывалось выше, на его рассмотрение направлялись дела исключительной важности. Был проведен ряд крупных процессов, связанных с преступной деятельностью частнокапиталистических элементов в период нэпа, а также дела о государственных преступлениях, такие, например, как дело известного террориста, опаснейшего врага Советской власти Бориса Савинкова, дело одного из участников расстрела 26 бакинских комиссаров Фунтикова, дело организаторов вооруженной борьбы против молодой Советской республики в Сибири Анненкова и Денисова и некоторые другие.

Возвращаясь к страницам прошлого, мы с чувством глубокой признательности вспоминаем имена старых большевиков, видных деятелей советской юстиции, которые благодаря своему опыту и знаниям много сделали для того, чтобы высший судебный орган на-

шей страны оказался на уровне задач, поставленных перед ним в тот период Коммунистической партией и Советской властью.

В этой связи мы обязаны вспомнить первого Председателя Верховного Суда СССР, члена партии с 1893 года Александра Николаевича Винокурова, его заместителя Василия Ивановича Васильева-Южина, прокурора Верховного Суда СССР Петра Ананьевича Красикова, Председателя Верховного Суда РСФСР, входившего в состав Верховного Суда СССР, Петра Ивановича Стучку, председателя уголовно-судебной коллегии Владимира Павловича Антонова-Саратовского, председателя гражданско-судебной коллегии Петра Владимировича Лебедева и других видных деятелей советской юстиции.

Для деятельности Верховного Суда СССР, как и всей советской судебной системы, важнейшее значение имело принятие 5 декабря 1936 года новой, ныне действующей Конституции СССР. В ней не только определена структура судебной системы нашей страны, основные функции Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик, но и закреплены наиболее важные принципы социалистического правосудия: осуществление правосудия выборными судьями, участие в разбирательстве дел народных заседателей, независимость судей и подчинение их только закону, ведение судопроизводства на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчиков, а также право выступать в суде на родном языке, гласность судопроизводства, обеспечение обвиняемому права на защиту.

В настоящее время для успешного решения задач социалистического правосудия созданы исключительно благоприятные условия. Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет уделяют огромное внимание укреплению социалистической законности, упрочению общественного порядка, повышению авторитета суда как органа социалистического правосудия, проведению в жизнь гарантий независимости судей и подчинения их только закону. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркивается обязанность каждого соблюдать требования закона: «Уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека, это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа».

В решении этих важных задач определенная роль принадлежит Верховному Суду СССР, который, в соответствии со статьей 104 Конституции СССР, является высшим судебным органом Союза Советских Социалистических Республик и на который возлагается надзор за деятельностью судебных органов Союза ССР, а также судебных органов союзных республик в пределах, установленных законом.

Прежде чем ответить на вопрос, какими конкретными методами и в каких формах должны решаться Верховным Судом СССР эти задачи, следует указать на принципы его организации. Они очень сходны с принципами организации других советских судов.

Верховный Суд СССР избирается Верховным Советом СССР сроком на пять лет. Каждый раз численность его определяется Верховным Советом. Последние выборы Верховного Суда СССР состоялись 20 сентября 1972 года. Сессия Верховного Совета СССР избрала Верховный Суд СССР в составе 19 членов (включая председателя и двух его заместителей) и 45 народных заседателей.

Здесь мы считали бы необходимым остановиться на одном очень важном конституционном положении (статья 105 Конституции СССР), согласно которому в состав Верховного Суда СССР входят председатели Верховных судов союзных республик по должности.

Положение, согласно которому председатели Верховных судов союзных республик входят в состав Верховного Суда СССР, существовало с момента образования Верховного Суда СССР до принятия Закона о судеустройстве 1938 года. Этот принцип был восстановлен в 1957 году с принятием нового, ныне действующего Положения о Верховном Суде.

Сам факт вхождения председателей Верховных судов союзных республик в состав Верховного Суда СССР — одно из проявлений социалистического федерализма.

Как и все остальные советские суды, Верховный Суд СССР может рассматривать по первой инстанции уголовное или гражданское дело только с обязательным участием народных заседателей. Процессуальный закон не предусматривает никаких исключений из этого правила, в том числе и для Военной коллегии Верховного Суда СССР и военных трибуналов. Народные заседатели Верховного Суда СССР избираются, как и его члены, Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

Состав народных заседателей свидетельствует о широком советском демократизме. Мне хотелось бы особо отметить, что в составе народных заседателей Верховного Суда СССР 15 женщин. Среди

них эстонка — мастер цеха завода И. В. Нагель; киргизка — колхозница Б. Кыштобаева; белоруска — главный агроном Н. Д. Жданец; русская — управляющая отделением совхоза Н. В. Носова; узбечка — профессор Ташкентского государственного университета Х. Саматова; азербайджанка — главный инженер электростанции И. Г. Бабаева и другие. Народными заседателями Верховного Суда СССР избраны рабочие, инженеры, военнослужащие, ученые.

Верховный Суд СССР действует в составе Пленума Верховного Суда СССР и трех судебных коллегий — по гражданским делам, по уголовным делам и Военной коллегии.

Судебная коллегия по гражданским делам и Судебная коллегия по уголовным делам рассматривают в качестве суда первой инстанции соответственно гражданские и уголовные дела исключительной важности, а также в порядке судебного надзора — дела по протестам Председателя Верховного Суда СССР, Генерального Прокурора СССР и их заместителей на решения и приговоры Верховных судов союзных республик по гражданским и уголовным делам в случае противоречия этих решений и приговоров общесоюзному законодательству или нарушения интересов других союзных республик.

Военная коллегия помимо рассмотрения в качестве суда первой инстанции уголовных дел своей подсудности также рассматривает кассационные жалобы и протесты на приговоры, решения и определения военных трибуналов видов вооруженных сил, округов, групп войск, флотов и отдельных армий, а в порядке судебного надзора — протесты Председателя Верховного Суда СССР, Генерального Прокурора СССР, их заместителей, председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР и Главного военного прокурора на приговоры, решения и определения военных трибуналов видов вооруженных сил, округов, групп войск, флотов и отдельных армий.

Верховный Суд СССР, согласно Положению о нем, ответствен перед Верховным Советом СССР, а в период между его сессиями — перед Президиумом Верховного Совета.

Одна из важнейших функций Верховного Суда СССР заключается в том, что он дает руководящие разъяснения по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел. Эти руководящие разъяснения даются Пленумом на основании обобщения материалов судебной практики и судебной статистики, с учетом докладов председателей Верховных судов союзных республик о судебной практике по применению союзного и республиканского законодательства. Руководящие разъяснения Пленума обязательны для всех судов СССР и союзных республик.

Как правило, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР посвящены решению наиболее актуальных вопросов судебной практики по гражданским и уголовным делам.

Кстати, вопреки встречающемуся в некоторых работах западных юристов утверждению о том, что большинство дел, рассматриваемых советскими судами,— это уголовные дела, в действительности примерно 80 процентов всех судебных дел в СССР — это дела гражданские. К числу их относятся различные судебные дела по искам, связанным с применением трудового, брачно-семейного, жилищного и других отраслей права.

Лишь единичные гражданские дела, разумеется, могут быть непосредственно рассмотрены Пленумом Верховного Суда СССР. То же относится и к уголовным делам, особенно к тем их категориям, которые, как правило, рассматриваются народными судами, положим, о хулиганстве, кражах, причинении телесных повреждений и абсолютному большинству иных дел, отнесенных законом к компетенции первого и основного звена советской судебной системы, рассматривающего около 90 процентов всех гражданских и уголовных дел. До Пленума Верховного Суда СССР доходят лишь немногие дела, причем такие, по которым состоялись решения всех судебных органов союзной республики, включая пленум или президиум Верховного суда. Обычно это весьма сложные дела, и вопросы, возникающие при их разрешении, имеют принципиальное значение.

Разработка руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР — это результат сложной аналитической работы, специально-го изучения и обобщения судебной практики непосредственно аппаратом Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик, органов прокуратуры, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, научных юридических учреждений. Следует упомянуть, что при Верховном Суде СССР действует Научно-консультативный совет, в который входят видные ученые-юристы и практические работники.

Пленум Верховного Суда СССР — не законодательный орган. Он не может ни изменить, ни дополнить, ни отменить закон. Задача Пленума и его руководящих постановлений — разъяснить судам, как правильно, точно применять закон. Если судебная практика свидетельствует о необходимости дополнить или изменить закон, Пленум имеет право в порядке законодательной инициативы войти в Верховный Совет СССР с представлениями о необходимости изменения закона и по вопросам толкования законов СССР.

Основатель Советского государства В. И. Ленин важную гарантию успеха судебной деятельности видел прежде всего в непосред-

ственной практике, знаниях, искусстве, глубокой добросовестности и житейском опыте людей, осуществляющих правосудие.

В одном из писем, в декабре 1921 года, посвященном рассмотрению конкретного судебного дела (о волоките), В. И. Ленин писал о необходимости того, чтобы судебный процесс был способен предотвратить новые аналогичные преступления. Для этого нужно иметь «трех умных судей, действительно умных (не торопыг, не крикунов, не фразеров)».

Каждый новый Пленум Верховного Суда СССР, деятельность народных судей и членов других судов убеждают в том, что, несмотря на многие еще не решенные вопросы, в нашей стране воспитаны квалифицированные кадры судебных работников. И эти люди вместе с народными заседателями способны решать большие задачи, которые возлагаются в настоящее время на советский суд.

В советском праве нет судебных прецедентов, как, положим, в англо-саксонском праве. В отличие от руководящих разъяснений Пленума, обязательных для всех судов СССР, решения, принимаемые по конкретным делам, обязательны лишь по тому делу, по которому они вынесены. Однако публикации о рассмотрении наиболее сложных дел и принятых по ним постановлений в специальной юридической печати, в том числе в «Бюллетене Верховного Суда СССР», помогают судам в правильном и единообразном применении закона.

Свое пятидесятилетие Верховный Суд СССР встречает в период, знаменательный высокими достижениями в строительстве коммунистического общества, новыми производственными победами и глубокими благотворными изменениями в международной обстановке, достигнутыми в результате претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС. В ходе этой огромной созидательной работы еще более меняется облик нашей Родины, ставшей великой индустриально-аграрной державой мира, возникают правовые проблемы, связанные с созданием новых отраслей производства и науки. Наконец, в ходе этих великих преобразований меняется сам человек — гражданин СССР, строитель коммунизма и носитель самых передовых и прогрессивных идеалов, воплощаемых в жизнь в результате глубоко продуманной и неутомимой деятельности Центрального Комитета КПСС, его Политбюро и лично Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Законность и культура неотделимы. Об этом писал В. И. Ленин в знаменитом письме «О «двойном» подчинении и законности». Успешно осуществлять предупредительное и воспитательное воздействие суды могут только в том случае, если будут находиться на уровне возросшей культуры нашего общества. При этом имеется в

виду культура правовая и общая культура судебного процесса во всем его многообразии: от судебного следствия до приговора, от строгого соблюдения предписаний закона до чистоты, ясности и абсолютной грамотности языка.

Буржуазные юристы любят говорить о том, что судебный приговор не только должен быть справедлив по существу, но и признан всеми справедливым. Однако эта цель для буржуазного суда в абсолютном большинстве случаев недостижима, ибо он служит обществу, основанному на социальной несправедливости.

В социалистическом же обществе требование, чтобы приговор все признали справедливым, является обязательным для любого суда. Судебное решение провозглашается от имени Советского государства, и это обязывает каждого судью быть достойным высокого авторитета самой передовой, справедливой и глубоко гуманистической советской социалистической государственности.

Исходя из ленинских высказываний о суде, мы можем утверждать: основой достижения предупредительного и воспитательного воздействия судебной деятельности Владимир Ильич считал конкретное судебное дело, судебный процесс, проведенный с максимальной достоверностью в исследовании доказательств, строгим соблюдением процессуальной формы, чтобы суд был «наиболее торжественный, *воспитательный* и приговор достаточно внушителен».

Верховный Суд СССР может и обязан внести существенный вклад в совершенствование судебной деятельности, показывая судьям в руководящих разъяснениях Пленума и в решениях по конкретным делам не только что нужно делать, но и как это следует делать.

Требование совершенствовать свою деятельность для повышения ее «полезной отдачи» в практике всех судебных органов — одно из главных, которые предъявляет к себе Верховный Суд СССР в юбилейный год.

Мы обязаны хорошо помнить, что разрядка напряженности в отношениях между государствами отнюдь не означает затихания идеологической борьбы. Наоборот, как указывал В. И. Ленин: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете». Факты свидетельствуют о том, что, стремясь ослабить позиции социализма, пропагандистская машина империализма прибегает к клевете на советскую демократию. О подлинном существе этой пропагандистской кампании метко сказал Л. И. Брежнев на Всемирном конгрессе миролюбивых сил 26 октября 1973 года: «Говорят о свободе и демократии, о правах человека,

а на деле вся эта шумная кампания служит одному: прикрыть попытки вмешательства во внутренние дела социалистических государств, прикрыть империалистические цели своей политики».

Советские юристы хорошо знают, что скрывается за измышлениями о якобы существующем нарушении прав человека в странах социализма. Автор этой статьи — один из участников Нюрнбергского и Токийского процессов, на которых судили главных военных преступников второй мировой войны. Даже в то время, когда еще не остыл пепел миллионов людей, умерщвленных в концлагерях, сожженных в печах крематориев, реакционные правоведы клеветали на эти суды над извергами, совершившими бесчисленные преступления против мира и человечества, объявляя международные процессы расправой над побежденными. Ныне, оправдывая убийц Сальвадора Альенде, некоторые буржуазные юристы злобно клеветают на советскую действительность, на советский суд, оберегающий социалистический правопорядок и безопасность Советского государства.

При всем многообразии судебной деятельности особое внимание должно быть обращено на выполнение тех задач, которые вытекают из решений XXIV съезда КПСС и декабрьского (1973 года) Пленума ЦК КПСС.

Велика воспитательная роль судов в борьбе с такими унаследованными от прошлого, по сути своей глубоко чуждыми социализму явлениями, как недобросовестное отношение к труду, расхлябанность, недисциплинированность, стяжательство, различные нарушения норм социалистического общежития, в борьбе с преступностью и другими правонарушениями.

Вся судебная деятельность способствует созданию той атмосферы нетерпимости к нарушениям законов, той правовой атмосферы в государстве, того режима социалистической законности, которые являются основой нормальной жизни общества.

Нет сомнения, что все советские суды, начиная с основного звена нашей судебной системы — народного суда — и кончая Верховным Судом СССР, примут все меры к тому, чтобы активно содействовать решению грандиозных задач коммунистического строительства.

**Н. ГУДИМОВ,
Е. КЛЕНОВ,**
кандидаты юридических наук

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Наступил день получки. Как правило, каждый трудящийся привычно расписывается в платежной ведомости и получает у кассира деньги.

В нашей стране действует принцип социализма, закрепленный в Конституции СССР: «От каждого по его способности, каждому — по его труду». Труд каждого рабочего и служащего в Советском Союзе оплачивается по его количеству и качеству. Мужчина или женщина, человек любой национальности — каждый получает столько, сколько заработал. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и республиканские кодексы законов о труде категорически запрещают ограничивать размер оплаты труда в зависимости от пола, возраста, расы и национальности работников.

Труд рабочих оплачивается на основе тарифных ставок (окладов), служащие получают должностные оклады. Тарифные ставки и должностные оклады утверждаются в централизованном порядке.

Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы по согласованию с ВЦСПС утвердил тарифно-квалификационные справочники, в которых перечислены работы с учетом их сложности. Руководствуясь тарифно-квалификационными справочниками, администрация предприятия по согласованию с комитетом профсоюза устанавливает каждому рабочему соответствующий квалификационный разряд. С повышением разряда увеличивается тарифная ставка и, следовательно, оплата работы.

Оклады служащих зависят от их квалификации, объема и сложности выполняемой работы. Оклады устанавливаются администрацией предприятия (организации) в зависимости от должности. Ру-

ководитель предприятия вправе устанавливать высококвалифицированным мастерам надбавку к заработной плате в размере до 30 процентов должностного оклада. В исключительных случаях такая надбавка устанавливается высококвалифицированным инженерно-техническим работникам. Министры и руководители ведомств вправе устанавливать работникам, имеющим высокую квалификацию и большой опыт, персональные оклады.

При повременной системе заработок выплачивается по твердым месячным, дневным или часовым тарифным ставкам за проработанное время. При сдельной системе заработок рабочего зависит от количества изготовленной им продукции (или выполненных операций) и расценок.

Для того чтобы повысить материальную заинтересованность рабочих и служащих в выполнении и перевыполнении производственных планов, эффективности и рентабельности производства, в росте производительности труда, улучшении качества продукции и экономии ресурсов, на предприятиях могут вводиться повременно-премиальные и сдельно-премиальные системы оплаты труда. Это значит, что повременная и сдельная оплата труда дополняется выплатой премий за определенные успехи в работе. Администрация предприятия по согласованию с комитетом профсоюза определяет, на каких участках будет применяться повременно-премиальная или сдельно-премиальная система оплаты труда. При разработке положений о премировании администрация и комитет профсоюза руководствуются Типовым положением о премировании работников промышленных предприятий, переводимых на новую систему планирования и экономического стимулирования производства. Оно утверждено 4 февраля 1967 года Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и президиумом ВЦСПС. Подобные Типовые положения утверждены для работников автомобильного, железнодорожного транспорта, гражданской авиации и других.

Каждое предприятие определяет показатели и условия премирования. При этом оно учитывает специфику своего производства, задачи предприятия и его подразделений, роль коллектива и каждого отдельного работника в успешном выполнении производственных задач. Руководитель предприятия или начальник цеха (производства) совместно с профсоюзной организацией имеет право повысить или снизить (но не более чем на 25 процентов) размер премии отдельным рабочим с учетом их вклада в общую работу коллектива.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде предусматривают дополнительное вознаграждение рабочим и

служащим по итогам годовой работы. Оно выплачивается из фонда материального поощрения, создаваемого в основном за счет прибыли, полученной предприятием или организацией. Размер вознаграждения зависит от величины такого фонда, непрерывного стажа работы на данном предприятии, величины заработной платы работника, личных результатов труда, соблюдения работником трудовой дисциплины.

При повременной оплате труда рабочим и служащим устанавливаются нормы обслуживания станков или агрегатов либо определяются нормированные производственные задания на какой-либо период времени.

Эти нормы разрабатываются в соответствии с достигнутым уровнем техники, научной организации труда и производства, передового опыта. По мере внедрения в производство технических, хозяйственных и организационных новшеств, обеспечивающих рост производительности труда, нормы и нормативы заменяются новыми. При этом рабочие и служащие должны быть извещены о введении новых норм выработки (норм времени) и норм обслуживания не позднее чем за две недели. Конечно, при установлении или пересмотре норм выработки (норм времени) или норм обслуживания иногда между администрацией и комитетом профсоюза могут возникнуть разногласия. Они разрешаются вышестоящими хозяйственными и профсоюзными органами.

За рабочими и служащими — авторами изобретений, послуживших основанием для изменения технических норм и расценок, прежние расценки сохраняются в течение шести месяцев со времени введения новых норм и расценок. Для работников, оказавших изобретателю или рационализатору помощь во внедрении предложения, прежние расценки сохраняются три месяца. Это правило действует и в тех случаях, когда автор внедренного новшества переведен на эту работу после внесения им предложения.

Нормы выработки обязательны для всех работников. При систематическом их невыполнении может ставиться вопрос о переводе на менее квалифицированную работу или об увольнении.

По закону заработную плату выдают в установленные сроки. Обычно ее выплачивают не реже, чем каждые полмесяца. Могут быть и исключения: например, в РСФСР учителя школ в сельской местности и работники бюджетных учреждений сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся, отдаленных от места нахождения учреждений Государственного банка СССР, а также работники других категорий в случаях, определяемых Советом Министров РСФСР, получают заработную плату один раз в месяц.

Рабочим-сдельщикам выдается аванс за первую половину месяца в счет фактического сдельного заработка, подсчитываемого в конце месяца. Минимальный размер аванса не может быть ниже тарифной ставки работника за проработанное время. В настоящее время все более широкое распространение получает безавансовая выдача зарплаты, то есть подсчет заработка происходит каждые полмесяца и рабочий-сдельщик получает за первую половину месяца не аванс, а заработную плату. Безавансовая выплата помогает бороться с штурмовщиной, укреплять трудовую дисциплину и снижать потери рабочего времени. Если рабочий или служащий уходит в отпуск, то заработная плата выдается за все время отпуска и не позднее, чем за один день до его начала.

Администрация предприятий и учреждений обязана выдавать заработную плату точно в установленные сроки. Контроль за правильным и своевременным начислением заработной платы осуществляют комитеты профсоюза. Они вправе заслушать на своих заседаниях представителей администрации и обязать их устранить недостатки.

При увольнении рабочего или служащего администрация обязана произвести с ним полный расчет и выплатить все положенные суммы в день увольнения, то есть в последний день работы. Но может быть и так, что человек в день увольнения не работал. В этом случае деньги должны быть выплачены не позднее следующего дня после предъявления уволенным требования о расчете. Исключение из этого правила есть одно: когда между работником и администрацией возникает спор о размерах сумм выплаты. Но и при этом администрация обязана в указанные выше сроки выплатить не оспариваемую ею сумму.

Если же уволенному не выплачена по вине администрации заработная плата в установленные законом сроки, то при отсутствии спора о размере суммы предприятие обязано уплатить работнику средний заработок за все время задержки по день фактического расчета (о трудовых спорах и порядке их рассмотрения вы можете узнать из статьи А. Ставцевой в № 12 нашего журнала за 1972 год.—*Ред.*). Может быть и так, что уволенный, не получив окончательного расчета, поступит на другую работу. Тогда сумма, которую ему обязано заплатить предприятие за время задержки расчета, должна быть соответственно уменьшена на сумму заработной платы, полученную им на новой работе в период задержки расчета. К сожалению, бывает иногда и так, что администрация под каким-либо предлогом не выдает трудовую книжку. Такие действия незаконны, и в подобных случаях работнику должен быть выплачен средний заработок за все время вынужденного прогула.

В ряде случаев уволенному работнику выплачивается выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка: при призыве или поступлении работника на военную службу, при отказе рабочего или служащего от перевода на работу в другую местность вместе с предприятием или учреждением, при ликвидации предприятия либо при сокращении численности или штата работников. Выходное пособие также выдается, если работник увольняется в связи с тем, что обнаружилось его несоответствие занимаемой должности или выполняемой работе из-за недостаточной квалификации либо состояния здоровья, препятствующих продолжению данной работы. Предприятие обязано также выдать выходное пособие, если работник уволен из-за того, что на работе восстановлен сотрудник, ранее выполнявший эту работу. Оно выплачивается и в тех случаях, когда трудовой договор прекращен из-за нарушения администрацией законодательства о труде, коллективного или трудового договора.

Особо надо сказать о нормах права, регулирующих оплату труда рабочих при отклонениях от условий, предусмотренных тарифами. Напомним, что статья 27 Основ законодательства о труде разрешает производить сверхурочные работы только в исключительных случаях, предусмотренных законодательством союзных республик, и лишь с разрешения комитета профсоюза. Кроме того, время этих работ не должно превышать — для каждого рабочего и служащего — четырех часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год. Оплачиваются сверхурочные работы в повышенном размере. При повременной оплате — за первые два часа в полуторном размере, а за последующие часы — в двойном. Сдельщикам же выплачивают дополнительно за первые два часа 50 процентов, а за последующие часы — 100 процентов тарифной ставки.

На предприятиях и в организациях, где по закону допускается работа в праздничные дни, оплата за эти дни производится так: сдельщикам — по двойным сдельным расценкам; работникам, труд которых оплачивается по часовым или дневным ставкам, — по двойной часовой или дневной ставке; работникам, получающим месячный оклад, выплачивается сверх оклада одинарная часовая или дневная ставка, если работа производилась в пределах месячной нормы рабочего времени, и двойная часовая или дневная ставка — если они работали сверх месячной нормы.

По желанию рабочего или служащего, работавшего в праздничный день, ему может быть предоставлен другой день отдыха (если работа производилась сверх месячной нормы рабочего времени).

Законодательство устанавливает повышенную плату и за работу в ночное время — в период с 10 часов вечера до 6 часов утра.

Если не были выполнены нормы выработки, либо изготовлена бракованная продукция, или же не работал станок, оборудование и так далее по причинам, не зависящим от самого работника, оплата производится в размерах, определяемых законодательством Союза ССР. Так, за невыполнение норм выработки или за полный брак выплачивается две трети тарифной ставки (оклада) работника. Частичный брак оплачивается по пониженным расценкам — но также не ниже двух третей тарифной ставки. Если изделие забраковано из-за дефекта в обрабатываемом металле и это обнаружили после того, как на обработку или сборку детали было затрачено не менее одного рабочего дня, такая работа оплачивается по нормальным сдельным расценкам. Брак не по вине работника, обнаруженный после приемки изделия отделом технического контроля, оплачивается работнику наравне с годными изделиями. Брак в период освоения новых производств, при обработке деталей станков, машин, моторов и тому подобное оплачивается из расчета тарифной ставки повременщика соответствующего разряда.

Что касается простоя не по вине работника, то за такое время заработная плата выдается в размере половины тарифной ставки повременной оплаты труда работника соответствующей квалификации. Исключение составляют работники металлургической, горнорудной и коксовой промышленности: им оплата производится в размере двух третей тарифной ставки. Если такой простой случился в период освоения новых производств (о которых сказано выше), то он оплачивается из расчета тарифной ставки повременщика соответствующего разряда. Во всех случаях невыполнения норм выработки, изготовления бракованной продукции, простоя — если это произошло не по вине работника — месячная заработная плата не должна быть ниже установленного государством минимального размера.

Вместе с тем следует отметить, что полный брак и время простоя по вине работника оплате не подлежат. Частичный брак по вине работника оплачивается по пониженным расценкам — в зависимости от степени годности изготовленной продукции.

Заработная плата в нашей стране составляет основной доход трудящихся. Кроме заработной платы рабочие и служащие в случаях, предусмотренных законом, обеспечиваются в порядке государственного социального страхования: им выплачиваются пособия по временной нетрудоспособности, пенсии, предоставляются путевки в санатории, дома отдыха, а также предоставляются многие другие льготы.

Кроме того, советские законы о труде устанавливают ряд гарантийных и компенсационных выплат, которые позволяют сохранить

за работником полностью или частично средний заработок либо тарифную ставку. Например, за время выполнения трудящимся государственных или общественных обязанностей за ними сохраняется средний заработок или тарифная ставка.

Советский трудовой закон устанавливает: при каждой выдаче заработной платы общий размер всех удержаний не может превышать 20 процентов, а в случаях, особо предусмотренных законодательством Союза ССР и законодательством союзных республик, — пятидесяти процентов. Даже и в тех случаях, когда удержания производятся по нескольким исполнительным документам, за рабочим и служащим должно быть сохранено 50 процентов заработка. Эти правила не распространяются лишь на удержания из заработной платы лиц, отбывающих исправительные работы.

Партия и правительство проявляют большую заботу о постоянном повышении материального благосостояния народа. И в первую очередь это выражается в повышении заработной платы и реальных доходов населения за счет постоянного увеличения общественных фондов потребления. XXIV съезд КПСС наметил программу дальнейшего увеличения оплаты труда. Только на протяжении последних трех лет была повышена заработная плата рабочих и служащих железнодорожного транспорта и метрополитенов, трактористов-машинистов совхозов и других государственных предприятий сельского хозяйства, врачей, учителей, воспитателей детских дошкольных учреждений и других категорий рабочих и служащих.

Претворение в жизнь этих и многих других важных задач по повышению жизненного уровня, намеченных XXIV съездом КПСС, — еще одно яркое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о благосостоянии трудящихся нашей страны.

МЕЛКИМ ХИЩЕНИЯМ— РЕШИ- ТЕЛЬНЫЙ ЗАСЛОН!

*Как эффективнее вести борьбу с мелкими хищениями? Какая ответственность за эти преступления предусмотрена законодательством? На эти и многие другие вопросы наш корреспондент попросил ответить двух юристов — ученого и практика: заведующего сектором Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства Министерства юстиции СССР доктора юридических наук, профессора **ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА БОЛДЫРЕВА** и председателя Фрунзенского районного народного суда Москвы **НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЮДИНА**.*

КОРРЕСПОНДЕНТ. Недавно я был на судебном процессе. За кражу нескольких бутылок вина работника магазина приговорили к шести месяцам лишения свободы. Меня удивила реакция некоторых присутствовавших в зале заседания. «Подумаешь,— говорили они,— на десятку взял — а на полгода посадили!» И многие наши читатели пишут о людях, которые смотрят на мелкое хищение социалистического имущества как на какую-то мелочь, не достойную серьезного внимания. Чем это объяснить?

Е. БОЛДЫРЕВ. Вопрос достаточно серьезный и сложный. Не зря он волнует читателей журнала, несмотря на то, что такие хищения называются мелкими. Напомню, в судебной практике к числу мелких относят обычно хищения на сумму до пятидесяти рублей. Является ли то или иное хищение мелким, решают в каждом конкретном случае. Учитываются не только стоимость, но и размер по-

хищенного в натуральном виде — вес, количество и так далее. И если по отдельности, как правило, мелкие хищения не представляют серьезной опасности, то в совокупности, в масштабах страны они наносят существенный ущерб государству и общественным организациям.

Причина мелких хищений — недостаточный уровень сознательности отдельных людей, их нравственная и правовая неразвитость, ограниченность. Если посмотреть дореволюционные уголовные дела, мы увидим, что там на первом месте — стремление украсть ради хлеба насущного. После Великого Октября хозяином страны стал сам народ. Благополучие трудящихся неизмеримо возросло. Только за последние два десятилетия, как недавно сообщило Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, уровень жизни населения нашей страны вырос в три раза. И сейчас нет оснований считать, что кто-либо ворует из-за нужды. Однако в сознании некоторых отсталых людей отношение к социалистической собственности можно выразить так: «Наше государство богатое, не обеднеет». Надо сказать, такие люди своеобразно смотрят на кражи: стыдно воровать у своего товарища, у других людей, у соседей. И ничего особенного нет, если «взять» на заводе горсть гвоздей или несколько деталей для радиоприемника, на фабрике — пару чулок или две-три банки консервов и так далее. Вы уже, видимо, заметили: мелкие расхитители и люди, им сочувствующие, говорят «взял», а не «украл».

Помимо ущерба экономического мелкие расхитители наносят существенный вред морального характера. Они разлагающе действуют на сознание, взгляды и привычки других людей. Особенно пагубно это влияет на формирование сознания подрастающего поколения. Когда отец или мать приносят домой украденные на работе вещи, это не проходит мимо внимания детей. Дети привыкают к мысли, что «взять» на работе дозволено, это в порядке вещей, это не преступление. Со временем такое уродливое отношение к социалистической собственности укрепляется в сознании ребенка. И, став взрослым, он будет вести себя так же, как его родители.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь советский закон строго наказывает за хищения социалистического имущества, в том числе и за мелкие. Скажите, Николай Александрович, как вы на практике применяете эти нормы закона?

Н. ЮДИН. Статья 96 Уголовного кодекса РСФСР (а подобные статьи есть в уголовных кодексах всех союзных республик) устанавливает, что мелкое хищение наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев или исправительными работами на срок до одного

года, либо штрафом до пятидесяти рублей. В тех же случаях, когда это деяние повторное или же совершено человеком, который уже совершал хищение государственного или общественного имущества либо кражу личного имущества граждан, это наказывается лишением свободы до двух лет или штрафом до ста рублей.

Советское законодательство ставит своей целью не только наказать, но и перевоспитать правонарушителя. Вот почему к уголовной ответственности за мелкие хищения привлекаются, как правило, те граждане, к которым за аналогичные преступления уже применялись меры общественного воздействия либо по обстоятельствам дела не могут быть применены. К примеру, по месту работы или жительства виновного нет товарищеского суда или же данные о личности нарушителя и обстоятельства дела таковы, что рассматривать дело в товарищеском суде нецелесообразно. Иначе говоря, на практике нам в основном приходится применять статью 96 Уголовного кодекса РСФСР тогда, когда мелкое хищение совершает человек, нигде не работающий, или же если товарищеские суды на его работе или по месту жительства недостаточно результативно борются с такими нарушениями закона, бездействует народный контроль, плохо ведется воспитательная работа.

В качестве примера можно привести табачную фабрику «Ява». Мелкие хищения здесь не редкость. И это несмотря на то, что мы направляем туда десятки частных определений по делам о таких хищениях. Но... администрация и общественность фабрики не принимают нужных мер к расхитителям. Вот почему дела о мелких хищениях на этом предприятии мы вынуждены рассматривать в уголовном порядке. Приведу несколько примеров. Ученик механика Эдуард Кириллов украл 35 пачек сигарет «Золотое руно» и «Ява». Он осужден к одному году исправительных работ по месту работы с удержанием 15 процентов ежемесячно из заработной платы в доход государства. Работники этой фабрики Надежда Иванова и Эльвир Полубинский за кражу сигарет осуждены к одному году исправительных работ каждый по месту работы с удержанием 20 процентов из заработной платы. А механик Валентин Чесноков за попытку украсть 10 пачек сигарет оштрафован народным судом на 50 рублей.

Е. БОЛДЫРЕВ. Вот видите, как получается. По существу такими делами в первую очередь должна заниматься общественность, товарищеские суды фабрики «Ява». Но они работают, видимо, плохо, раз мелкие расхитители чувствуют свою безнаказанность. А ведь это нарушает ленинский принцип о неотвратимости наказания. И чтобы этот принцип не был нарушен, приходится рассматривать такие дела народному суду.

Н. ЮДИН. В данном случае народный суд занимается тем, чем должен заниматься коллектив рабочих и служащих.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Николай Александрович, а как вы думаете— не облегчило бы в подобных случаях задачу суда введение административной ответственности за мелкие хищения по опыту Литовской ССР?

Н. ЮДИН. Лично я считаю этот опыт достойным распространения и в других республиках.

Административный порядок, на мой взгляд, значительно ускоряет и упрощает процедуру рассмотрения дел о мелких хищениях, совершенных впервые. Суть его состоит в том, что материалы по таким делам подготавливают органы Министерства внутренних дел. Делают они это по ходатайству администрации предприятий, учреждений, организаций, правлений колхозов или по своей собственной инициативе. Материалы они, как правило, направляют, в зависимости от характера совершенного проступка и личности нарушителя, в народный суд для привлечения виновного к административной ответственности.

Народный судья обязан рассмотреть материалы единолично в течение трех суток после поступления их в суд в присутствии совершившего мелкое хищение. Если возникнет надобность, судья может вызвать и свидетелей. За мелкое хищение судья имеет право арестовать виновного на 10—15 суток или подвергнуть его исправительным работам на срок от одного до двух месяцев с удержанием 20 процентов заработка. На виновного может быть наложен штраф от 10 до 30 рублей.

Органы Министерства внутренних дел могут направить материалы в товарищеский суд по месту работы или жительства виновного для применения к нему мер общественного воздействия. Если материалы рассматривал судья, который посчитал целесообразным применить меры общественного воздействия и направить материалы в товарищеский суд, то последний должен в течение десяти дней сообщить народному судье о принятых к нарушителю мерах. Кстати, такой же срок установлен и для ответа органам Министерства внутренних дел, если материалы поступили оттуда.

А вот повторное в течение года мелкое хищение государственного или общественного имущества, так же как и мелкое хищение, совершенное лицом, ранее судимым за кражу государственного или общественного имущества или личного имущества граждан, влечет уголовную ответственность.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Очевидно, что закон Литовской республики более гибко подходит к фактам мелкого хищения. Ведь, к примеру,

в РСФСР и многих других союзных республиках товарищеские суды рассматривают дела как о первых, так и повторных случаях подобных краж. Всегда ли оправдана передача дела о мелком хищении в товарищеский суд?

Е. БОЛДЫРЕВ. Общественность — достаточно большая сила, чтобы правильно воздействовать на расхитителя. Мелкие хищения — это «родимые пятна» прошлого. Еще на Пятом Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич Ленин сказал: «Привычки капиталистического строя слишком сильны, перевоспитать воспитанный в этих привычках народ дело трудное и требующее большого времени». И здесь наиболее важная роль принадлежит общественности, товарищеским судам.

В Положениях о товарищеских судах указано, что они должны предупреждать правонарушения и проступки, наносящие вред обществу, обязаны воспитывать людей путем убеждения и общественного воздействия, создавать обстановку нетерпимости к любым антиобщественным поступкам. Они располагают достаточно широким диапазоном мер, которые могут быть применены к мелким расхитителям. Товарищеский суд может обязать виновного принести публичное извинение коллективу, может объявить общественное порицание, оштрафовать в первый раз до 30 рублей, а при повторном хищении — до 50 рублей. Наконец, товарищеский суд вправе поставить перед руководителем учреждения, предприятия или организации вопрос о переводе виновного на нижеоплачиваемую работу или о понижении в должности, о направлении на неквалифицированные физические работы на том же предприятии или в учреждении на срок до 15 дней с оплатой выполняемой работы. А иногда — если виновный выполнял работу, связанную с воспитанием несовершеннолетних или молодежи либо с распоряжением или хранением материальных ценностей, — может ходатайствовать перед администрацией об его увольнении в установленном порядке. И в любом случае виновный обязан возместить причиненный материальный ущерб. И здесь важно отметить вот еще что: дисциплинарное взыскание, наложенное администрацией, не исключает возможности рассмотрения того же проступка в товарищеском суде по инициативе общественной организации или самого товарищеского суда.

Н. ЮДИН. Полагаю, Евгений Владимирович, вы не будете против, если я в дополнение к сказанному вами приведу пример из практики. Дружный, здоровый коллектив, работающий в тесном контакте с партийной и комсомольской организациями, с профсоюзом, с администрацией, способен не только перевоспитать человека, поднявшего руку на народное добро, но и создать обстановку нетерпи-

мости к мелким расхитителям, не допустить хищений государственного и общественного имущества.

Возьмем бисквитную фабрику «Большевик». Она, как и «Ява», находится на территории нашего Фрунзенского района. Контингент работников этих фабрик примерно одинаковый, принадлежат оба предприятия одному Министерству пищевой промышленности РСФСР. «Соблазнов» для мелких расхитителей на бисквитной фабрике, согласитесь, больше, чем на «Яве»: ведь сырьем для пирожных и тортов служат мука, сахар, масло, шоколадные конфеты, коньяк и другие продукты. А вот хищений на «Большевике» практически нет. За последние пять лет наш районный народный суд не рассматривал ни одного дела о мелких хищениях на бисквитной фабрике. И это прежде всего благодаря большой действенности общественного контроля предприятия. Комиссия по сохранности социалистической собственности, экономии и бережливости, которую возглавляет член парткома фабрики, торговщица, Герой Социалистического Труда Евдокия Андреевна Ожина, организует внезапные рейды, проверки по цехам, вместе с отделом охраны контролирует въезжающие на фабрику и уходящие отсюда автомашины. Большую работу проводит «Комсомольский прожектор», которым руководит коммунистка Екатерина Марина. Словом, нет здесь приволья расхитителям.

Вспоминается случай, который произошел много месяцев назад. Молодой слесарь одного из цехов В. польстился на пачку сливочного масла. Его задержали с украденным в проходной члены «Комсомольского прожектора». Сразу же была выпущена «Молния» с сообщением об этом проступке, вслед за ней — сатирический листок «Колючка», посвященный этому некрасивому случаю. Дело немедленно передали в товарищеский суд, который объявил В. общественный выговор. Товарищи по цеху, друзья В. на этом суде пристыдили виновного, заставили его серьезно задуматься над своим поступком. Долгое время после этого В. не мог смотреть в глаза своим товарищам. И только спустя некоторое время честным отношением к труду и безукоризненным поведением он сумел добиться прощения. Сейчас В. — добросовестный работик, сам активный участник борьбы за сохранность социалистической собственности.

Е. БОЛДЫРЕВ. Это еще раз подтверждает, что мелких хищений не бывает на предприятиях и в учреждениях, где с ними ведется повседневная борьба. Мелкие хищения чаще всего бывают на предприятиях, где слаба трудовая дисциплина, где покровительствуют пьяницам. Они неизменно бытуют там, где плохо налажен учет и контроль, не ведется непримиримая борьба с выпуском бракованной продукции, из-за бесхозяйственности, халатности и неорганизованно-

сти пропадает ценное оборудование. Там люди видят, как безнаказанно выбрасываются на ветер государственные деньги — и немалые, — и тогда кое-кто из них начинает думать, что нет ничего особенного, если при таком разбазаривании государственных средств и он возьмет что-то себе, положит в свой карман.

Мелким хищениям способствуют и другие обстоятельства. К примеру, когда администрация не хочет выносить сор из избы и умышленно покрывает расхитителей. Иногда администрация смотрит на это преступление как на слишком мелкую провинность, не достойную серьезного внимания.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но статья 100 Уголовного кодекса РСФСР и подобные статьи уголовных кодексов других союзных республик устанавливают уголовную ответственность за недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества...

Е. БОЛДЫРЕВ. Это верно. Однако статья применима лишь в тех случаях, когда в результате недобросовестного отношения к своим обязанностям лица, которому была поручена охрана имущества, произошло расхищение, повреждение или гибель имущества в крупных размерах, при отсутствии должностного преступления. Таким образом, сторожа, вахтера или охранника по этой статье можно наказывать лишь тогда, когда была совершена крупная кража.

Н. ЮДИН. Конечно, народные суды могли бы привлекать к ответственности и должностных лиц — за попустительство мелким хищениям. Скажем, по статье 172 Уголовного кодекса РСФСР. Но возможности применения этой статьи также ограничены. Она позволяет привлечь к уголовной ответственности должностное лицо за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к ним, если это причинило существенный вред государственным или общественным интересам.

Е. БОЛДЫРЕВ. Я считаю, что необходима персональная ответственность руководителей, которые не принимают мер к мелким расхитителям, попустительствуют им, не реагируют на частные определения народных судов по поводу таких хищений. Кстати сказать, такой закон существует в Узбекской ССР. В статье 114² Уголовного кодекса этой республики указывается, что если должностные лица предприятий, учреждений, организаций систематически не принимают мер для предупреждения хищений государственного или общественного имущества и это повлекло совершение хищений, то они наказываются лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или увольнением от должности. Распространение опыта Узбекской ССР в других республиках

принесло бы существенную пользу. Директора многих предприятий стали бы серьезнее относиться ко всем случаям мелких хищений.

Н. ЮДИН. Да, вы правы, Евгений Владимирович. Со своей стороны хочу сказать еще вот о чем. Многолетний опыт работы судьей дает мне основание сказать, что в ряде случаев при рассмотрении дел о мелких хищениях незаменимы бывают выездные сессии народного суда. Они очень эффективны. Ведь когда мы судим в обычном зале заседания, на суд, как правило, приходят лишь близкие родственники и иногда друзья расхитителя. А вот выездная сессия проходит на предприятии или в организации, где работает виновный. На таком процессе присутствуют его товарищи по работе. И все это оказывает не только большое моральное воздействие на правонарушителя, но и имеет огромное профилактическое значение.

Е. БОЛДЫРЕВ. А я хотел бы добавить вот что. До сих пор в союзных республиках установлена различная ответственность за хищения, в том числе и за мелкие. Социалистическая собственность едина, поэтому и общественная опасность этого посягательства на нее везде одинакова. Вот почему, думаю, мне, нужна одинаковая ответственность, нужен единый, общесоюзный закон о борьбе с мелкими хищениями.

ЗАКОН В ЖИЗНИ З И Л О В Ц Е В

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

САМЫХ ДОСТОЙНЫХ ИЗ СВОЕГО КОЛЛЕКТИВА ИЗБИРАЮТ РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ МОСКОВСКОГО АВТОЗАВОДА ИМЕНИ И. А. ЛИХАЧЕВА НАРОДНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ В ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОННЫЙ НАРОДНЫЙ СУД МОСКВЫ.

О СЕБЕ И СВОИХ ТОВАРИЩАХ ПО РАБОТЕ В СУДЕ РАССКАЗЫВАЕТ НАРОДНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ, МАШИНИСТ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КРАНА ИВАН НИКОЛАЕВИЧ РОГОВ.

...Закончилось слушание дела. Из зала судебного заседания уходим в совещательную комнату. Валентин Филиппович Ананьев, председательствовавший на процессе, говорит Александре Александровне Хорошевой и мне:

— Обстоятельства дела вы знаете. Закон я вам разъяснил. Прошу высказывать свои мнения. Вы — равноправные со мной судьи.

Он каждый раз напоминает нам об этом, хотя мы уже давно усвоили процессуальный порядок обсуждения вопросов в совещательной комнате.

Удивительный у судьи характер: в его присутствии чувствуешь себя непринужденно, свободно излагаешь перед ним, опытным юристом, свои мысли... Высказываю я свои соображения по делу, а у самого перед глазами эти двое — Юрий Гурьев и Александр Игнатов, молодые ребята, совершившие преступление.

Случилось так. В половине десятого вечера Гурьев, основательно выпивший, встретил знакомого В. с девушкой и оскорбил ее. В. сделал ему замечание и потребовал, чтобы он извинился перед его спутницей. Гурьев ударил его портсигаром по голове и убежал. Спустя полчаса он и его дружок Александр Игнатов явились к В. домой, взломали дверь, выдернули звонок. Потом буйствовали во дворе. Один из жителей пытался унять их. Игнатов выломал рейку из скамьи и стал гоняться за ним. Нанес несколько ударов женщинам, встретившимся по пути... И вот оба — на скамье подсудимых. Надо определить степень вины каждого. Выслушаны показания подсудимых, свидетелей. И мы трое — судья и двое народных заседателей — думаем: какую меру наказания избрать.

Сколько раз мне уже приходилось решать этот очень не простой вопрос! Народным заседателем избираюсь на четвертый срок. До этого несколько лет был председателем товарищеского суда. Там

все попроще — и сами проступки, и меры воздействия на виновных. А тут... Да что говорить, когда меня впервые избрали, я так прямо и заявил в народном суде: «Опыта у меня в этом деле, дорогие товарищи, никакого, не знаю, получится ли что...» Судья Зоя Ивановна Корнева (она тогда работала в Пролетарском районном народном суде, а теперь — заместитель председателя Московского городского суда) улыбулась и сказала: «Поможем!» Помню, вместе с ней рассматривал первое дело — о разводе. Стояли они двое перед нами: совсем еще молоденькие. Он работал мастером на заводе, она — швеей в ателье. «Почему разводиться?» — спрашиваю. «Не сошлись характерами». «А в чем именно не сошлись?» Начали они рассказывать — и оказалось: весь-то их конфликт из-за того, что они не желают уступать друг другу. Добро бы в чем-то серьезном, а то так — по мелочам... Погорячился я тогда немного. Говорю им: «Как же вы ведете себя легкомысленно! Что же будет, если случится с вами что-нибудь серьезное?» Потупили оба головы. Одним словом, не стали мы их разводить, а отправили домой и дали месячный срок на раздумье. Потом пришел он один и забрал заявление о разводе... Зоя Ивановна мне тогда заметила: «А говорили, что опыта нет. В нашем судейском деле очень важно, чтобы помимо знания законов человек сердце имел...»

Но вот законы-то я знал слабовато. Поэтому мне было трудно. Пусть рядом с тобой опытный судья, который тебе все объяснит, подскажет, но и самому нужно ориентироваться в законодательстве. Поступил на судебный факультет в наш заводской университет правовых знаний. Окончил его. Гораздо увереннее стал себя чувствовать на процессах. Кроме того, для нас, народных заседателей, в Пролетарском районном народном суде регулярно ведутся занятия. Придешь на них — кругом масса знакомых лиц. Аркадий Сергеевич Сальников, бригадир-формовщик из абразивного цеха, Михаил Владимирович Ефремов, наладчик из кузнечного... Вот что-то старательно конспектируют Петр Михайлович Аниский из арматурного, Петр Сергеевич Шербаков из першого инструментального, Александр Федорович Некрасов из литейного... Всех так сразу и не перечислишь: от нашего ЗИЛа в Пролетарский районный народный суд избраны народными заседателями 227 человек. Это авторитетные люди, успешно совмещающие работу на производстве с общественными обязанностями в суде.

Народным заседателям приходится рассматривать самые разные дела. Вот одно из них, в котором участвовали инженер-конструктор Александра Яковлевна Лайок и начальник экспресс-лаборатории Елена Ильинична Знаменская. Обе избраны народными заседателями на третий срок, имеют опыт этой работы. А дело было связано с обманом покупателей... Продавец Мелешкина, торгуя с лотка от магазина № 49 Пролетарского райпищеторга, обсчитала двух покупателей на 62 копейки. Спустя несколько дней, чтобы проверить добросовестность продавца, специально произвели у нее контрольную закупку. Опять обвес и обсчет. Значит, ошибкой, случайностью это не объяснить. Налицо — умысел. В прошлом Мелешкина не судима. Судьи не могут не учитывать данное обстоятельство. Часть I статьи 156 Уголовного кодекса РСФСР, по которой привлекалась к ответственности Мелешкина, устанавливает, в частности, что обме-

ривание, обвешивание, превышение установленных розничных цен или иной обман покупателей в магазинах и других торговых предприятиях или предприятиях общественного питания наказываются лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или лишением права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания. Я привел это положение закона для того, чтобы показать, что меры наказания могут быть применены различные и надо было избрать такое наказание, которое наиболее точно соответствовало степени опасности совершенного преступления и личности виновного.

Суд приговорил Мелешкину к одному году лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима. Кроме того она была лишена права пять лет занимать в торговых предприятиях и предприятиях общественного питания должности, связанные с распоряжением, хранением и учетом материальных ценностей и денежных средств. И это справедливо — нельзя допускать в торговлю нечестных людей.

Меня иногда спрашивают: неужели вот вы все трое судей так сразу и приходите к единому решению? Приходить-то приходим, но не всегда сразу. Случается, и спорим. Точки зрения каждого могут не совпадать. Ищем оптимальное решение: с одной стороны, подкрепленное законом, с другой — житейским опытом, знанием людей...

Вернемся к истории с Гурьевым и Игнатовым. Оценка их действий ни у кого из нас не вызывала сомнений — злостное хулиганство. Действия того и другого отличались особой дерзостью. Законом предусмотрено за это наказание: лишение свободы от одного года до пяти лет. Но нас, судей, еще интересует: а что представляет собой каждый из подсудимых, в каких условиях жил, что повлияло на их поведение? Гурьев жил с матерью, отца у него нет. Мать целыми днями на работе, сын был предоставлен самому себе. Вот и повело его вкривь и вкось. У Игнатова в семье тоже не все благополучно... Характеристики из школы — обе резко отрицательные. В справке из детской комнаты милиции указано, что они оба состояли там на учете. Еще документ, теперь уже на одного Игнатова: около трех месяцев назад он совершил хулиганский поступок. Уже исходя из этого факта при определении наказания его нельзя равнять с Гурьевым. Многое еще нам предстояло учесть: и то, что оба преступника несовершеннолетние, и что в семьях они не получили должного воспитания, и... в общем, все обстоятельства дела и данные о личности виновных.

Мы не имеем права на ошибку. Это главное требование, которое предъявляли наши товарищи по работе, когда избирали нас народными заседателями.

О ПРЕДЪЯВЛЕНИИ И РАССМОТРЕНИИ ПРЕТЕНЗИЙ ПО ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ДОГОВОРАМ

Совет Министров СССР утвердил Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам.

До принятия этого Положения единого порядка предъявления и рассмотрения претензий предприятий, организаций и учреждений не было. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами, инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству и качеству и некоторые другие нормативные акты по-разному решали вопросы о сроках, порядке предъявления и рассмотрения претензий. Не было надежных гарантий строгого соблюдения претензионного порядка разрешения споров. Случалось, что обоснованные претензии иногда не рассматривались и оставались без ответа.

Положение устанавливает, что предприятия (организации, учреждения), нарушившие имущественные права и законные интересы других предприятий, обязаны восстановить их, не ожидая предъявления претензии. К примеру, предприятие по своей вине недопоставило в обусловленный срок другому

предприятию часть продукции, которую обязано было отгрузить согласно договору. Не дожидаясь получения претензии, предприятие-поставщик должно в кратчайший срок отгрузить недопоставленную продукцию и добровольно перечислить сумму неустойки, причитающуюся за нарушение договора. Если же это не будет сделано, первейшая обязанность предприятия, чьи имущественные интересы и законные права были нарушены, — предъявить претензию. Положение исходит из того, что предъявление претензии — это не только право, но и обязанность предприятия, организации, учреждения перед государством.

Без обращения с претензией к другой стороне предъявление иска в арбитраж или иной орган, которому подведомствен спор, не допускается. Иск, предъявленный с нарушением этого требования, не подлежит рассмотрению.

Положение детально регламентирует порядок оформления и предъявления претензий, а также сроки для предъявления и рассмотрения претензий.

Претензии о возмещении стоимости недостающей продукции (товаров), а также вытекающие из поставки продукции ненадлежащего качества или некомплектной, в том числе об уплате штрафа за поставку такой продукции, предъявляются в течение одного ме-

сяца, а претензии, возникающие по другим основаниям, — в течение двух месяцев. В такие же сроки эти претензии и должны быть рассмотрены.

Для предъявления и рассмотрения претензий, вытекающих из отношений по заготовке и реализации сельскохозяйственной продукции, а также претензий предприятий, организаций и учреждений, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, установлены более продолжительные сроки.

Предприятия, организация и учреждение, получив претензию, обязаны удовлетворить обоснованные требования заявителя и в письменной форме уведомить его о результатах рассмотрения претензии.

За нарушение сроков предъявления и рассмотрения претензий или оставление претензии без ответа арбитраж или третейский суд при рассмотрении хозяйственного спора вправе взыскать с предприятия, организации или учреждения, допустившего нарушение, в доход бюджета два процента суммы иска, но не менее 10 рублей и не свыше 1000 рублей.

Если в ответе о признании претензии не будет сообщено о перечислении признанной должником суммы, заявитель претензии вправе по истечении 20 дней после получения ответа предъявить в банк распоряжение на списание указанной суммы в бесспорном порядке. В случаях, установленных действующим законодательством, за просрочку платежа начисляется пеня.

Если предприятие, которому предъявлена претензия, отказалось — полностью или частично — удовлетворить ее или не

ответило в срок, организация-заявитель вправе обратиться с иском в арбитраж или в иной орган, которому подведомствен спор.

Положение определяет порядок урегулирования разногласий, возникающих при заключении, изменении и расторжении хозяйственных договоров, если он не предусмотрен обязательными для предприятий правилами.

Неуклонное соблюдение норм, установленных Положением, имеет большое значение для укрепления государственной дисциплины.

Предусмотрено, что министерства и ведомства руководят претензионной работой на подведомственных предприятиях, в организациях, учреждениях.

Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий обязательно для государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, организаций и учреждений, независимо от их ведомственной подчиненности. Действие Положения не распространяется на требования, вытекающие из отношений колхозов и межколхозных организаций между собой, а также с государственными, кооперативными и иными общественными организациями и на некоторые другие претензии.

Положение введено в действие с 1 января 1974 года.

Б. ЧЕРКОВЕЦ,
заместитель начальника отдела
Министерства юстиции СССР

ХРОНИКА ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

„Молчишь, не хочешь ничего рассказать, скрываешь...» — я этого не говорю, я так думаю. Смотрю на него в упор. В который раз рассматриваю это лицо: длинный с прожилками нос багрового цвета, опухшие веки, редкие волосы на голове. Старик, совсем старик. Пенсионер... пьяница. Родную дочь выгнал из дома — мешала пить и заниматься грязными делами. Жена сама ушла. Живут у родственников.

Молчит, второй день упорно молчит. Не говорит, у кого купил или где украл нейлоновые нитки, целый мешок ниток. Я знаю — эти нитки с трикотажной фабрики. Но как они оказались у него? Как? Из таких ниток вяжут рыболовные сети, продают их на рынке. Сетями браконьеры ловят по ночам рыбу.

Я думаю обо всем этом, глядя на него. И снова, уже в который раз пытаюсь направить разговор в нужное мне русло.

— Курите, Максим Степанович.

— Спасибо,— берет корявыми толстыми пальцами сигарету, и она в его руке кажется тонкой и маленькой, как спичка. Затягивается, весь дым уходит в легкие

— Ну, так что же будем делать? — спрашиваю я.

— Вам виднее. Что хотите, то и делайте.

Легко сказать: «что хотите»... За два дня я уже три раза бывал на фабрике. Эта трикотажная фабрика составляет особую заботу ОБХСС и нашей прокуратуры: на городском рынке систематически появляются сети и капроновые нитки. В продаже таких ниток нет. Их воруют с фабрики. Но кто и как ворует, пока выяснить не удастся. Установлено, что в цехах есть перерасход ниток на единицу готовой продукции. Как сказал мне главный бухгалтер фабрики, перерасход особенно возрос за последние два года. По моей просьбе была подготовлена справка, из которой видно, что сверх допустимых норм перерасход за это время составил более трехсот килограммов, или семнадцать мешков. Справка есть, а что дальше? Кто ворует? Старик знает, и надо, чтобы он сказал.

— ...Так, значит, нитки купили у незнакомого человека на рынке,— продолжаю я разговор.— Купили, чтобы связать себе сеть и половить рыбку? Но у вас же и лодки-то нет, Максим Степанович.

— Ребят бы попросил, они бы наловили.

— Каких ребят?

— Ишшо не знаю. Нашел бы кого-нибудь.

— Из этих ниток двадцать сетей выйдет...

— Так для соседей купил. Я же говорил.

— Для кого именно, конкретно?

— Я вить ишшо не знаю. Предложил бы кому ни то.

В этот момент раздается стук в дверь. Входит мужчина лет тридцати с маленькими черными усиками.

— Разрешите?

Взгляды их, как молнии, как кинжалы, скрещиваются, вонзаются друг в друга и гаснут.

— Подождите в коридоре. Я вас приглашу.

Он медлит некоторое время, отвечает:

— Хорошо,— смотрит на меня, закрывает дверь.

— Он? — глядя в упор на старика, спрашиваю я

Он несколько быстрее, чем обычно, подносит к губам сигарету, затягивается

— Кто — он? — смотрит на меня

— Он?

— Не знаю я его.

— Знаете, Максим Степанович. Позавчера ведь торговались за бутылкой, а?

Почему говорю именно так, я не могу ответить. Но мне показалось, что эти люди связаны между собой

Старик посмотрел на меня зло и испуганно

— Продал, сволочь.— Он ругается долго и грязно — Подонок!

Дрожащими руками он берет сигарету, начинает ее разминать. Она ломается, табак сыплется ему на колени. Он берет вторую и, не разминая, прикуривает

— Он,— старик даже показывает пальцем на дверь, за которой находится «он»,— он продал меня. Иуда, сам дал товар, сам и выдал. У него там целая шайка. Бандит.

— Сколько же он с вас сорвал, Максим Степанович?

Не очень хороший вопрос, но другого не нашлось.

Старик заскрипел зубами, махнул рукой.

— Не отдал я ему ишшо деньги. Договорились, что отдам потом, когда продам. За сто рублей сторговались.

— Запишем немного, Максим Степанович?

— Пиши, один черт

Я достаю протокол допроса.

..Теперь нужно вернуться назад. Вчера во второй половине дня меня вызвал прокурор и сказал, что на трикотажной фабрике задержана девушка, работница. Она пыталась вынести несколько мотков капроновых ниток. Ее нужно допросить.

Девушка была молода, лет двадцать — не больше. Она сидела на стуле и плакала. Я сел за стол и стал ждать. Она посмотрела на меня, вытирая платком слезы, опустила голову и продолжала плакать. Я сидел и молчал. Она опять взглянула на меня и перестала всхлипывать, вытерла слезы, подняла голову. Глаза, хоть и опухшие, зареванные, но лицо спокойное, взгляд осмысленный.

— Ну, так в чем дело? Почему мы плачем? — спросил я. Она молча отвернулась и стала смотреть в окно.— Ница, поймите меня

правильно. Вы украли нитки, вас задержали, и с этим надо разобраться. Может быть, вы украли их не для себя, это меняет дело. Тогда вы должны сказать, для кого вы это сделали. Я думаю, что вам лично эти нитки не нужны. Что вы из них сможете сделать? Связать сеть? Вы умеете вязать сети? — Она отрицательно покачала головой. — Нет. Тогда зачем они вам?

Когда ее задержали в проходной с нитками, одна ткачиха сказала: «Колька, гад, виноват во всем».

— Тот, для кого вы украли нитки, — продолжал я, — сейчас гуляет на свободе. Если вас посадят, нитки для него станут воровать кто-то другой. Он будет продолжать свое дело, а вы за него сидеть. Мы, естественно, будем искать его и когда-нибудь найдем. С вашей помощью мы можем сделать это сейчас. И уже никто больше не окажется в вашем положении. Понимаете, о чем идет речь?

— Я не виновата, — сквозь слезы сказала она.

— Что значит не виновата? — спросил я. — Разве вы не брали нитки? Брали, и вас с ними задержали.

— Я не виновата, — повторила она.

— Вы брали нитки не для себя? — спросил я. Она кивнула головой. — А для кого? Для Кольки? — Она взглянула на меня заплаканными глазами и опять кивнула головой. — Как его фамилия?

Она открыла рот, чтобы что-то сказать. Мне показалось, что у нее перехватило дыхание. Она опустила голову, негромко сказала:

— Семенов.

— Кто он такой? — спросил я.

— Рабочий с нашей фабрики, — так же тихо и не поднимая головы ответила она.

— Вы давно с ним знакомы?

— С весны, наверное, с марта. — Она заплакала опять. — Я боюсь. Он меня зарежет.

— Ничего он вам не сделает. Просто берет на испуг. Он ведь отлично знает, что ему не поздоровится, если он что-то с вами сделает. С такими вещами шутки плохи... Просто он вас запугал. А когда человек боится, ему кажется, что все против него. — Она не поднимала головы, но я видел, что она меня внимательно слушает. — И кроме того, Нина, вы же комсомолка. Как вы можете покрывать воровство? Где вы познакомились с Семеновым?

— На работе. Он работает у нас на фабрике слесарем. Станки ремонтирует.

— Сколько раз вы приносили ему нитки?

— Ни разу. Никогда не приносила. — Она опять готова расплакаться. Если это произойдет, разговора не будет.

— Не приносили, значит, не приносили. И нечего расстраиваться,— сказал я.

— Он меня давно просил, чтобы я принесла ему нитки. Говорил, что я, наверное, не хочу, чтобы мы были вместе. Потом стал грозить. А в этот раз он сказал, что к нему приехал друг, которому он обещал пять мотков ниток, и если я не принесу, мне будет плохо..

Лицо ее опять начало кривиться, сейчас расплачется. Я составил протокол, она, всхлипывая, прочитала его, подписала, и ее увели. Ее надо было задержать до встречи с Семеновым.

Я позвонил на фабрику. Мне ответили, что смена уже закончилась и Семенов ушел домой. Тогда я с курьером послал ему повестку на дом. На следующий день он явился в прокуратуру, где и состоялась так ошеломившая его встреча со стариком.

Подробно записав все показания старика, составив протокол, я вызываю милиционера и выхожу в коридор. Семенов сидит недалеко от кабинета. Он буквально вонзает в меня взгляд, настороженный, вопросительный взгляд человека, застигнутого врасплох. Я подхожу к нему и останавливаюсь. В это время мимо нас милиционер ведет старика.

— Пройдите ко мне,— говорю я ему. Он вздрагивает и идет за мной в кабинет.— Садитесь сюда.— Садитесь, смотрите на меня.— Ну, как вы считаете, зачем я вас вызвал?

Он пожимает плечами.

— Наверное, познакомиться,— и отворачивается.

— Нет, не познакомиться. Мы вас заочно уже знаем...

Он настораживается, и такое впечатление, что начинает нюхать воздух. Я молчу. Пусть он подумает.

Вначале наш разговор носит нейтральный характер — я ищу подступы к основной теме. Выясняю, где он работает, что входит в круг его обязанностей. Он неохотно и осторожно отвечает, боясь проговориться. Постепенно мы подходим к Нине Федоровой. Я выясняю, знаком ли он с нею. Он неопределенно отвечает:

— Может быть, и знаком. А что?

— Стало быть, знаком

— Ну.

— Она говорит, что знает даже вашего друга, который сейчас гостит у вас.— Лицо его вытягивается.— Друг-то у вас гостит?

— Ну, гостит. А что?

— А другу капроновые нитки нужны. И вы просили, чтобы она их принесла.

— Вот вы к чему все это говорили. Нитки нужны! Никаких ниток я не знаю. Нужны мне ее нитки! Она еще глупая, она вам наговорит.

— Речь не о ней, а о вас. Вы просили ее украсть нитки?

— Ха, просил. Допустим, просил, а что из этого? А если бы я попросил ее выпрыгнуть с пятого этажа! Она воровала — пусть и отвечает, а я ни при чем.

— Так и запишем. А теперь поговорим о Максиме Степановиче Пивоварове. — Он как-то лениво смотрит на меня. — Расскажите, с какого времени вы с ним знакомы, часто ли встречаетесь, есть ли у вас общие дела?

— Ну, знаком я с ним, знаком. Что дальше?

Пивоваров показал, что Семенова Николая он знает с детства, был хорошо знаком еще с его отцом. «Большим человеком мог стать Иван-то Пантелеевич. Тыщами ворочал во время нэпа. Да Советская-то власть маленько подрезала его крылышки. Я и мать Колькину знал. Злая больно женщина, не приведи, господи».

— Передавали ли вы Пивоварову мешок ниток для продажи?

Он поворачивается всем корпусом в мою сторону и, глядя мне прямо в лицо, жестко и категорично говорит:

— Нет, никакого мешка с нитками я Пивоварову не передавал и ничего об этом не знаю.

— Значит, ничего этого не было?

Я нажимаю кнопку — входит милиционер.

— Приведите Пивоварова.

Милиционер уходит. Мы сидим и молча ждем. Ожидаем мы только разного.

Старик повторяет все, что говорил на допросе. Зло и тупо глядя на него, Семенов цедит сквозь зубы:

— Ну, говори, говори, распинайся.

— Ты на себя лучше посмотри, молокосос. Я за тебя сидеть не намерен. Мне своего вот так, под завязку. Было дело? Было. Взял я у тебя мешок ниток? Взял, чего тут говорить. И все. И больше я ничего не знаю.

Семенов молчит и, отвернувшись, смотрит в окно. На прощанье он показывает старику кулак.

А через полчаса передо мной сидят Федорова и Семенов. Вначале все идет спокойно. Пока я заполняю бланк протокола очной ставки, он молчит, смотрит в окно, она сидит, опустив голову. Мол-

чит он и тогда, когда она рассказывает о том, как просил он принести нитки, как угрожал.

— Подтверждаете ее показания? — спрашиваю я.

— Нет,— спокойно отвечает он.— Кому вы верите? Она же дуручка, сама не знает, что говорит Ты что это, Нина? У тебя что — болит голова? Ты соображаешь, что говоришь?

— Не прикидывайся сам,— отвечает она ему.— Я не только о тебе, а и о всех твоих дружках расскажу.

— Заткнись,— шипит он, глаза его еще больше сощуриваются.— Заткнись...— Он бросается к Федоровой, но милиционер хватает его сзади за руки и сажает обратно на стул

Ручка прыгает у меня в руках. Я никак не могу записать ее показания. Бывает и так. Закуриваю...

— Уведите его,— говорю я, продолжая курить, и никак не могу успокоиться.

Нина сидит сжавшись и испуганными круглыми глазами смотрит на меня.

— Ничего, Нина, все будет в порядке. Мы и не такое видели.— Она дрожит.— Вот прочитайте, что я здесь написал, подпишите и идите отдыхать.

Пока она читает и подписывает протокол, я стою у окна, курю и смотрю на улицу, освещенную ослепительно яркими летними лучами солнца. Полдень. В открытое окно несет жаром. Листья тополя неподвижно застыли в горячем воздухе.

— Если кто-то будет вам угрожать, сообщите сразу же мне. Никого не бойтесь, Нина, никого. Ну, счастливо.

На следующее утро снова я встречаюсь с Семеновым. Он садится на стул, положив ногу на ногу, закуривает и говорит:

— Что, начальник, не получается?

Он смотрит на меня в упор, нагло улыбаясь.

— Не паясничайте, Семенов,— говорю я, стараясь быть спокойным.

— Я не паясничая. Я думаю вслух,— отвечает он и пускает в потолок струю дыма

— Хорошо. Теперь послушайте, что я скажу. Вчера у вас дома был произведен обыск — Он бледнеет.— В вашем сарае обнаружено несколько мешков ниток. Объясните, откуда они.

— Никаких ниток я не знаю,— жестко говорит он.— Кто их туда положил, я тоже не знаю. Может быть, вы сами их туда положили.

— Не надо, Семенов, говорить ерунду. Вы отлично знаете, что это не так. Обыск проводился как положено, в присутствии вашей матери и понятых. Так что все сказанное вами — пустые слова. И еще.

Прокурор дал санкцию на ваш арест.— Лицо его вытягивается. Он не знает, что ответить.— Вот так. Пора вам по-настоящему задуматься над своим положением.

Его уводят, я остаюсь один, смотрю на безжизненно повисшие в знойном воздухе листья тополя, и мысли бегут и бегут, мысли, от которых никуда не денешься, пока ведешь расследование:

«Откуда у Семенова такое количество ниток? Где он их взял? Федорова украла для него один раз и была задержана. Кто воровал еще? Пивоваров и Федорова говорили о каких-то друзьях Семенова. Может быть, они? Это надо выяснить».

Я выписываю повестки Пивоварову и Федоровой.

Пивоваров заявил, что никаких друзей Семенова он не знает и ничего по этому поводу сказать не может. Федорова показала, что друзей Семенова она тоже не знает, но слыхала от подруг о Славке Библии и Косте Рыжем, с которыми Семенов якобы общается. Костю Рыжего она не видела, а Библия работает грузчиком у них на фабрике.

На следующий день я еду на трикотажную фабрику, захожу в партком Секретарь парткома ждет меня. Я говорю ему, что мне нужен кладовщик, и спрашиваю, что он за человек.

— Прохор Семенович — человек честный,— говорит он.— Член партии. У него на складе порядок.

— Мне известно,— сказал я,— что на фабрике есть рабочий по кличке Библия. Вы не знаете его?

— Есть такой. Рогов его фамилия. В разговоре он часто ссылается на библию, поэтому его так и прозвали. О нем я ничего сказать не могу, не знаю. Работает он на складе, у Прохора Семеновича.

Кладовщик входит неторопливой походкой рабочего человека, здоровается.

— Зачем вызвали, Владимир Петрович? — обращается он к секретарю.

— Вот товарищ из прокуратуры хочет с вами побеседовать,— кивает тот головой в мою сторону и выходит из кабинета. Мы остаемся одни.

— Я хотел с вами поговорить об одном рабочем вашего склада. Меня интересует Рогов. Что он за человек? Расскажите, как он работает, какая у него семья.

— Работает он неплохо. Исполнительный. Но замкнутый, мало-разговорчивый. Живет он, кажется, вдвоем с матерью. Но точно я не знаю.— Он почти преданно смотрит на меня. Может быть, такое выражение его глаз оттого, что они искажены стеклами очков.

— Значит, он хороший работник? Исполнительный, добросовестный

— Да, работает он хорошо, только, знаете, выпивает.

Пустой разговор, безрезультатный. Не могу же я спросить прямо: ворует или не ворует? А все эти разговоры о дисциплине, исполнительности — пятое колесо у телеги. Они ничего не дают. Но и не спросить тоже нельзя.

— Скажите, Рогов не замечался в краже ниток?

Кладовщик бросает на меня быстрый взгляд, думает некоторое время, пожимает плечами.

— Вроде бы не замечался. Не было такого случая.

Протокол получается короткий.

Что дальше? Допросить Рогова? О чем? Ворует ли он нитки? Какие у меня для этого основания? Никаких. Что делать? Сейчас главной фигурой является Семенов. Надо работать с ним, не забывать его, не оставлять в стороне, беспокоить. Следует рассказать ему о Библии и Рыжем. Пусть видит и знает, что я работаю, пусть поймет, что кольцо вокруг него сужается.

Семенов встречает меня улыбочкой. Он не теряет оптимизма. Самая лучшая тактика — нападение. Это известно. Я нападаю.

— Что такое библия? — спрашиваю я Семенова. — А может быть, кто такой, а? — Он лениво смотрит на меня, пускает в потолок струю дыма и отворачивается. — Библия и Рыжий, — добавляю я.

— Опять загадки, начальник, — говорит он медленно.

— Разгадки, а не загадки, — в тон ему отвечаю я. — Привет они вам шлют. — Он смотрит на меня в упор, чувствуется, что эти слова его задели.

— Не знаю, о ком вы говорите, — не глядя на меня, говорит он. — Да, начальник, через три дня исполняется десять суток, как меня сюда поместили. Я статью 90 Уголовно-процессуального кодекса знаю. Обязаны предъявить обвинение.

— Я тоже знаю. Нарушать ее не собираюсь. — Я нажимаю кнопку. Он недоуменно смотрит на меня. Слышится стук шагов — Пока. Послезавтра вам будет предъявлено обвинение.

Я опять остаюсь один, один на один со своими мыслями и вопросами.

Итак, нитки. Кто и где их может воровать? Семенов сам доступа к ним не имел. Значит, не он. Кто? Рабочие цеха? Ткачихи? Брали мешки и выносили? Возможно ли это? У Семенова обнаружено более 50 килограммов. И риск большой. Федорову сразу задержали.

Работники склада? Кладовщик? Как? Выносил с фабрики? Или вывозил? Практически это сделать очень трудно. Я выяснял, как

поставлена охрана — все организовано достаточно хорошо и надежно. Может, здесь замешаны рабочие? Библия? Он друг Семенова. Но как он мог воровать? Он часто ездит на машине, его знает охрана. Может быть, он так и вывозит? Надо дать задание охране, чтобы она внимательнее относилась к проверкам машины с грузчиками, когда они выезжают с фабрики. С другой стороны, мешок ниток не иголка. Незаметно вынести его со склада, спрятать в машине и вывезти нелегко. Нитки возят с железнодорожного склада. Может, по пути и воруют? Логично. Надо проверить. Поехать на железнодорожный склад, где фабрика получает нитки, и проштамповать партию мешков, предназначенную для отгрузки?

Я так и сделал. После того как машина была загружена и выехала со склада, мы с инспектором ОБХСС Казаковым поехали вслед за ней. Сначала машина шла по пристанционному поселку, затем вышла на шоссе, ведущее к мосту через реку, разделяющую фабрику и железнодорожный склад. За мостом машина остановилась, шофер спустился к реке и стал купаться. Грузчик, осмотревшись по сторонам, снял один мешок с машины и спрятал его в кустах. Когда шофер вернулся и машина уехала, я попросил Казакова остаться, а сам поехал на фабрику. Там я зашел на склад. Машина была уже разгружена. Меня встретил кладовщик, вопросительно глядя сквозь толстые стекла очков. Он сказал, что недостачи нет.

Мы пересчитали мешки — их было ровно столько, сколько указано в накладной. «Как же так? — подумал я. — Ведь один мешок украден. Их должно быть меньше». Тогда я решил проверить штампы. Оказалось, что один мешок не имеет штампа. Об этом был составлен акт. Кладовщик смотрел на меня недоуменно и молчал.

— Кто сопровождал груз? — спросил я

— Грузчик Рогов, — ответил он.

Я попросил не расходовать эти мешки и вышел из склада.

Что дальше? Почему нет недостачи мешков? Почему один мешок без штампа? Не проштамповали там? Не может быть. Подброшен вместо украденного? Кто ответит на эти вопросы? Только я сам. Надо съездить к Казакову. Может быть, там что-нибудь новое.

Казаков сказал, что приезжал на велосипеде грузчик и перепрятал мешок на новое место. Мы решили допросить грузчика.

Когда я пришел в прокуратуру, мне позвонили и сказали, что арестованный Семенов просит следователя. Я поехал к нему. Семенов встретил меня неизменной улыбкой.

— Что случилось? — спросил я, когда конвойный, приведший Семенова, вышел из кабинета. Он как-то хитро взглянул на меня и сказал:

— Признаться я решил, следовательно. — Я не поверил своим ушам и молча смотрел на него. Закурил. Он тоже закурил. — Все равно от вас никуда не денешься. Наклепают на меня такого, что потом не оберешься. Каждый отвечает за то, что сделал. Так ведь?

— Так, — подтвердил я. — Каждый за то, что сделал.

— Ну, так вот я, — он сделал ударение на «я», — я ничего не сделал.

— Непонятно. Это вы считаете признанием?

— Сейчас все скажу, сейчас. — Он затанулся. Улыбочка его пропала, глаза приобрели металлический блеск, сузились. — Суки продажные, трусы. Все на меня валить, не выйдет. — Он говорил негромко, почти бормотал. — Они — воры, они воровали, я тут ни при чем. Нитки принес кладовщик-очкарик для Носа. Я к ним не прикасался.

— Что за Нос? — не понял я.

Он быстро взглянул на меня.

— Пивоваров, старый черт. Его не было дома, поэтому Очкарик оставил их у меня. Передать я не успел. Я их не крал и не продавал. Я арестован, вают на меня. Они-то на свободе, сговорились. Пусть все идут вместе со мной. — Он нервно затанулся. У него стала дергаться щека. Он прижал ее рукой. — Девчонку выбросьте из дела. Она ни при чем. Я ей велел принести нитки. — Я вопросительно посмотрел на него. — Так надо было. — Он тер рукой щеку.

— Что значит «надо было»?

Он исподлобья взглянул на меня.

— Хотел отвести подозрения от кладовщика.

Зажимая рукой щеку, он читал протокол. Подписал его и вернул. В конце протокола его рукой было написано: «Я ничего не крал и не продавал ворованное». Его увели.

Итак, что дальше? С кого начинать: с кладовщика или Рогова? С кладовщиком уже разговор был, и не было заметно, что он хочет что-либо рассказать. Надо поговорить сначала с Роговым.

Рогов пришел ко мне, прошел к столу, сел, снял мятую капроновую шляпу, пригладил рукой редкие волосы, мягко, почти ласково посмотрел на меня. Глаза его блестели. Мне показалось, что он нетрезв.

— Вы выпивали сегодня? — спросил я.

— Не, ни маковой росинки, — поспешно ответил он.

— У нас есть сведения, — начал я, — что вы, работая на складе

трикотажной фабрики, присваивали нитки, то есть брали их для себя. Было ли такое? Расскажите

— Да, было,— охотно подтвердил он.— Я действительно, как это, присваивал нитки. Все это по пьянке, товарищ следовательно,— он улыбнулся,— по пьяному делу.

— Как это происходило?

— Как? Очень просто. Меня Колька Семенов научил. Вот как. Нитку мы возим на фабрику со станции. Я сопровождал машины. Сидел я всегда в кузове. И по дороге мешочек один — того, сбрасывал. Вот и все. Вечером его относил Кольке. Вот так-то.

«Очень просто все получается,— подумал я.— Может, он говорит неправду? Поведение его и вид какие-то странные»

— Когда вы последний раз сбрасывали мешок с нитками?

— Вчера. Он еще там лежит. Я его хотел Кольке отнести, да его дома нет. Уехал куда-то, что ли. Который день уж нет.

— Расскажите, как это произошло.

— Как? Стало быть, поехали мы с шофером за ниткой. Погрузили и назад. Я — в кузове. Со станции дорога идет через мост, а потом — по берегу. А жара была, дышать нечем. Шофер остановил машину и говорит, я, мол, пойду искупаюсь, а ты посиди у машины. Пока он купался, я и спрятал один мешок. Вот и все.

— А как же вы перед кладовщиком отчитались?

— Чтобы не было недостачи, Колька меня научил, что делать. Когда я развозил нитку по цехам, то прятал у себя в раздевалке мешок, два — когда как получалось. В этот раз у меня тоже был спрятан мешок. Когда машина разгружалась на фабрике, я незаметно выносил спрятанный мешок и клал его вместо того, который я выбрасывал по пути.

— Кто кроме вас участвовал в хищении ниток? — спросил я. Рогов быстро взглянул на меня.

— Никто, я один.

— А Прохор Семенович непричастен?

— Нет, нет, что вы. Он же партийный. Он в этом отношении очень строгий человек. Я один все это делал. Украденное передавал Кольке.

— С какого времени вы занимались хищением ниток?

— А вот как Колька вернулся из заключения и научил меня, как это делать. Мне самому бы до этого не додуматься. У меня голова слабая.

Видимо, придется выяснять его психическую полноценность. Странный он какой-то.

— И сколько за это время вы взяли мешков?

— Семнадцать,— не задумываясь ответил он — У меня вот здесь все записано — Он протянул мне замусоленную записную книжку. В ней на различных страницах стояли кресты.— Вот сколько крестов,— сказал он,— столько мешков. Я подсчитал. Семнадцать. Можете проверить.— Я пересчитал кресты Их действительно было семнадцать.

Семенов был освобожден два года назад. Значит, Рогов воровал в течение этих двух лет. Все совпадает. Даже трудно поверить, но все именно так. Согласно справке, запрошенной мною, перерасход ниток резко возрос за последние два года и составляет около семнадцати мешков. Все правильно. Я подробно записал его показания, и мы расстались.

Рогов говорит правду. О краже последнего мешка рассказал все так, как было. Правильно сказал и о количестве похищенного. Его показаниям можно доверять и относительно кладовщика Видимо, последний непричастен к краже. Не тот человек: член партии, давно работает, его знают как честного, добросовестного работника. Кладовщик к краже непричастен. Семенов его оговаривает умышленно, чтобы отвести подозрения от Рогова. Он знает, что, выйдя мы на Рогова,— тот ничего скрывать не станет.

На следующий день мне позвонил секретарь партбюро фабрики и сказал, что вопрос о хищениях рассматривался на дирекции. Решили провести также общее собрание рабочих и служащих.

Собрание было многочисленным и шумным. Выступило много рабочих. Говорили о Федоровой, Рогове, Семенове, о недостатках в организации труда на фабрике, производственных вопросах. Порой мне казалось, что я присутствую на производственном совещании. Секретарь партбюро что-то писал в свою записную книжку. Собрание единогласно постановило ходатайствовать перед прокуратурой о передаче Федоровой на поруки коллективу для перевоспитания. Рогова — лечить от алкоголя и судить за совершенное. Семенов пусть отвечает по всей строгости закона.

После голосования, когда собрание было почти закончено, встал молодой парень, попросил слова.

— Здесь было объявлено, что вы следователь прокуратуры, вы расследуете это дело,— обратился он ко мне.— Скажите, передадут Федорову нам на поруки или нет? Может, мы зря собирались, голосовали, и все это не имеет никакого значения? Если вы уже завели о ней уголовное дело, значит, ее будет судить суд? Вот что нам непонятно.— И он сел.

— Чтобы ответить на этот вопрос, я должен вначале кое-что разъяснить,— я встал из-за стола и подошел к трибуне.— Преступ-

ление преступлению рознь. Люди тоже разные. Закон учитывает эти обстоятельства. За одни преступления предусмотрено лишение свободы, за другие — меры наказания, не связанные с лишением свободы. Закон предусматривает и такую возможность, когда совершивший преступление может быть освобожден от уголовной ответственности вообще. Я прочитаю вам, что записано в законе. Статья 52 Уголовного кодекса гласит: «Если по обстоятельствам дела совершенное лицом преступление и само это лицо не представляют большой общественной опасности и если деяние виновного не повлекло тяжких последствий, а сам он чистосердечно раскаялся, то по ходатайству общественной организации или коллектива трудящихся это лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания и передано на поруки для перевоспитания и исправления той общественной организации или тому коллективу трудящихся, которые возбудили ходатайство.

На поруки не может быть передано лицо, которое ранее было осуждено за совершение умышленного преступления либо уже передавалось на поруки». Вот так записано в законе.

То, что сделала Федорова, не представляет большой общественной опасности. Совершила она кражу впервые, призналась и чистосердечно раскаялась. Это было видно даже из ее выступления на собрании. Поэтому ходатайство ваше обоснованное. Я считаю, что Федорову вполне можно передать на поруки вашему коллективу. В этом я постараюсь убедить и прокурора. Ясно?

— Ясно,— ответил мне гул голосов.

Расследование по делу заканчивалось. Судебно-психиатрическая экспертиза признала Рогова вменяемым, но констатировала умственную отсталость, которая усугублена алкоголем. Он признан алкоголиком. Санкция на его арест получена. Постановление я направил в райотдел милиции для исполнения.

Федорова была передана на поруки. Семенов в надежде на то, что «меньше дадут», рассказал по делу все. Было установлено, что нитки продавал он сам — развозил их на мотоцикле по деревням. Признался, что кладовщика оговорил. Его показания совпали с показаниями обвиняемых — Рогова, Пивоварова, свидетелей. Другими доказательствами. Дело было направлено в суд.

ИЗ ЗАПИСОК ПРОКУРОРА

Уютный домик железнодорожного машиниста Степана Ивановича Науменко в поселке Родаково утонул в цветах. С улицы домика и вовсе не было видно. Правду сказать, цветы были ненарядные — простые. На Украине их называют собачьи розы. Здесь же росли мята, любисток, душистый горошек и резеда. Вечером от них начинал исходить приятный и острый запах. Цветы эти не требовали никакого ухода. Весной появлялись сами собой. Собачьи розы вырастали чуть не до двух метров.

Евдокия Григорьевна, жена Степана Ивановича, женщина средних лет, крупная, с румянцем во всю щеку, целыми днями, негромко напевая старинные песни, нянчила маленькую дочку.

Оксанке шел третий год. Каждое новое слово и каждый жест ребенка бесконечно радовали Евдокию Григорьевну. Да и как не радоваться! Своих детей у супругов не было, и седеющий Степан Иванович часто, бывало, вздыхал по ночам: без детей какая жизнь? Нет без ребенка настоящей радости. Евдокия Григорьевна, тайком от мужа, пролила немало слез, жалуясь на свою судьбу. Ребенка только его и не хватало в этой чистой хате. В доме достаток, муж трезвый, здоровье хорошее.

Но года два назад все переменялось, как по волшебству. Евдокия Григорьевна до гробовой доски не забудет теплого августовского вечера, когда муж, возвратившись из поездки, едва открыв калитку, негромко, но с какой-то необъяснимой теплотой и нежностью в голосе позвал ее.

— А ну, Явдоха, подывьись що я прыніс.

Евдокия Григорьевна, полагая, что муж привез яблоки или арбуз, как это он иногда делал, возвращаясь из поездки, небрежно ответила:

— Да положи там на лавку, потім подывлюсь.

— Кого на лавку, дытыну?

Евдокия, как будто ее ударило током, бросилась к мужу и увидела у него в руках какой-то сверток, в котором виднелось маленькое сморщенное личико ребенка. Черные бусинки глаз смотрели на Евдокию, и даже показалось, что ребенок жалко так улыбается ей...

Степан Иванович рассказал жене, откуда взял ребенка.

Сдав смену, он с деревянным сундучком в руках, какие носят с собой на работу все железнодорожные машинисты, шел со станции домой. Летний вечер был теплый и тихий, только сверчки пели свою нехитрую песенку.

Станция маленькая, пассажиры на ней — редкость. И в этот раз Степану Ивановичу никто не встретился. Проходя мимо старого, давно заброшенного колодца, Степан Иванович услышал какой-то слабый не то крик, не то писк. Наверное, крысы дерутся, подумал Степан Иванович и хотел идти дальше, но крик — теперь он уже понял, что это крик, — раздался снова. Остановившись, Степан Иванович прислушался — снова тихо. Наклонившись над колодцем, он увидел там чудом зацепившийся за расшатанное бревно небольшой сверток. И снова услышал слабый детский плач. Не помня себя от

волнения, он вытащил сверток и, прикрыв его полой рабочего пиджака, быстрым шагом направился домой.

Выслушав взволнованный рассказ мужа, Евдокия Григорьевна прослезилась и, с нежностью поглядывая на спящего ребенка, уже вымытого и завернутого во все чистое, повторяла одно и то же: «Да какая же это волчица так поступила с дитем? Боже ты мой милосердный».

Всю ночь добрые люди не спали в беспокойстве за ребенка, поили его теплым молоком, пеленали. Утром супруги Науменко пошли в милицию заявить о находке и посоветоваться, как поступить с ребенком. В милиции все как следует записали, сказали, что будут искать виновных, и посоветовали сдать девочку в детский приемник. Но Степан Иванович и Евдокия Григорьевна и слышать об этом не хотели. Ребенка они никому не отдадут, будут его воспитывать, а если найдутся родители, то пусть суд рассудит, у кого ребенку быть, у них или у тех людей, что бросили его столь безжалостно на верную гибель.

Итак, девочка осталась у супругов Науменко, назвали ее Оксанкой. И вот уже два года дом их полон неизъяснимого счастья. Оксанка, черноглазенькая, пухленькая, любит папу и маму, а они не чают в ней души. Одно только беспокоит Евдокию Григорьевну: а вдруг найдутся родители и отберут у них Оксанку. Боже упаси, они этого не переживут.

Оксанка не знает, и будет хорошо, если никогда не узнает, что она им не родная. Есть у нее где-то отец и мать, но где? И почему они с ней так поступили? Наверное, это мать надела на шею Оксанки маленькую серебряную иконку, на которой нацарапана буква Н. Евдокия Григорьевна хотела выбросить эту иконку, но потом чего-то суеверно испугалась и спрятала ее в сундук на самое дно, пусть там и лежит.

Оставим теперь на некоторое время счастливую семью Науменко и вернемся к событиям пятилетней давности.

Наташа Очеретова была девушкой красивой и веселой. Среднего роста, с длинными черными косами, карими глазами и смуглым цветом лица.

Отец Наташи был человеком добрым, но слабовольным. Он очень любил дочь, но еще больше боялся своей новой жены, Наташиной мачехи.

Что бы Наташа ни сказала, что бы она ни сделала, мачехе все не нравилось. Ко всему она придиралась. И не было дня, чтобы Наташа не проливала слезы, кляня свою судьбу.

Наконец девушка не выдержала и сказала отцу, что уезжает на шахты, будет хоть полы у людей мыть за кусок хлеба, а дома не останется.

Отец долго ее отговаривал, не советовал ехать на шахты, а мачеха зло сказала:

— Нехай едет, узнает почем фунт лиха, привезет тебе байстрюка.

...Забившись в угол общего вагона, зажав между колен мешок с одеждой и домашней едой, крепко держа в руке железнодорожный билет, Наташа, напуганная разговорами о том, что на железной дороге полно воров и жуликов, а их и на самом деле в те времена, в начале тридцатых годов, было немало, не смыкая глаз и боясь выйти даже на минуту, целые сутки просидела на своем месте, пока не приехала на станцию Верхне-Дуванная.

С трудом нашла хибарку, в которой жил приятель ее отца Никифор Михайлович Стелько, работавший на шахте 1-бис десятником. Он-то и приютил Наташу на первое время.

Надо было работать, и Наташа устроилась на шахту ламповой. Дело нехитрое — следить, чтобы шахтерские лампочки были заправлены, и выдавать их шахтерам перед спуском в шахту. Трудно было привыкать к работе на шахте. Наташа привыкла видеть в деревне людей если и не нарядных, то всегда чисто одетых. Шахтеры же появлялись в ламповой в такой черной, задубевшей от угольной пыли одежде, что поначалу девушке на них страшно было смотреть.

Хлопцы все чаще молодые, веселые и озорные. Разговаривали они громко, ругались без стеснения, а некоторые и рукам волю давали. Но после того как Наташа влепила одному озорнику звонкую пощечину, задевать ее перестали.

Новичков предупреждали: «Смотри, не балуй, а то врежет, не зарадуешься,— девушка строгая». Наташа чувствовала в этих словах нотки уважения. И в самом деле, шахтерам нравилось, что девчонка сумела постоять за себя.

Так шло время. Хотя заработок был и невелик, Наташа, экономная и даже немного скуповатая, сумела прилично приодеться, по-городскому, гуляя с подругами по главной улице поселка, чувствовала, что парни на нее заглядываются. Ей было и приятно и страшно. Да, страшно. Наташа еще в деревне наслушалась рассказов, как городские парни обманывают деревенских девчат, а потом бросают их. И этого Наташа боялась пуще огня.

Нет, встречаться с хорошим парнем она не против. Но чтобы это было честно, без обмана. А как узнаешь, какой честный, а какой нет? И поэтому Наташа на гулянках жалась к подругам и избегала знакомств с парнями.

Так прошел почти целый год. Наташа привыкла к работе, завела подруг. Сняла небольшую чистенькую комнатку и жила спокойно, как ей казалось, даже счастливо. Домой отцу писала редко, а он почти совсем не писал. Правда, один раз от отца земляки привезли посылочку — сало со шкуркой и венки лука. Всплакнула, вспомнив отца, постепенно съела сало и лук и снова надолго забыла о своей деревне, а о мачехе и вспоминать не хотела.

Наташе шел девятнадцатый год. Она очень похорошела и даже подросла. В деревне в эти годы девчата выходят замуж, а то и раньше. Пора бы и ей иметь семью. Наташа, как, наверное, всякая здоровая девушка, мечтала о семье, муже и ребенке. Но все шло по-старому, жених не появлялся.

Весна в том году была ранняя. Зелени в шахтерском поселке не очень много, но зато если выйти за поселок в степь, там красота. Степь цветет. Молодая трава, цветы полевые, все это живо напоминало Наташе родную деревню.

Как-то в воскресный день Наташа зашла за подружкой Соней, и они пошли гулять в степь. Был прекрасный солнечный, теплый день. Девушки много ходили, бегали, смеялись просто так, от полноты чувств и, устав, лежали на траве и глядели в голубое небо.

Они и не заметили, как к ним тихо подошел молодой человек. Среднего роста, худощавый, с чистым белым лицом, парень был, пожалуй, даже красив или, может быть, освещенный солнцем, казался таким. Девушки отметили про себя, что он не шахтер. У шахтеров — и брюнетов и блондинов — ресницы как бы подкрашенные тушью, черные от въевшейся угольной пыли, а у этого следов угольной пыли на ресницах нет, значит, не шахтер.

Парень постоял несколько секунд молча, посмотрел внимательно на девушек, как показалось Наташе, больше на нее, и спросил:

— Отдыхаете? Можно присесть?

— Садитесь, место не куплено, — ответила Соня.

Парень присел. Вынул пачку папирос и спросил:

— Работаете на шахте? Что-то я вас раньше не видел.

— И мы вас не видели. Наверное, сидите в конторе, — сказала Соня.

— Не только в конторе, но и в конторе тоже. А почему вы думаете, что я сижу в конторе?

— Да уж больно вы чистенький.

— А разве это плохо?

— Нет, почему же плохо. Это даже хорошо,— сказала Наташа и почему-то покраснела.

Из степи они шли уже вместе, разговаривали и смеялись, как хорошие друзья.

Для Наташи началась новая, какая-то почти нереальная жизнь. Работала она по-прежнему хорошо. Получала премии и благодарности. Но что бы она ни делала, куда бы она ни шла, мысли ее были заняты одним — увидеть бы Петра, услышать его голос, почувствовать тепло его рук. Когда она успела так влюбиться в Петра и чем он ее очаровал, Наташа, если бы ее об этом спросили, объяснить не смогла.

После встречи в степи Петро назначил ей свидание. Разговаривал вежливо, вел себя скромно, рассказывал о том, как учился в техникуме, о Ленинграде и других больших городах. Затаив дыхание, Наташа слушала парня, и ей казалось, что умнее и вежливее его нет на свете, что она нашла свое счастье. И, как умела, она старалась сохранить, не упустить его.

Теперь Наташа встречалась с Петром, или, как она его называла, Петриком, все чаще. Взявшись за руки, они уходили в степь, долго гуляли, рассказывая друг другу о своей жизни, или молчали, не замечая времени. Но когда Петр однажды поцеловал ее, Наташа с силой оттолкнула его и, задыхаясь от обиды, убежала домой.

Никакие уговоры Петра, что ничего особенного он не сделал и что он поцеловал ее любя, на Наташу не действовали. Несколько дней она не выходила на свидание, не отвечала на его записки, которые он передавал через подруг.

Наташа, может быть, рассуждала и старомодно, но она считала, что поцеловать ее может только жених, человек, который собирается на ней жениться, а не просто так, кому вздумается.

Наконец они помирились и снова стали встречаться. Первое время Петр не делал новой попытки обнять и поцеловать ее. Но потом, как-то провожая Наташу домой, поцеловал ее, и Наташа не оттолкнула его. Она верила, что Петр ее любит. И она его любит, а раз так, то они все равно что жених и невеста, хотя Петр и не сделал пока ей предложения.

Он был на несколько лет старше, и роман с Наташей был не первым в его жизни.

Наташа не могла бы точно сказать, получилось ли все с ее согласия или против ее воли, но уговорами, обещаниями жениться и не без применения силы Петр добился своего. Наташа долго и безутешно рыдала. Петр, правда не очень убедительно, утешал ее.

Говорил, что ничего страшного не произошло, что он ее любит по-прежнему и если ему дадут квартиру, они поженятся. Слова эти были сказаны так, что Наташа им не поверила и дала себе слово, что больше с Петром встречаться не будет.

К ужасу своему, Наташа вскоре убедилась, что у нее будет ребенок. Петр искал с ней встречи. Караулил на улице, посылал записки и даже заходил к ней на квартиру. Наташа уклонялась от встреч и одна, молча переживала свалившееся на нее несчастье. Поделиться своим горем она ни с кем не могла. Рассказать отцу боялась. О том, чтобы поделиться с мачехой, не могло быть и речи. Близких подруг у Наташи тоже не было. Одно время она думала, не пожаловаться ли на Петра начальнику шахты. Но оставила эту мысль. Не поймут ее. Наверное, скажут: «Куда, девка, смотрела раньше?».

Что делать, Наташа не знала. Беременность стала уже заметна, и хозяин квартиры сказал, что с ребенком ее держать не будет, так как не терпит детского крика.

Забеспокоился и Петр. Боялся ли он, что Наташа будет на него жаловаться, или у него заговорила совесть, только однажды, встретив Наташу, идущую с работы, он почти насильно остановил ее и долго говорил о том, что он ей не чужой, предлагал деньги, уговаривал попытаться избавиться от ребенка и намекал, что тогда, может быть, они и поженятся. После этого разговора Наташа окончательно убедилась, что нечего ей ждать помощи от Петра.

Получив декретный отпуск, Наташа, скрепя сердце, поехала в деревню к отцу. Впервые в жизни она солгала ему, сказав, что замужем, муж уехал в длительную командировку, а она два-три месяца поживет дома.

Отец прослезился и поверил. Мачеха презрительно смотрела на Наташу и со всей злостью, на какую только была способна, принялась отчитывать падчерицу. Но здесь уже не выдержал отец Наташи. Он строго прикрикнул на жену, и на некоторое время в доме стало тихо. Так тихо бывает перед бурей.

Родила Наташа дочку и назвала ее Оксаной, так же, как назовут ее впоследствии приемные родители. Оставаться дома было невозможно. Мачеха попрекала каждым куском хлеба. Отец хмурился и все спрашивал, когда же придет зять. Ехать с ребенком на шахту, а там? Где жить, с кем оставить ребенка? Но в конце концов Наташа правильно рассудила, что рабочие люди не дадут ей пропасть, что нужно возвращаться на шахту.

Приютила ее тетка Матрена, давно уже не работающая на шахте и жившая на небольшую пенсию и грошовые доходы с огорода, в

котором выращивала редиску и лук. Маленькая и бог знает когда беленая комната с земляным полом — такое было у Наташи с дочкой жильё. Тетка Матрена за небольшую плату согласилась нянчить девочку. Так они и жили. Но здесь произошло то, чего Наташа не могла никак предвидеть.

Комсомольскому комитету шахты от кого-то стало известно, что отец Оксанки — бухгалтер Петр Яковлевич Гриценко. Начались выяснения. Наташе предложили подать на Петра Гриценко в суд, взыскать алименты на дочь. Она так и думала поступить, но не успела. Опередил ее Петр. После окончания смены он пришел к Наташе, принес гостинцы и долго говорил о своей вине, о своей ошибке и умолял Наташу простить его. Они поженились и уедут в другой город.

Что было делать Наташе? Одна с ребенком в чужой квартире. Зарплата маленькая. Дочку надо кормить и ухаживать за ней. Наташа поплакала и согласилась. Договорились, что она возьмет расчет и вместе с Петром уедет в другой город. Через несколько дней они выехали в Кривой Рог.

В поезде Петр завел разговор о том, что с ребенком им будет очень трудно устроиться на квартиру и на работу. Хорошо бы оставить девочку на время у знакомых. Наташа сказала, что оставить не у кого и ребенка она никому не отдаст. Долго и нудно Петр говорил, что они еще молоды, что дети у них еще будут, а сейчас ребенок им ни к чему. Он просто мешает, и надо что-нибудь придумать. Наташа испуганно глядела на Петра, не очень понимая, к чему он клонит.

Поздно ночью поезд остановился на станции, где должна быть пересадка. Вышли из вагона и в помещении вокзала стали ждать своего поезда. Теперь Петр затеял разговор о том, что хорошо бы оставить где-нибудь ребенка, его подберут и воспитают, а у них еще будут дети. Если Наташа на это не согласна, он уедет один, а она пусть возвращается на шахту и ждет его, пока он устроится и придет за ней.

Уже прошел их поезд, а они все говорили и говорили. Наташа, измученная, уставшая, голодная, почти переставшая соображать, что говорит и что делает, согласилась оставить ребенка на станции. Едва вырвав у обессилившей Наташи это чудовищное согласие, Петр схватил ребенка, выбежал из помещения вокзала...

Поехали дальше. Наташа все время плакала. Петр заметно волновался и на вопрос, где он оставил ребенка, отвечал как-то невнятно. Наконец после настойчивых расспросов он сказал Наташе, что оставил ребенка возле колодца.

Молодая женщина потеряла сознание, ее отливали водой. Очнувшись, она непрерывно плакала. На станции Горловка, где поезд должен был простоять двадцать минут, Петр предложил выйти, немного подышать воздухом. Усадив Наташу на скамейку, он сказал, что пойдет в буфет узнать насчет чая и сейчас вернется. Утомленная бессонной ночью, ослабевшая от слез и страданий, Наташа незаметно для себя задремала на свежем воздухе. Сколько она спала, не знает, но когда проснулась, на станции не было ни поезда, ни Петра.

Оставшись без копейки денег, без вещей и без билета, Наташа не знала как ей быть. Тогда-то и увидела ее Галина Стеклова, секретарь комсомольской организации местного химкомбината.

Наташа прожила два дня у Гали, а потом при ее помощи поступила на завод, жить стала в общежитии. Молодость берет свое. Прошло два, три месяца, и Наташа пришла в себя.

Добрая, внимательная, готовая каждому помочь, Наташа снова приобрела много друзей. От Петра не было никаких вестей, да, откровенно говоря, она забыла о нем и думать.

Однако жизнерадостность Наташи была только внешним проявлением ее здоровой натуры. Никто не знал и не мог знать, отчего глаза ее часто бывали грустными, а иногда как будто без видимой причины наполнялись слезами.

Наташа не могла забыть свою маленькую дочку. Мысль о том, что, возможно, ребенок погиб и погиб по ее вине, не давала ей покоя.

Прошло два года. Многое изменилось в жизни Наташи. Она стала ударником, хорошо зарабатывала. Товарищи по работе ее уважали и любили за ровный характер и веселый нрав, за готовность помочь друзьям поделить последним.

Однако ей было тяжело. Она считала, что не достойна внимания и дружбы хороших людей. Ведь она сама если и не погубила ребенка своими руками, но согласилась с Петром, и он его погубил. Значит, она виновата. Преступница, а товарищи этого не подозревают.

Наташа долго и мучительно думала, как ей поступить. Не сразу пришла она к мысли, что надо обо всем рассказать прокурору. А как только поняла, что в силах это сделать, сразу же решилась. Пусть ее судят как преступницу, но она ни одного дня не может дальше носить в душе своей эту тяжесть.

...Робко постучавшись в дверь с табличкой, на которой была написана фамилия прокурора, Наташа вошла в кабинет. За простым письменным столом, на котором стояла лампа с зеленым абажуром, сидел молодой прокурор.

— Я вас слушаю. Что вы хотели мне сказать?

— Я хочу покаяться.

— Покаяться,— усмехнулся прокурор,— но я не поп, а прокурор.

— Все равно, я хочу покаяться в своем грехе, рассказать о нем.

— Рассказывайте,— посерьезнев, сказал прокурор.

— Арестуйте меня, я убила ребенка.

— Вы убили ребенка? Когда, как?

И Наташа рассказала прокурору все, что уже известно читателю. Рассказала также и о том, что на шее ребенка должна быть маленькая серебряная иконка с буквой Н.

Не перебивая, прокурор внимательно слушал Наташу, время от времени делая пометки в блокноте.

— Вы можете обо всем этом написать? — спросил прокурор, когда Наташа, вытирая слезы, закончила рассказ.

— Нет, лучше запишите сами.

— Хорошо, запишет следователь. Мы все проверим.

— А меня вы арестуете?

— Нет, пока нет. Сперва проверим, а вы оставьте свой адрес и продолжайте работать. Когда надо, мы вас пригласим.

Вызвав следователя и поручив ему отобрать у Наташи заявление, прокурор отпустил ее и, оставшись один, глубоко задумался.

Сам крестьянский сын, хорошо знавший психологию крестьянских девушек, прокурор глубоко был тронут судьбой Наташи и бесхитростным, трагичным ее рассказом.

Для начала необходимо проверить все, что рассказала Наташа, и тогда будет видно, что делать,— решил прокурор.

Возбудив по заявлению о явке с повинной уголовное дело, народный следователь Василий Миронов взял у Наташи подписку о невыезде. Большого опыта в расследовании сложных дел Миронов не имел, так как недавно только закончил Харьковский институт советского строительства и права и это было одно из первых его дел. Отсутствие опыта практической работы компенсировалось исключительной добросовестностью и трудолюбием. Василий Миронов гордился своей работой и старался изо всех сил.

Подробно допросив Наташу и объявив розыск Петра Яковлевича Гриценко, Миронов решил немедленно выехать на место происшествия. Начальник милиции поселка Родаково ничего утешительного сказать следователю не мог. За последние два года личный состав отделения обновился, старый начальник милиции умер, а пожаром в прошлом году был уничтожен весь архив.

Остался ли жив ребенок? А если жив, то где теперь искать его, кого допрашивать? Всех жителей поселка? Но ведь рядом еще два

разъезда Белянский и Лотиково и совхоз «Победа». Может быть, ребенок там?

Проверка в детских садах и детском доме ничего не дала. Никаких данных об обнаружении ребенка или сдаче его в детский сад или детский дом не было. Может быть, Петр вернулся за ребенком и забрал, а затем бросил где-либо в другом месте или сдал его в детский дом в каком-нибудь городе? Такой вариант тоже не исключался, но установить, где сейчас находится Петр, пока не удалось.

Следователь решил проверить в Родаково и на разъездах Белянском и Лотиково все случаи рождения и смерти детей в возрасте до трех лет. Установив списки родителей, следователь начал кропотливые поиски.

Работа эта была чрезвычайно сложной и не без неприятностей. Некоторые родители категорически отказывались давать какие-либо сведения о своем ребенке, считая кровной обидой вмешательство прокуратуры в их семейные дела.

Одна одинокая мать учинила следователю форменный скандал, крича на весь поселок, что никому нет дела от кого у нее ребенок, где и когда он родился и как себя чувствует. Это ее ребенок, а где она его взяла, никого не касается.

После длительных мытарств следователь наконец встретился с семьей Науменко. С первых же вопросов он понял, что нашел то, что искал. Супруги Науменко, очень волнуясь и перебивая друг друга, рассказали, как к ним попал ребенок, добавив, что считают его своим и жизни без него не представляют. Показали они следователю и серебряную иконку с нацарапанной на ней буквой Н. Подробно записав показания супругов, опросив соседей и взяв соответствующие справки о регистрации ребенка в поселковом Совете, следователь уехал в Горловку с докладом.

Узнав, что ее дочь жива и находится у хороших людей, Наташа долго плакала. Плакала от счастья и радости, а потом заявила прокурору и следователю, что она чувствует себя виноватой и не будет требовать ребенка, если только добрые люди хотят его оставить у себя. А они этого очень хотели.

Уголовное дело против Очеретовой было вскоре прекращено. Перед судом предстал Петр Гриценко.

Рисунок С. ХАЛИЗОВА.

ЦЕНА ВЫНУЖДЕННОГО ПРОГУЛА

Это дело рассматривалось в Щекинском городском народном суде Тульской области. Оно поступило сюда из соседнего Тепло-Огаревского района. Там есть свой народный суд. Но ответчик высказал ему недоверие. Потому что год назад этот народный суд восстановил на работе незаконно уволенную истцу. Ответчик посчитал это решение необъективным.

— Прошу встать, суд идет!

Судьи занимают места. Председательствующий спрашивает истца и ответчика, доверяют ли они составу суда. Разъясняет их права. Зачитывает исковое заявление.

Внимательно, хотя ей знакомо каждое слово своего заявления, слушает истица, работница Тепло-Огаревской конторы по заготовке скота Любовь Стефановна Петрухина. Держится она уверенно, потому что знает: народный суд защитит ее законные интересы. Рядом с ней — представитель ответчика Николай Петрович Красовский, управляющий той же конторы.

Исковое заявление просто по содержанию: Л. С. Петрухина просит восстановить ее на работе и оплатить вынужденный прогул.

Несложна и фабула дела.

Больше двенадцати лет Любовь Стефановна честно и добросовестно исполняла свои нехитрые обязанности на базе конторы «Загот-

Защищается ответчик.

1973 года. Народный суд Тепло-Огаревского района установил, что сокращения штатов не было и Л. С. Петрухина уволена незаконно. Ее восстановили на работе, а контора по решению суда заплатила за дни вынужденного прогула.

— Ах, так! — решили руководители конторы. — Выживем ее другим способом!

И появился на свет за подписью управляющего Н. П. Красовского приказ № 8

Председательствующий народный судья Г. Б. Никулин зачитывает его:

«На основании решения Тепло-Огаревского народного суда от 3 мая 1973 года с сего числа восстановить на работе тов. Петрухину Л. С. в должности рабочей и вменить в обязанность тов. Петрухиной Л. С. охрану базы в ночное время».

Любовь Стефановна с переводом не согласилась. Ночным сторожем работать не стала, и ее уволили за прогул.

— Скажите, Красовский, — спрашивает председательствующий — Почему вы не выполнили решение суда и вместо восстановления на

скот»: принятый заготовителем у населения скот направляла в определенные загоны, потом убирала эти загоны и двор. Однажды обнаружила она, что заведующий базой Т. И. Емельянов занижает вес принимаемых животных. Написала об этом Любовь Стефановна в районный комитет народного контроля. По ее сигналу была проведена проверка, и за грубые нарушения правил приема скота Т. И. Емельянову и Н. П. Красовскому объявили строгие выговоры. Казалось бы, самым разумным для руководителей конторы было сделать выводы и не допускать больше нарушений закона. Но они решили пойти по другому пути: избавиться от Л. С. Петрухиной. И уволили ее по сокращению штатов в марте

прежней работе вы Петрухину фактически перевели на другую работу?

— Я не нарушал, — отпирается Красовский. — Сторожей у нас не хватает. А рабочих много.

— А Петрухина согласие на перевод давала?

— Не давала... А что ее спрашивать — приказ издан. Работа такая же...

— Скажите, Петрухина, — обращается к истине председательствующий. — Характер работы от такого перевода изменился?

— Ну, а как же! — отвечает Любовь Стефановна. — То я днем работала — от девяти утра до шести вечера. А то должна была по ночам работать, через сутки по 12—14 ча-

О существе дела рассказывает
Л. С. Петрухина.

Выступает помощник прокурора Р. И. Сковородкова.

сов. Трудно это: у меня же семья. Да и ночью разное случается: если со скотиной несчастье произойдет какое, то сторож должен забить ее и освежевать. А я не могу этого сделать.

— Вы знали, Красовский, что нарушаете статьи 24 и 25 Кодекса законов о труде РСФСР? — спрашивает народный заседатель Г. Ф. Макаров. — Согласно первой из них администрации запрещено требовать выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. А статья 25 допускает перевод на другую работу только с согласия рабочего или служащего.

Управляющий начинает пространную речь о производственной необходимости. О недисциплинированности Петрухиной. О ее нежелании подчиниться начальству.

Но судьи скрупулезно изучают существо дела. Председательствующий Г. Б. Никулин двадцать лет работает народным судьей. Народный заседатель С. И. Блохина — воспитатель в рабочем общении, а у народного заседателя Г. Ф. Макарова трудовой стаж более полувека. Был он и простым шахтером, и на руководящих должностях. И главное для них — защитить законные интересы человека, восстановить его трудовые права. Надо сказать, что дела о незаконном увольнении — редкость. Они единичны. Но если и случаются, то на защиту нарушенных прав трудящегося встает прокуратура, юридическая консультация бесплатно выделяет адвоката, а суд с особой тщательностью подходит к разбору трудового спора.

Права работницы нарушены при поддержке руководства Тульского треста «Скотопром». Ради сохранения престижа администрации райконторы в тресте решают: «Убрать непокорную!» И вот из Тулы на расширенное совместное заседание администрации и местного комитета Тепло-Огаревской конторы «Заготскот» выезжает инспектор по кадрам треста Л. Н. Иванов. Казалось бы, инспектор по кадрам должен хорошо знать трудовое законодательство. Ознакомившись с незаконными приказами управляющего, инспектор обязан был указать Красовскому на его неправильные действия. Л. Н. Иванов не только не сделал этого, но и сам грубо нарушил законы о труде. Местный комитет профсоюза вынес беспрецедентное решение: «Уволить тов. Петрухину Л. С. с работы».

— Скажите, Красовский, — спрашивает председательствующий, — заседание состоялось по вашей инициативе?

— Конечно, — отвечает тот.

— Но ведь местный комитет вправе лишь дать согласие на увольнение или не давать его, — говорит Г. Ф. Макаров.

Управляющий молчит.

В судебном заседании вскрываются и другие неблагоприятные фак-

ты. Тепло-Огаревский райком профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок, куда обращалась Л. С. Петрухина, на ее жалобу ответил: «Административные (?) взыскания, наложенные управляющим конторой «Заготскот» тов. Красовским Н. П., решения комиссии по трудовым спорам и группкома — правильные».

— Скажите, Красовский,— спрашивает помощник прокурора Р. И. Сковородкова,— вы, как руководитель конторы, знакомы с трудовым законодательством?

— Я знаком,— отвечает управляющий.— Лекции слушал. На семинарах бывал...

— Так почему же вы нарушали эти законы, охраняющие интересы рабочих и служащих?

— Не знаю...— разводит руками Красовский.— Я считал, что если Петрухина не выходит на работу — значит, совершает прогул.

— Неправда, выходила я на работу! — говорит истица.— Только днем, как мне положено. Да вот меня мой начальник Тимофей Емельянов домой прогонял: придешь, говорит, вечером. Сторож ты теперь. А днем не допускал...

— Скажите, Красовский,— спрашивает помощник прокурора.— А вы с юрисконсультом ваши приказы обсуждали?

И тут же поясняет, что даже в Тульском тресте «Скотопром», в который входит 14 совхозов и 10 районных контор по заготовке скота, тоже нет постоянного юриста. Юрисконсульт там приходящий, работает он на полставки по договору. Отсюда и многие нарушения закона. И как следствие этого — вопиющая история с увольнением Л. С. Петрухиной.

— Управляющий конторой Н. П. Красовский грубо нарушил трудовое законодательство,— сказала в своей речи помощник прокурора Р. И. Сковородкова.— Грубое администрирование он противопоставил требованиям закона. Я считаю увольнение Петрухиной неправильным и прошу суд о восстановлении ее на работе с оплатой вынужденного прогула. Иск Петрухиной подлежит удовлетворению по следующим основаниям. В нарушение статьи 24 КЗоТ РСФСР, запрещающей требовать от рабочего или служащего работы, не обусловленной трудовым договором, администрация «Заготскота» приказом от 4 мая 1973 года вменила в обязанность Петрухиной работать ночным сторожем без ее согласия, чем нарушила статью 25 КЗоТ. За отказ Петрухиной от выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, приказами от 18 мая, 5 июня и 6 августа 1973 года незаконно наложены дисциплинарные взыскания на Петрухину. В связи с тем, что Петрухина отказалась от перевода на другую работу — сторожем,— администрация не допустила ее к вы-

полнению обязанности рабочей, поэтому прогул, совершенный ею с 7 по 20 августа, является вынужденным. Увольнение произведено в нарушение пункта 4 статьи 33 КЗоТ РСФСР. Кроме того, местный комитет профсоюза решением от 24 августа 1973 года согласия на увольнение Петрухиной не дал. В этом решении записано: «Уволить Петрухину Л. С. за систематические нарушения трудовой дисциплины, за ряд дисциплинарных взысканий», что также является незаконным, так как местный комитет не правомочен выносить такие решения. Прошу восстановить Петрухину на прежней работе и оплатить ей 3 месяца вынужденного прогула. В связи с тем, что в ходе рассмотрения данного дела установлены факты грубого нарушения трудового законодательства администрацией «Заготскота», прошу частное определение об этом направить Тульскому тресту.

С аналогичной просьбой выступила и адвокат Зоя Андреевна Карасева.

Суд удаляется для вынесения решения.

И вот снова:

— Прошу встать, суд идет!

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики! — зачитывает председательствующий. — Щекинский городской народный суд решил: восстановить Петрухину Любовь Стефановну на работе в качестве рабочей базы Тепло-Огаревской конторы по заготовке скота с выплатой среднего заработка за три месяца вынужденного прогула.

Одновременно суд выносит частное определение: о допущенных нарушениях поставить в известность Тульский трест «Скотопром» для принятия соответствующих мер.

Закончен судебный процесс. Он еще раз ярко показал, что, как бы ни ухищрялись нарушители трудового законодательства — вплоть до требований перенести слушание дела в другой район, — народный суд, в каком бы составе ни рассматривал это дело, всегда поступит по справедливости. О многом заставит подумать руководителей треста и частное определение, на которое необходимо ответить не формальной отпиской, а конкретными мерами по отношению к нарушителям закона.

Фото автора

**Комсомолец, активный член оперативной группы добровольной народной дружины
Ировского завода в Ленинграде Валерий Александрович Анинфеев.**

Фото В. ЗИМИНА.

Идет очередное заседание Пленума Верховного Суда СССР.

Сорок лет назад, 16 апреля 1934 года ЦИК СССР постановил ввести высшую степень отличия — звание Героя Советского Союза.

За героизм, проявленный в боях при форсировании Дуная и освобождении Будапешта, этого высокого звания был удостоен командир взвода пулеметчиков Александр Павлович Косицын — ныне доктор юридических наук, профессор, руководитель кафедры советского государственного строительства и права Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

ЗАКОН- ЭТО ЗАКОН

Наверное, не оригинальный заголовок? И я так думаю. Общеизвестно, стандартно и достаточно плоско. К тому же много раз было. Тут у меня два оправдания. От повторения правда не портится — это первое. А второе... Но сначала расскажу я о скучном человеке.

Человек этот, Анатолий Петрович Гвоздев, являл собой образец редкостного бюрократа-исполнителя. По крайней мере, так считали его сослуживцы. Все классические аксессуары чинуши и волокитчика были при нем. Просто даже не верилось, что живет и работает он в наше радостно-сумасшедшее время, когда все бурлит и несется, как в кинофильме.

Начать с того, что носил он галоши. Придя на работу, надевал синие нарукавники, а если в комнате было не совсем темно, обязательно выключал свет. Записной остряк снабженец Сеня Книжкин по этому поводу говорил:

— Вы думаете, Гвоздев озабочен экономией электроэнергии? Она ему — до лампочки. Видите, около выключателя висит лозунг «Уходя, гасите свет», вот он и гасит. Ну, скажи, Анатолий Петрович, — обращался Сеня к Гвоздеву, — если бы плакат не висел, гасил бы? (Сеня был парень открытый и мог все что угодно сказать человеку в глаза, чем очень гордился).

Бухгалтер (ко всему, Гвоздев и профессию имел наименее романтическую из всех возможных) равнодушно усмехался:

— Так ведь висит.

Хотели провести эксперимент — снять плакат, но начальник воспротивился: за экономию электроэнергии надо бороться, а не экспериментировать.

Но, конечно, главные «бюрократические» качества Анатолия Петровича заключались не во внешних данных. Тот же снабженец Сеня

выдаинул такую теорию. Бывает, у патефона что-то сорвется и игол-ка скользит по одной борозде: «Утомленное солнце нежно с мо... нежно с мо... нежно с мо....», и так и будет крутиться, пока кто-нибудь не столкнет, чтобы досказал патефон: «...рем прощались, в этот час...» Так вот, Гвоздева, по мнению Книжкина, никто не столкнул. Он как запрограммировался когда-то во тьме времен (бухгалтер по стажу работы был у нас самый старый) на выполнение всех и всяческих предписаний и инструкций, так и крутился в этой борозде.

Рассказывали даже такую романтическую историю. Гвоздев когда-то не то что влюбился (он был женат, имел детей и, по слухам, был счастлив в семейной жизни), но позволил себе поухаживать за симпатичной сотрудницей. И вот однажды она перебежала улицу, а он остался стоять, хотя транспорта не было, но горел красный свет. Она ему машет, а он стоит и ждет. Потом перешел на зеленый. Она говорит: «Неужели вы ничего не можете нарушить?» А он ей: «Но если можно не нарушать...». На том они и расстались. Сеня очень хотел спросить у Гвоздева, было это или не было. Но ему строго-настрого запретили, поскольку сотрудница эта была близка к пенсии, но еще работала.

Да, но личные дела бухгалтера мало кого вообще-то волновали. На производстве с ним было трудно — вот что беспокоило. Сколько премий недосчитались из-за Гвоздева — не счесть! В самом деле, конец месяца. Тридцатое число на исходе, до плана каких-нибудь полтора процента не хватает; и ведь не то чтобы обманывать государство, воздух за продукцию считать; есть она, эта продукция, завтра на склад ляжет, ну, послезавтра в крайнем случае, заготовки сделаны, вот они, в цеху. Гвоздева не прошибешь, хоть к стенке ставь, хоть перед ним на колени становись. Акт от завсклада принесут — мол, принято, а Гвоздев проверит цеховые документы и точка: не подпишет, хоть режь его.

— Ну, поймите, Анатолий Петрович, ну, раскиньте мозгами,— убеждали его.

— А чего тут раскидывать? — глянет Гвоздев поверх очков.— Иногда раскидывать мозгами вредно: выполнять надо.

— Господи, да мы что, ворует, что ли?

Гвоздев молча доставал Уголовный кодекс РСФСР и раскрывал его на статье 152¹. Ногтем подчеркивал эту статью.

— Да поймите же, Гвоздев,— возмущался наш небольшой, но сплоченный коллектив,— есть же продукция, есть! Завтра будет.

Гвоздев невозмутимо углублялся в свои бумаги, явно противопоставляя себя коллективу.

Задумали как-то пойти коллективно в театр. По статье «производственная пропаганда» пропадали деньги, вот и решили их истратить на повышение культурного уровня. Гвоздев опять все застопорил, получив в дополнение к «бюрократу» кличку «мракобес». Однажды решили... Да что там — фактов ретроградства, черствости и волокитства набралось бы на целый том мелким шрифтом.

И терпели, кляня свою судьбу. А куда денешься? О том, чтобы уволить Гвоздева, и речи быть не могло. Ни разу на работу не опоздал (хотя и не задерживался после шести), вся бухгалтерия в ажуре таком, что ревизоры удивлялись. (Один из ревизоров даже сказал, когда ему пожаловались на бухгалтера: «Дуракам счастье, а они еще артачатся»). Где там — уволить! Выговор раз ему дали — так судился! Да, да! Подал в суд и доказал, что неправильно взыскание наложили. Ему говорили: «Ну что тебе выговор, не одному же, всем руководителям дали (авария была), зачем с трестом конфликтовать?...» Не внял. Иск подал. И отменили по суду. У всех остался выговор, а этот бюрократ чистеньким вышел.

Одно общей картине не соответствовало: был Гвоздев на фронте, имел орден Красного Знамени, медаль «За отвагу» и еще какие-то награды. «Как же ты воевал, — допытывался Сеня, — орден за что получил?...» «Устав выполнял», — большего от Гвоздева не добились, и Книжкин сказал: тогда всем давали, вот и нашему Гвоздеву дали — он ведь по интендантской части был.

А потом Гвоздев умер. На похороны пришли какие-то пожилые граждане с колодками орденов на пиджаках. И рассказали, как Гвоздев в 1941 году в окружении организовал тыл дивизии, и, по их словам, только потому и удержалась дивизия. «В сорок первом на ордена скупы были, — сказал гражданин с колодками, — а Гвоздеву «Красное Знамя» дали».

Так и ушел Гвоздев. Вспомнила о нем контора примерно через год. Увы, в зале суда. И Уголовный кодекс РСФСР лежал, раскрытый на той самой статье 152¹. А на жесткой скамейке, слева от судебного стола, сидел и директор наш, и Сеня-снабженец, и еще трое.

— Закон — это закон, — прокурор говорил точно словами покойного Анатолия Петровича.

Только тогда они как-то не доходили, теперь же били по смятленным мозгам, вонзались в тоскующие сердца. Воровали сотрудники, что ли, обманывали? Разве ж можно дело делать, ничего не нарушив? Буквочки какой-нибудь, закавыки несчастной? Так это горячо, искренне все оправдывались. И осекались иногда на полуслове, вспоминая «бюрократа Гвоздева»...

Эту историю рассказал мне ревизор контрольно-ревизионного управления. И при этом добавил в качестве моралите:

— Говорят, в древнем Риме поставили памятник на могиле одного ничем не замечательного гражданина, а на том памятнике написали: он ел и пил в меру. И все, никаких доблестей. А разве это так мало — в меру? Не скажите! Моя бы воля, я бы особо отмечал гражданина, который выполняет все, что положено законом. Все, до запятой. Впрочем, наверное, это сугубо ревизорская точка зрения...

Может, и ревизорская. Но в ней, как говорится, что-то есть.

Мы как-то снисходительно относимся к нигилистическому взгляду на нормы права, коль скоро они не касаются преступлений. Никкак мы не хотим согласиться с простой вещью: не просто нужно — выгоднее в конечном счете исполнять закон, который лично мне не нравится, который лично я считаю несовершенным, но который существует. Сиюминутность личного интереса очень часто затемняет перспективу, которая, если говорить о плавании по морю житейскому, открывается только законом.

Не так давно пришла ко мне с жалобой женщина. Ее муж попал, как она выразилась, в беду. Он купил по случаю давнюю свою мечту — дубленку. На толкучке купил, которая в их городе разрешена местным Советом. А через некоторое время попал ее муж в большой скандал — вором его называли, чуть, как она сказала, в тюрьму не посадили, а уж на весь город ославили — это точно.

Оказывается, встретил ее мужа на улице какой-то гражданин и буквально закричал: «Держи вора!» Узнал гражданин свою дубленку, которую у него похитили с месяц назад. Назвал все тайные приметы — какой ниткой пуговица вторая сверху пришита, какой дефект в подкладке есть, да и свидетелей было полно, подтвердили — его дубленка. Но и муж посетительницы доказал, что он честно купил вещь, то есть, как говорят юристы, был добросовестным приобретателем.

В тюрьму его, конечно, не посадили. Но дубленку отобрали и возвратили хозяину. Денег, однако, не вернули, хотя ведь ни в чем и не виноват человек. Все сделали по закону, что я и попытался разъяснить посетительнице. Если он найдет того, кто продал, тогда есть шанс вернуть триста рублей, а иначе...

— Нет уж, буду жаловаться, — сказала посетительница, — что это за закон такой?! Разве муж что-нибудь нарушил?

— Но ведь и тот гражданин, обокраденный, ничего не нарушил.

— Все равно...

У нас разговор был долгий, хотя мы, как вы понимаете, ни до чего не договорились. При этом посетительница положила меня на

обе лопатки, когда мы обсуждали вопрос о соотношении права и морали. Она напомнила статьи (в том числе и мои собственные), в которых утверждалось, что наша мораль не противоречит нашему закону, что нормы права уже этических норм, но исходят из них, отражают их. А выходит, не так все гладко.

Типичнейший пример...

Один проходимец задумал добыть жилплощадь в Москве. Он познакомился с девушкой, дочерью почтенных родителей. Отношения их стали близкими, но девушка не настаивала на регистрации брака. Настаивал проходимец: «Я хочу, чтобы все по закону». Зарегистрировались. «Я хочу, чтобы у нас была настоящая семья, а для этого ведь надо жить единой семьей». И родители согласились прописать проходимца в своей квартире, которую они ждали много лет и теперь наслаждались ею. Конечно, они не подозревали зятя ни в чем дурном. Через год оказалось, что девушка и проходимец не сошлись характерами. «Надо разводиться, потому что состоять в браке без любви — безнравственно», — заявил искатель жилплощади. Развелись. «Мне что, у вас жить или будем разменивать квартиру? — спросил проходимец. — Ах, мне лучше уйти? Но мне положена площадь — по закону».

Он насквозь аморален, наш проходимец. Но ведь отсудит площадь: у них четырехкомнатная квартира на четверых. Фактом женитьбы и прописки он приобрел право на часть площади, а разведясь, не утратил этого права. Брак-то был не фиктивным.

Так что же, покрывает ли наш советский закон негодяя? Скажем мягче — аморальное поведение человека? Нет, ответу, ни в коем случае не покрывает, это противоречит духу советского права. А может ли аморальное поведение прикрыться законом? Увы, вынужден ответить, — может. В каких-то случаях может. Мы это часто стесняемся договорить, говоря о законе и морали.

Этот конкретный случай мы обсуждали с одним видным юристом, знатоком гражданского права. Полный сочувствия к этой семье, я, честно говоря, надеялся — а нельзя ли все-таки проходимца лишить права на площадь.

— Закон этого не позволяет, — говорил мой собеседник, — и не надо винить закон. Ведь если дать суду право лишать такого человека жилплощади, то можно любого разведенного выселить. Вот если есть доказательства, что брак был фиктивным, тогда другое дело.

— Но проходимец всего год там жил.

— А хотя бы и полгода. Вы говорите, мало? А сколько надо? Год? Два? Десять? Но и через десять лет кто-то окажется обижен-

ным. Правовую норму, прежде чем она нормой стала, сколько раз обкатывали, примеряли, взвешивали. Людей много — столько же интересов. Закон есть некая равнодействующая сила, оптимальный вариант выхода из тысяч ситуаций. Вот вы говорите, полгода мало. А может ли жить нормально человек годами, зная, что в случае чего его запросто вышвырнут из квартиры?..

— Но выходит, что, строго соблюдая норму права, люди иногда поступают аморально?

— Нет, соблюдать закон — всегда нравственно. Безнравственно собственные жизненные ошибки вменять в вину закону. Правила уличного движения не в состоянии же предотвратить гибель человека, решившего покончить жизнь самоубийством, бросившись под машину. Так не кивать же на правила. Законы — ориентиры жизни, а не поводыри...

Так что ответ на вопрос о соотношении морали и права не так легок, как принято отвечать. «Закон,— писал Гольбах,— есть выражение общественного разума, который противостоит неблагоприятию отдельных граждан». Собственно, гражданское, например, право не столько диктует нам: поступай так-то и так-то, сколько говорит: если поступишь так, то наступят такие-то последствия. Когда речь касается тех «неблагоразумных» граждан, кои живут в разладе с Уголовным кодексом, все более или менее ясно. А вот гражданские правоотношения не всегда регулируются прямыми санкциями. Но санкции-то существуют, хотя и не сказано, что за нарушение этой статьи — два года, а за несоблюдение той — три. Мы же не очень сверяем свои шаги с Гражданским кодексом и страдаем от этого сами. И первое, что приходит в голову,— винить закон. Виноваты же — сами.

Мой коллега, долгое время работавший в Англии, рассказал в одной аудитории, что ни один британец шагу не сделает без адвоката: дачу ли надо снять, в долг ли деньги дать, самому ли получить, ребенка ли куда-то определить — прежде чем что-то предпринимать, обязательно проконсультируется или поручит дело адвокату.

— Так то в Англии...

— Мы, слава богу, не в Англии.

Примерно в таких интонациях последовали реплики. А откуда, позвольте, это пренебрежение? Адвокатов, что ли, нет? Или недоступна юридическая помощь? Ничего подобного. Сами не идем. Даже не подумаем, что можно пойти проконсультироваться с юристом. А если подумаем — постесняемся. Приятелю тысячу рублей в долг даю, рискованно, конечно, все же тысяча, да не брать же

расписку! Конечно, право не вмешивается в ваши отношения с приятелем: хоть вообще подари тысячу рублей. Но право вам подсказывает, если вы поинтересуетесь, а что будет, если ваши деньги не вернут, откажутся от долга. Если долг до 50 рублей — вернете, опираясь на свидетелей, а если больше 50 — действителен только документ — расписка.

Нет, пожалуйста, дорогой читатель, не корите меня, не упрекайте, что я толкаю вас на мелочность, неблагородство и тому подобное. Я просто знаю случаи, когда люди не могли получить долг и... винили закон: «Да как же так, да что же судьи разобраться что ли не могут, да что вы мне про расписку, нет расписки, так значит пропадать деньгам? Ну и законы!» Но закон, как говорил Л. Н. Смирнов, не поводырь — он ориентир; плыть-то по жизни тебе. А то ведь получается по той «мудрости»: когда я краду — это добро, а когда у меня крадут — вот это зло.

Недавно мы обсуждали одно читательское письмо. В нем рассказывался такой случай. В пионерлагере возникла сплетня — вожатую обвинили в том, что она находится в близких отношениях с начальником лагеря. Вернее, не обвинили, а пустили слухок. Ну, были разные расследования, комиссии, разбирательства. Уж лагерный сезон кончился, а дело все шло. И что самое непонятное для комиссий — вожатая никак не хотела кончать дело миром. Ее уговаривали, корили, стыдили даже: зачем раздувать, поговорили и уж почти забыли. Нет, она подала в суд — обвинила конкретного человека в клевете и доказала его вину.

— А стоило ли настаивать на судебном разбирательстве? Полезно ли перетряхивать грязное белье? — так были поставлены вопросы, когда мы обсуждали эту ситуацию.

Категорический ответ тут дать трудно. Я хотел бы обратить внимание лишь на одну сторону этой истории. Вправе ли мы корить человека, упрекать его за то, что он хочет очистить от грязи свое имя, защитить свою честь? Конечно, судебное разбирательство, начатое в порядке частного обвинения, способно привлечь и, как говорится, нездоровое внимание, вызвать пересуды, новые сплетни. Но при чем же здесь тот, кого оклеветали? Не он же все начал! И как не вспомнить тут В. И. Ленина. Он писал по поводу одного случая: «Если Дрожжин предан суду, то это сделано именно для того, чтобы показать, что он не виновен... Нарекания и сплетни бывают нередко, и показать таким путем их лживость — прием вполне правильный». В судебной защите Владимир Ильич видел одно из важных гражданских прав человека.

Так уместны ли упреки тому, кто пользуется этим правом? А ведь

корим иногда — стоит ли шум поднимать, лучше рядом да ладком. Лучше, разумеется. Да не всегда получается.

Начал я этот очерк с истории «положительного бюрократа». Читатель вправе спросить: а при чем тут Гвоздев с его скрупулезной честностью и педантизмом? Потом-то пошло совсем о другом. Или Анатолий Петрович олицетворяет собой некий укор — вот, мол, как надо жить и работать: разложить все по полочкам, и тогда не будет никаких эксцессов, описанных после истории. Легко будет жить и безоблачно. Только не скучновато ли?

Насчет последнего не скажу — может, и скучновато, это все зависит от характера, воспитания, самодисциплины. Утренний туалет тоже ведь не детективное кино. Делаем же!

А вот что касается «Легко и безоблачно» — вопрос спорный. Видите ли, когда в учреждении смирились с нарушениями правил внутреннего распорядка, когда строители на технику безопасности ноль внимания, когда в бригаде пьянки возведены в традицию, когда семейный быт основывается на «авось» — тогда очень не легко и далеко не безоблачно бывает жить человеку, просто уважающему правило, инструкцию, порядок, да еще трезвому. Шагать в ногу с безобразиями — тяжело, неприятно. Расхожая-то мудрость — «все в ногу, а один не в ногу» — далеко не всегда справедлива. Бухгалтер Гвоздев шагал явно не в ногу с коллективом, когда «лишал» его премии. Преемник его «взял ногу» — да очутился вместе с руководителями на скамье подсудимых.

Страшное это обвинение: противопоставил себя коллективу, идешь против «всех». Но истина не доказывается большинством голосов. И напрасно говорят: по закону так, а вот по жизни эдак. Закон — не альтернатива жизни. Он — ее азбука. Человек, гражданин — и счастья своего кузнец, и великий импровизатор, и творец судьбы, и все что угодно. Но если он не знает азбуки, он не напишет поэмы, если не знаком с таблицей умножения — не решит алгебраической задачи.

«Люди не рождаются гражданами, но становятся», — заметил Спиноза. И первый шаг этого становления — знание и уважение законов своего государства. Понимаю: пресно, избито, банально. Но, как уже говорилось, от повторения правда не портится.

Да, закон никого не возьмет за ручку и не поведет по жизненным тропам. Но ориентиры он дает надежные. Воинский устав никому полководцу не мешал побеждать: только давал ключ к победе. Закон никому еще не помешал сделать красивую жизнь: он как камертон — дает звук для настройки, а заиграет ли оркестр слаженно или сфальшивит — зависит от оркестрантов.

**ПО ПРОТЕСТУ
ПРОКУРОРА**

Административная комиссия при исполнительном комитете Огрского городского Совета депутатов трудящихся (Латвийская ССР) 25 января 1973 года наложила штраф на строительное управление районного потребительского общества за засорение городского земельного фонда, тогда как Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1961 год, № 35, статья 368) наложение штрафов в административном порядке на учреждения, предприятия и организации отменено. Согласно статье 6 Указа штрафы в соответствии с действующим законодательством налагаются на тех должностных лиц, которые в порядке исполнения своих служебных обязанностей должны принимать меры к своевременному выполнению установленных правил. Отнесение наложенных на должностных лиц штрафов за счет учреждений, предприятий и организаций запрещено.

Незаконное решение по протесту прокурора отменено.

Заведующая детскими яслями № 14 в г. Златоусте А. Садыкова предоставила дворнику ежегодный отпуск на 14 рабочих дней.

Прокурор города опротестовал этот приказ как противоречащий статье 67 Кодекса законов о труде РСФСР, предусматривающей продолжительность ежегодного отпуска рабочих и служащих не менее 15 рабочих дней.

Приказ приведен в соответствие с законом.

Начальник Волгоградского областного управления бытового обслуживания населения Ю. Курдов издал приказ о создании добровольной народной дружины из числа сотрудников управления и назначении ее командира.

Прокурор области опротестовал этот приказ, так как согласно Положению о добровольных народных дружинах РСФСР добровольная народная дружина учреждается на организационном собрании лиц, изъявивших желание вступить в нее. Такие собрания созываются инициативной группой, состоящей из представителей партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций коллектива. Лица, желающие вступить в ДНД, принимаются на общем собрании. Также на общем собрании избираются открытым голосованием командир и его заместитель. Вопросы деятельности дружины, обязанности и права ее членов определены названным Положением.

В связи с протестом прокурора незаконный приказ отменен.

„БЕЙ, НО НЕ ДО СМЕРТИ“

В. И. ЛЕНИН ОБ ОДНОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В апреле 1901 года в Штутгарте начал выходить марксистский научно-политический журнал «Заря», издававшийся редакцией «Искры». В первом номере журнала В. И. Ленин выступил как революционный публицист, опубликовав три очерка на злободневные российские темы, объединенных заголовком «Случайные заметки». Первый очерк «Бей, но не до смерти» был написан в связи с судебным процессом по делу об убийстве крестьянина Тимофея Воздухова.

Суть дела была в следующем. 20 апреля 1899 года в Нижнем Новгороде крестьянин Воздухов попытался было принести губернатору жалобу на то, что ему на пристани не выдали билета на проезд. Однако смотритель губернаторского дома приказал отправить непрошеного жалобщника в полицейскую часть. Там четверо полицейских и околоточный надзиратель Панов жестоко избили ни в чем не повинного человека. Они били его кулаками в лицо, в грудь, в бока, топтали ногами. После избития полицейские хладнокровно обмыли лицо Воздухова от крови и оставили его в арестантском помещении. Наутро крестьянина обнаружили без сознания и отправили в больницу, где Воздухов вскоре умер (вскрытие показало, что у него был перелом десяти ребер и кровоизлияние в мозг...).

Царская Фемида не торопилась. Только в конце января 1901 года выездная сессия особого присутствия Московской судебной палаты вынесла после однодневного заседания неслыханный приговор: двое из пяти полицейских, в том числе околоточный надзиратель Панов, были освобождены от ответственности за смерть Воздухова, а остальные приговорены к минимальному сроку наказания — четырем годам каторги. Между тем статья 346 Уложения о наказаниях гласила, что чиновник, причинивший раны или увечье во время исполнения должности, подлежит высшей мере наказания, а статья 1490, часть 2 предусматривала за истязания, следствием которых является смерть, от восьми до десяти лет каторги.

Одним из оснований такого приговора явилось заключение врачей-экспертов. Именно на него сослался товарищ прокурора, отказываясь от обвинения обоих полицейских чинов в истязании и жестокостях, поставив в вину им только нанесение обиды. В результате околоточный надзиратель Панов, «с ведома, одобрения и при участии которого происходило зверское истязание», подчеркивал В. И. Ленин в своей статье, по завершении судебного процесса благополучно продолжал службу в полиции.

«Может ли урядник Панов,— спрашивал Владимир Ильич,— иначе принять приговор палаты, как совет: — вперед скрывать по-лучше следы преступления, «обучать» так, чтобы следов не было. Ты велел смыть кровь с лица умирающего,— это очень хорошо, но ты допустил Воздухову умереть,— это, братец, неосмотрительно; вперед будь осторожнее и крепко заруби себе на носу первую и последнюю заповедь русского Держиморды: «бей, но не до смерти!».

Известно, что в начале 1901 года, когда в Нижнем Новгороде заседала выездная сессия особого присутствия Московской судебной палаты, В. И. Ленин жил в Мюнхене. В комментариях к 4-му тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина указано, что он использовал для работы сообщения о судебном процессе, напечатанные в газете «Русские ведомости» за 24 и 26 января 1901 года. Этот судебный процесс, как удалось выяснить, освещали также московская газета «Новости дня» и нижегородский «Волгарь».

В очерке «Бей, но не до смерти» В. И. Ленин единственный раз в своей практике обращается к материалам судебно-медицинской экспертизы. В связи с этим интересно письмо Н. К. Крупской, отправленное из Мюнхена в Петербург распространителю «Искры» С. Радченко. «Не можете ли Вы,— спрашивает в письме Надежда Константиновна,— обосновать в Питере литературную группу для содействия «Искре», которая взяла на себя посылку «Искре» различных материалов, читанных газет и журналов?»

В перечне изданий упоминается в письме и «Вестник общественной гигиены и судебной медицины», публиковавший материалы судебно-медицинской науки и практики, которые могли интересовать Владимира Ильича как юриста.

В газетах, поместивших сообщения об этом громком процессе, были напечатаны и кое-какие материалы предварительного следствия. В том числе и результаты судебно-медицинского вскрытия тела Тимофея Воздухова, заключение врачей-экспертов, данное ими в ходе предварительного следствия. Позднее газеты поместили сообщения о допросах свидетелей в судебном заседании. Эти публикации дают интересный материал для сравнений.

Кроме того в Центральном архиве города Москвы автору удалось разыскать переписку Московской судебной палаты по этому делу: два представления прокурора Нижегородского окружного суда от 25 апреля и 17 мая 1899 года, в которых содержатся сведения о результатах следствия*. Здесь же был обнаружен и черновик обвинительного акта. В тексте его имеются ссылки на листы уголовного дела, которое, к сожалению, разыскать пока не удалось. Все это вместе взятое позволяет достаточно объективно оценить судебно-медицинскую экспертизу по этому делу, установить, каким образом заключение экспертов оказало услугу царскому правосудию.

Итак, 8 мая 1899 года при допросе на предварительном следствии врачи-эксперты Покровский и Доморацкий дали заключение, что повреждения, причиненные Воздухову, можно разделить на две группы. Первую группу составили кровоподтеки и ссадины на лице, левом плече, на спине и левой голени, которые наносились кулаками, руками и ногтями и относятся к легким телесным повреждениям. Ко второй группе эксперты отнесли переломы ребер, кровоизлияния в черепе и головном мозгу, что, по их мнению, явилось результатом толчков кулаками в грудь, «от которых Воздухов падал, пинания ногами, обутыми в тяжелые кожаные сапоги, в бока и грудь, надавливания коленом на голову, при одновременном нанесении ударов в бок кулаками».

На вопрос следователя, кто из обвиняемых нанес те или другие повреждения, эксперты пришли к заключению, «что представляется возможным с большой вероятностью высказать, что нижние полицейские чины... нанесли Воздухову тяжкие смертельные повреждения, а городской Ольховик и околоточный надзиратель Панов приняли участие в нанесении лишь легких повреждений, которые тем не менее, хотя, однако, и представляются легкими, но ввиду многократности ударов человеку, уже ослабленному предварительно полученными тяжкими побоями, должны были причинить Воздухову значительное страдание, причем и оставление его без медицинской помощи в течение целой ночи бесспорно отягчило это страдание».

Судебно-медицинский эксперт обязан установить характер повреждений, орудия и предметы, которыми они причинены, и определить степень тяжести травм. В этом отношении первая часть экспертного заключения вполне правомерна и по существу правильна. Во второй же части заключения эксперты при сопоставлении повреждений с действиями конкретных лиц высказываются весьма осторожно: «с большой вероятностью». Тем не менее и в этой части не содержится никаких оснований для освобождения полицейских

* Центральный архив г. Москвы, ф. 131, оп. 8, ед. хр. 3037, л. 2—16.

от уголовной ответственности. Даже легкость некоторых повреждений, по мнению экспертов, весьма относительна, ибо они были нанесены многократно, человеку, ослабленному от побоев, причинили ему значительное страдание. Одного лишь отсутствия медицинской помощи Воздухову, в течение ночи находившемуся в арестантской после побоев (а за это отвечал старший среди полицейских околоточный надзиратель Панов), было вполне достаточно для возбуждения против него уголовного дела.

Таким образом, врачи-эксперты на предварительном следствии заняли вроде бы принципиальную профессиональную и гражданскую позицию, дали обоснованное заключение, несмотря на столь шекотливое для полицейской службы дело.

Однако эта гражданская и профессиональная честность экспертов оказалась несостоятельной, как только начался судебный процесс.

Подтвердив заключение, данное на предварительном следствии, врачи-эксперты вместе с тем «отвергли,— как пишут «Русские ведомости»,— особую мучительность и продолжительность побоев, нанесенных Воздухову полицейским Ольховиком и околоточным Пановым». Таким образом, на суд было представлено два и притом в некоторых своих частях взаимоисключающих экспертных заключения.

Конечно, члены суда — люди, умудренные в юриспруденции, не могли не понимать, что эксперты вступили в противоречие с собственными заключениями, сделанными до суда. Тут бы и уличить их, выяснить в ходе судебного процесса истину. Но не истины ради заседала в Нижнем Новгороде выездная сессия Московской судебной палаты. Такое экспертное двурушничество было только на руку царским судьям.

«Юридический софизм,— пишет по этому поводу Ленин,— как видите, не отличается особой замысловатостью: так как Панов бил меньше остальных, то *можно* сказать, что его побои не были *особо* мучительны; а если они не были *особо* мучительны, то *можно* заключить, что они не относились к «истязаниям и жестокостям», а если они не относились к истязаниям и жестокостям, то значит это было простое оскорбление действием. Все улаживается к общему удовольствию, и г. Панов остается в рядах блюстителей порядка и благочиния».

Нетрудно заметить, сколь неблагоприятна оказалась роль судебно-медицинских экспертов в этом деле. Мы не знаем побудительных мотивов экспертного двурушничества: результат ли это трусости или прямого подкупа? Но так или иначе, перед нами еще один пример классовой пристрастности царского правосудия.

В очерке «Бей, но не до смерти» Владимир Ильич касается и

чисто юридических вопросов. Именно здесь он впервые высказал мысль, которая впоследствии стала одним из основных принципов советского правосудия: **«Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым».**

Юрист по образованию, в недалеком прошлом помощник присяжного поверенного, отлично знавший практику российского судопроизводства, Ленин беспощадно обнажает тактику царских судей. К осуждению дела по убийству крестьянина Воздухова он привлекает ряд известных ему как юристу примеров. Московский военно-окружной суд приговорил к четырем годам каторги солдата, укравшего из цейхгауза 50 шаровар. Сравнивая вину провинившегося солдата, понесшего то же наказание, что и полицейские за убийство Т. Воздухова, Ленин пишет: **«Жизнь человека, вверенного полиции, стоит столько же, сколько 50 шаровар и несколько штук сапожного товара, вверенных часовому. В этом оригинальном «уравнении», как солнце в малой капле вод, отражается весь строй нашего полицейского государства».**

В конце очерка приведен еще один запоминающийся пример. Как-то русский писатель Ф. М. Решетников в Санкт-Петербурге отправился в дворянское собрание, полагая, что там дают концерт. Городовые не пропустили писателя и прикрикнули: *«Куда лезешь? Кто ты такой?»* Рассердившийся Решетников ответил: *«Мастеровой!»*. Писателя отправили в полицейскую часть, избили, отобрали деньги и кольца. *«Довожу до сведения вашего превосходительства,— писал потерпевший в прошении С.-Петербургскому оберполицмейстеру.— Я ничего не ищу. Я только об одном осмеливаюсь утруждать вас, чтобы пристава, квартальные, их подчаски и городовые не били народ...».*

«Скромное желание, которым так давно уже осмеливался утруждать русский писатель начальника столичной полиции, осталось и по сие время невыполненным, и остается невыполнимым при наших политических порядках. Но в настоящее время взоры всякого честного человека, измученного созерцанием зверства и насилия, привлекает к себе новое могучее движение в народе, собирающее силы, чтобы смести с лица русской земли всякое зверство и осуществить лучшие идеалы человечества». Такой политический вывод делает В. И. Ленин еще в 1901 году, рассматривая, казалось бы, заурядные судебные дела того времени.

Б. СВАДКОВСКИЙ,
профессор, доктор
медицинских наук

К природе относиться бережно!

Разговор о досуге
продолжает
участковый инспектор

ИСПОЛКОМ ПРИНЯЛ МЕРЫ

**Лжесвидетельница
наказана**

собеседник

**ПИСЬМО
В РЕДАКЦИЮ**

охрана природы – дело всех и каждого

Уважаемая редакция! Недавно, возвращаясь из служебной командировки, я стал невольным свидетелем одного разговора. Двое моих соседей по купе вспоминали „охотничьи“ истории, суть которых с полной уверенностью можно отнести к самому беззастенчивому браконьерству. Рослые, здоровые мужчины буквально смаковали свое варварское отношение к животным. Убив однажды лосяху, они прирезали ее дитя. Я не вытерпел и вмешался в их разговор: „Ведь это не только аморально, но и противозаконно“. Они же отпаривали: мол, у нас все народное. Тогда я заметил им: „Что же произойдет, если вы, я и все остальные будут так безжалостно уничтожать животных?“ Один из них цинично ухмыль-

нул: „Вы и вам подобные этого делать не станете, а на наш век их хватит“. Мне стало немного жутко — оказывается, есть еще такие люди!..

Рассказал я все это не случайно. Сейчас наше государство выделяет громадные средства на охрану окружающей среды, создает национальные парки, заботится о сохранности животного мира. А люди типа моих соседей по купе варварским отношением к природе наносят не только большой материальный, но и не поддающийся никакому измерению моральный ущерб обществу.

Думается, настала пора мобилизовать всю общественность и людей, призванных по долгу службы охранять природу, на самую активную борьбу с губителями народного достояния — браконьерами.

**И. ЯШАН,
г. Кременчуг**

Мы попросили прокомментировать это письмо сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, работающих над правовыми проблемами охраны окружающей среды, кандидата юридических наук А. Т. Иванову и Е. Б. Галкина.

Взволнованное письмо прислал в редакцию И. Яшан. Да это и понятно. Дело ведь не только в том, что рукой браконьеров погублены ценные животные. Поражает циничность рассуждений браконьеров. Многие, очевидно, скажут: «Ну, сколько их у нас? Единицы!» Конечно, в нашем социалистическом обществе таких людей становится все меньше и меньше. Да и закон у нас строго карает браконьеров, предусматривая широкий диапазон наказаний: от штрафа до трех лет лишения свободы. Однако нетрудно убедиться, что и кажущиеся на первый взгляд безобидными поступки людей наносят зачастую огромный вред природе. За примерами далеко ходить не надо. Сколько погубленных деревьев и замусоренных полей остается после нашествия иных любителей отдыха! Мы не против отдыха. Но ведь каждая оставленная в лесу железная банка — это почти квадратный метр почвы, подверженной эрозии, погубленные деревья. А ведь в перспективе это «мертвый» лес. Конечно, можно расширять сферу действия закона, усиливать наказания, активизировать деятельность природоохранительных органов. Но не менее важно, как показывает жизнь, и воспитание у всех граждан чувства уважения к природе, бережного к ней отношения.

Охрана природы сейчас, в условиях научно-технической революции, стала одной из важнейших национальных и международных проблем. «Хозяйское, рачительное использование естественных ресур-

сов, забота о земле, о лесе, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире,— говорил Л. И. Брежнев,— все это наше кровное коммунистическое дело. Мы должны сохранить и украсить нашу землю для нынешних и будущих поколений советских людей».

В нашей стране охране окружающей среды уделяется огромное внимание. В ряде союзных республик уже созданы специальные органы при Советах Министров — государственные комитеты по охране природы, в других этими вопросами пока занимаются разные ведомства. В последние годы принят ряд законов, охраняющих природные богатства страны. Это прежде всего Основы земельного законодательства, Основы водного законодательства, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по предотвращению загрязнения рек Волги и Урала, по сохранению и рациональному использованию природных богатств Байкала и некоторые другие правовые акты. Много полезного приносит и работа добровольных обществ по охране природы, объединяющих самые различные слои населения. Координируя свою работу, государственные и общественные организации планируют и регулируют природоохранительную деятельность, разрабатывают научные рекомендации по использованию природных ресурсов в стране, ведут широкую агитацию за сохранность флоры и фауны. Тысячи людей отдают свои способности, знания, любовь (иначе и не скажешь о добровольных членах обществ охраны природы) делу сохранения и умножения природных богатств нашей Родины.

В связи с этим хотелось бы поделиться своими впечатлениями о том, как заботятся об охране природы в двух прибалтийских республиках — Литве и Эстонии. По общим показателям борьбы с браконьерством эти республики занимают первое место в стране. И главным образом потому, что там создана атмосфера всеобщей нетерпимости к браконьерам. Кроме того в Эстонии, Литве очень внимательно, можно сказать, скрупулезно подходят к подбору кадров на должности государственных инспекторов по охране окружающей среды. Предпочтение отдается при этом людям опытным, со специальным образованием, обладающим, наконец, безукоризненными личными качествами. И еще. Для того чтобы стать охотником, там нужно в течение двух лет пробыть своего рода стажером. В это время будущий охотник изучает соответствующие правила, перенимает опыт лучших охотников, организует подкормку диких животных зимой. Сам же участия в охоте не принимает. И только при благополучном истечении этого срока, став членом общества охотников, он получает разрешение охотиться, причем на строго определенной территории. Результат — охотник заинтересован в поддержании поряд-

ка в своем охотугодьё. Он не только не пропустит браконьера, но и сам не нарушит правила охоты. Так воспитывается хозяйское отношение к природе.

Путей формирования такого отношения к окружающей среде немало. Вот, например, с каким тактом и вместе с тем эмоциональным подъемом обращается к населению республики Комитет по охране природы Литовской ССР в своих информационно-пропагандистских листках:

«Рыболов! Ты не ловишь, так как знаешь, что, поймав нерестующую рыбу, погубишь тысячи. Браконьеру это ни к чему — у него пальцы гребут только к себе».

«Зимой зверей и птиц мучит голод, подо льдом задыхаются рыбы. Любитель природы, птицы ждут щепотку зерна, а задыхающиеся рыбы — свежего воздуха. Дождутся ли они этого? Твоя помощь пусть будет им наилучшим ответом!»

И достоверно известно, что в период нереста у рек и водоемов республики вы не встретите ни одного рыбака, а зимой убедитесь, что зверям и птицам в лесах не грозит голодная смерть

Министр юстиции Литовской ССР А. Рандакявичус рассказал нам поучительную историю. Однажды, будучи заядлым охотником, он отправился в разрешенное время «на куропаток». И вот местные жители и школьники обратились к нему с просьбой: не стреляйте птиц. Но почему? «Мы так всю зиму заботились о них, устраивали кормушки».

Из сказанного, таким образом, напрашивается вывод — природе мало иметь добросовестного хранителя. Это, конечно, обязательно, но, повторяем, недостаточно. Не менее важно добиться того, чтобы все люди, не связанные в силу своих должностных или общественных обязанностей с охраной природы, понимали важность такой деятельности, необходимость ее, в конечном итоге, для всех нас.

Известный американский биолог-натуралист Дэвид Эренфельд в одной из своих книг заметил: хищническое отношение к природе может явиться причиной того, что животный мир будущего будет представлен всего двумя видами — крысами и воробьями. Думается, американский ученый настроен уж слишком пессимистично. Но все-таки стоит всегда помнить: мы живем в природе и обращаемся к ее богатствам всякий раз, когда испытываем в этом необходимость. И она еще никогда не отказывала нам в своей щедрости. Поэтому люди должны ответить ей разумным, хозяйским отношением. Обязаны и по закону, и по совести.

*Обсуждаем статью
„За воротами
проходной“*

ДРУЖИННИКИ ВЫХОДЯТ НА ДЕЖУРСТВО

Жизнь показывает, как бы ни было сильно влияние коллектива в стенах предприятия, а правонарушения за его пределами все-таки случаются. Значит, надо распространить это влияние и за ворота проходной. Причем самым непосредственным образом: чтобы рабочие и служащие заботились о сохранении правопорядка, а заодно предупреждали проступки и отдельных неустойчивых людей со своих предприятий. Я говорю о добровольных народных дружинах и оперативных комсомольских отрядах.

...Пять часов вечера. Вместе с командиром добровольной народной дружины Григорием Александровичем Петровым прикидываем: куда направить сегодня дружинников. Обязательно к гастроному «Рассвет» — там участились случаи пьянок.

— Особенно проследите за тем, чтобы продавцы не отпускали спиртные напитки после положенного часа, — инструктирую дружинников.

Несколько человек направляем к кинотеатру «Сокол»: место оживленное, могут быть всякие неожиданности. Не ошиблись. Где-то в восьмом часу дружинники В. Куленков, Н. Плехов и Г. Савенко приводят в штаб неряшливо одетого мужчину, который еле держится на ногах. Узнаю его сразу: «старый знакомый» Иван Сергеевич Воронков.

— Возле кинотеатра приставал к людям, оскорблял их, — доложили дружинники.

Оглядываю его: в рабочей спецовке, видно, и домой-то еще не заходил.

— Опять? В прошлый раз, когда вас трудоустраивал, обещали не пить?

— Ну, геперь все! — с жаром заверяет Воронков. — Вот поверите ли, с завтрашнего дня к спиртному — ни-ни!

— Нет больше веры вашему слову, Иван Сергеевич. За нарушение общественного порядка оформим на вас протокол и направим дело в суд. А вот что дальше делать с вами — решим после.

Про себя-то я все уже решил. Человек катится по наклонной плоскости, его нужно направлять на принудительное лечение в лечебно-трудовой профилакторий.

Новый «гость» — Анатолий Скибенко. Тоже вышел после смены, устроил скандал на улице. Совсем еще молодой человек.

— Где работаете?

— На заводе, — и торопливо добавляет: — Но только ничего не сообщайте туда.

Волнение его понятно: на этом предприятии действует комиссия по борьбе с пьянством и нарушениями общественного порядка. Там с нарушителей строго спрашивают, обсуждают и не менее строго наказывают. Сообщают об этом и нам. Так что воспитательную работу ведем совместно с коллективом.

Воспитание человека — процесс длительный. Он требует много усилий, терпения, такта. Окончательные результаты его скажутся много позже... Вот только что вернулись с рейда наши постоянные помощники — нештатные инспекторы Геннадий Владимирович Батраков, Григорий Васильевич Сусликов, Вера Васильевна Матусова, Вера Ивановна Сухоросова, Дмитрий Захарович Тонких. У них было задание особого характера — я поручил нештатным инспекторам взглянуть домой к тем, кто ранее часто выпивал и с кем мы не однажды беседовали. Как-то они ведут себя? Только с одним «подопечным» неблагополучно: Липовский Иван Федорович явился после работы домой поздно и в состоянии сильного опьянения.

— Это какой же Липовский? Не из передвижной ли механизированной колонны?

— Он самый.

Помечаю у себя в блокноте: завтра надо с ним встретиться. Случай этот в механизированной колонне, кстати, не первый. Видно, руководители недостаточно строго спрашивают с пьяниц и нарушителей общественного порядка. Надо обо всем этом серьезно поговорить... Для того чтобы не было прогулов на производстве, обид в семьях, горького похмелья...

г. БЕЛГОРОД

В. ВОСКОБОЙНИКОВ,
лейтенант милиции, участковый
инспектор

По следам наших выступлений

ВОСПИТЫВАТЬ БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Судебный очерк «Кабанчики на хлебном довольствии», опубликованный в ноябрьском номере журнала (1973 год), вызвал немало откликов читателей.

«Прочитал я его, и горько мне стало: до чего же некоторые люди неуважительно относятся к хлебу,— пишет житель села Небуг Туапсинского района Краснодарского края Т. Богаряков.— И вспомнилась мне война, ленинградская блокада, испытать которую пришлось от начала и до конца. Скованный холодом, окруженный врагом, город неутомимо жил и боролся. Борьба происходила не только на переднем крае, но и в заводских цехах, на каждом участке трудового фронта. Под вражеским обстрелом люди работали чуть ли не сутками. Эти дни невозможно забыть. Как невозможно забыть те крохотные порции хлеба — ежедневную норму на каждого человека. Получишь этот ломтик и несешь, как великую драгоценность. А вдохнешь его ржаной запах, и голова закружится от наслаждения.

А тут хлеб бросают в свиное корыто. Не могу этого ни понять, ни простить..»

Понять людей типа Агеенковой и Урманова можно, их поступками руководит только одно — урвать побольше!. Но нельзя все мерять только на деньги, пишет А. Третьяков из Тисульского района Кемеровской области, в особенности — хлеб! Истинный хлебороб никогда не станет говорить вам, сколько стоит буханка хлеба, но зато он вспомнит нелегкие страдные дни, мозолистые натруженные руки и тепло каравая, испеченного из только что выращенного урожая. Вот в чем для него истинная ценность хлеба!.

С нравственных позиций подходят многие читатели к оценке истории, рассказанной в журнале. Неуважением к хлебу, к нелегкому крестьянскому труду объясняют они поступок «героев» судебного очерка.

А вот Л. Перетрутов из Первомайска Горьковской области корень зла видит в другом: «Можно ли обвинять людей, которые вынуждены скормливать хлеб скоту и птице? Я не оговорился — имен-

но вынуждены. А чем же их кормить? Вы скажете: отрубями, овсом. Но попробуйте купить те же отруби. В торговлю они поступают нерегулярно. Вот и идут люди в магазин за хлебом. Берут мешками. Выход? Необходимо наладить регулярное снабжение кормами для домашнего скота».

Что ж, с этим мнением нельзя не согласиться. Хотя должны заметить: государство проявляет немалую заботу о тех, кто держит скот в личном хозяйстве. Им предоставляются выпасы и сенокосы, земельные участки. Наконец, существует еще один кормовой резерв: пищевые отходы. Для одного-двух поросят или десятка кур этого вполне достаточно. А с мешками за хлебом в магазин в основном торопятся те, кто развел целое стадо свиней, извлекая из этого немалые барыши.

«...И все-таки, мне думается, не стоит так строго спрашивать за скормливание хлеба и хлебопродуктов скоту и птице,— пишет И. Уваровский из поселка Томилино Люберецкого района Московской области.— Строгий спрос за скормливание хлеба скоту необходим при чрезвычайных обстоятельствах: недороде, стихийных бедствиях и тому подобное».

Позвольте возразить вам, тов. Уваровский. Во время ли высокого урожая, в трудные ли годы недорода — хлеб остается хлебом. И дань уважения к нему должна быть всегда одинаковой. Недаром в народе говорят, что хлеб — всему голова.

Скормливание хлеба и хлебопродуктов скоту — явление антиобщественное. Хлеб — народное достояние, его надо беречь, относиться к нему с уважением! Сельские труженики стараются убрать на колхозных полях все до последнего колоска, потому что из этих самых колосков потом складываются пуды и центнеры. И ломоть хлеба тоже надо беречь. Во имя нашего всеобщего благополучия. Вот почему закон стоит на страже бережливости!

В девятом номере нашего журнала за 1973 год под заголовком «С кем не бывает» было опубликовано письмо читателя Вербицкого М. Д. из Алма-Аты. Он писал, что однажды получил из Советского районного народного суда Алма-Аты повестку с предложением явиться 6 декабря в суд за получением обвинительного заключения. В этой же повестке значилось, что в случае неявки без уважительных причин он будет подвергнут принудительному приводу в суд и привлечен к уголовной ответственности. И хотя никакой вины за собой Вербицкий не знал, он не на шутку встревожился.

Этот случай, как нам сообщили из отдела юстиции Алма-Атинского облисполкома, был обсужден на производственном совещании в Советском районном народном суде и на оперативном совещании в отделе юстиции.

Выяснилось, что вызов М. Д. Вербицкого в качестве свидетеля был сделан повесткой, которой вызывают обвиняемых.

Выступившие на производственном совещании сотрудники народного суда тт. Найденов, Кутубаева, Нестеренок, Курмантаев дали правильную оценку случаю с М. Д. Вербицким. В постановлении оперативного совещания председателям народных судов и всем судьям предложено усилить контроль за работой технического персонала, улучшить их воспитание и обучение деловой квалификации.

Исполком принял меры

В течение одной лишь недели жители небольшого приокского рабочего поселка Лашма Касимовского района (Рязанская область) стали свидетелями двух судебных процессов.

Началось с того, что подростки в соседней деревне Тимохино избили своих сверстников, а заодно и пожилого человека, пытавшегося урезонить полупьяных юнцов. Касимовский районный народный суд вынес хулиганам обвинительный приговор.

Буквально через несколько дней еще одна компания молодых людей из Лашмы предстала перед судом за кражу государственного имущества. Глубокой ночью злоумышленники переправились через Оку (на противоположном берегу находились кормовые запасы совхоза «Заречный») и украли 27 тюков прессованного сена. Виновные понесли заслуженное наказание.

Однако это не успокоило жителей поселка. Исполком поселкового Совета депутатов трудящихся решил глубоко разобраться в причинах нарушений общественного порядка и социалистической законности, усилить правовую и воспитательную работу среди молодежи.

На сессию были приглашены прокурор района, председатель районного народного суда, представители органов внутренних дел, руководители местных предприятий и учреждений, работники культуры, торговли. Состоялся серьезный разговор о том, как предотвратить нарушения правил социалистического общежития в поселке. Сразу же после сессии исполком приступил к осуществлению намеченных мероприятий. Результаты обнадеживают: жизнь в поселке стала спокойной.

В. АНДРЕЕВ,
г. Касимов, Рязанская область

СУД ИДЕТ!

ИЗ СВИДЕТЕЛЕЙ...

В ПОДСУДИМЫЕ

«...Подсудимую Буркову Александру Ивановну признать виновной по статье 181 УК РСФСР, то есть в даче ложных показаний, и назначить ей меру наказания — один год исправительных работ по месту работы с удержанием из заработной платы 15 процентов в доход государства...».

(Из приговора Сормовского районного народного суда города Горького).

В праздничный день за столом у Бурковых собралась компания. Одиннадцатилетнего сына Колю Бурковы отправили гулять на улицу.

Было много выпито, даже, пожалуй, слишком много. Однако никто не мог предположить, что праздник закончится скандалом. В разгар веселья в прихожей раздался звонок. Когда открыли дверь, увидели заплаканного Колю.

— Кто тебя обидел? — воскликнула мать.

— Сашка Ванин...

Отец допил остатки спиртного, встал из-за стола и, не накинув пиджака, пошел к двери. За ним поспешила жена и один из гостей — Валентин Галибов. Шестнадцатилетнего Александра Ванина они застали на лестничной площадке в соседнем подъезде, он как раз собирался открыть дверь своей квартиры. Бурков и Галибов стали избивать парнишку.

На шум вышла мать Саши, Екатерина Ванина. Она хотела затащить сына в дверь, но ее грубо оттолкнули...

Первым опомнился Галибов. Нет, он не стал удерживать товарища от расправы, попросту убежал, поняв, что дело это добром не кончится. «Насладившись» местью, ушли домой и Бурковы. А минут через 15—20 к ним на квартиру явился участковый инспектор, и не протрезвевший еще отец семейства был отправлен в милицию.

На другой день, вернувшись с работы, Буркова нашла в почтовом ящике повестку. Ее приглашали в милицию дать свидетельские показания. Следователь попросил Буркову подробно изложить события того недоброго дня, предупредив предварительно, что за ложные показания она по закону будет привлечена к ответственности.

Обязанности свидетеля несложны и не связаны с какими-то трудностями. Казалось бы, чего проще. расскажи, что помнишь. Надо помочь следствию и суду разобраться в той или иной ситуации, выяснить причины, побудившие виновного совершить правонарушение. А может, он вовсе и не виновен, по воле случая оказался на месте преступления, и придется искать истинного виновника... Как важны здесь точные свидетельские показания! И моральная обязанность каждого человека, если этого требуют интересы правосудия, — выполнить свой гражданский долг: выступить свидетелем по делу. К сожалению, бывают еще случаи, когда люди уклоняются от этой обязанности. Выступая в качестве свидетелей, они вдруг начинают говорить не то, что видели и слышали. Мотивы тут могут быть разные: месть, зависть, страх, желание выгородить себя и близкого человека. Это может усугубить и без того тяжелое положение человека, оказавшегося на скамье подсудимых, или, напротив, помочь ему уйти от заслуженного наказания. В конечном же счете страдает правосудие. Не случайно поэтому законодатель предусмотрел ответственность за дачу заведомо ложных показаний. По части I статьи 181 Уголовного кодекса РСФСР виновные в этом преступлении наказываются лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок...

Бурковой было стыдно за мужа и за себя. Стыдно за то, что двое здоровых мужчин избили подростка, а она их даже не пыта-

лась удержать. Кроме того, ей не хотелось вмешивать в «семейное дело» постороннего человека. Так родилась ложь. А раз солгав, Александра Буркова в дальнейшем твердо придерживалась своей версии и твердила, что в драке никто, кроме мужа, участия не принимал.

Ванины, между тем, утверждали, что в драке участвовали двое мужчин. Следователь опросил соседей, вызвал на очную ставку с Ваниными всех участников так нескладно закончившегося праздника. Но узнать сообщника Буркова так и не удалось.

Дело поступило в народный суд.

Председательствовал в судебном заседании опытный народный судья Дмитрий Михайлович Филатов. Разбирательство он начал... напоминанием о долге свидетелей. О том, что они должны давать правдивые показания, что по существу они являются помощниками правосудия в деле установления истины. Не жалость, не ложное чувство товарищества должны руководить действиями свидетеля, а лишь высокое чувство справедливости.

— Позвольте! — неожиданно раздался в зале женский голос.

Это была Александра Буркова, взволнованная, бледная. В наступившей тишине она произнесла:

— Я скажу, кто был второй... Это был Галибов...

Галибов, находившийся в зале, вздрогнул, но ничего не возразил.

— Это правда? — спросил у него судья.

— Да, — ответил он.

Филатов обернулся к Бурковой.

— У меня к вам один вопрос, свидетельница. На предварительном следствии вы говорили, что не знаете, кто был второй.

— Я солгала...

Суд после доследования дела приговорил обоих хулиганов к строгим мерам наказания.

А через две недели состоялся суд над Александрой Бурковой за дачу ложных показаний на предварительном следствии.

Я разговаривал с Бурковой некоторое время спустя после того, как состоялся суд.

— Все дни, пока длилось следствие, я переживала свою ложь, — призналась она. — А когда рассказала правду, словно камень свалился с души.

Б. ВОРОНИН

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНКУРС

В ЧЕМ ОН ВИНОВАТ?..

Когда Николай Степанович Королев с женой приехал работать в совхоз «Полянки», ему предоставили земельный участок. На нем он выстроил дом. В свободное время занимался подсобным хозяйством, выращивал для семейного стола овощи. Потом неподалеку от совхоза началась большая стройка. Люди там нужны были позарез, да и заработки предлагались повыше, чем в совхозе. Уволился Николай Степанович с прежнего места — и на стройку. Следом за ним и жена подалась, для нее тоже нашлось дело на строительстве. А живут оба по-прежнему на старом месте.

Но однажды вечером Королева вызвали в дирекцию совхоза и предложили ознакомиться с приказом директора: приусадебный участок ему урезали ровно наполовину. Исполком сельского Совета депутатов трудящихся утвердил решение администрации.

— Это же несправедливо, — сказал Николай Степанович.

— Но вы и ваша жена теперь не работники совхоза, — возразили ему. — И потому не можете пользоваться участком в нормах, предусмотренных для наших рабочих и служащих.

На следующий день пришли двое представителей из дирекции совхоза, измерили участок Королева и все, что ему полагалось согласно распоряжению администрации, отгородили колышками.

— В этих пределах вы можете вести свое приусадебное хозяйство.

Весной Королев все колышки повыдергивал и выбросил. Вскопал участок в прежних границах и посадил капусту, картофель, помидоры. Придет Николай Степанович с работы — и сразу на огород. Окучивает грядки, поливает, убирает сорняки. И урожай получился отменный. Да только перед самой уборкой пришла ему повестка в народный суд...

— Мы просим наказать Королева и обязать его освободить самовольно захваченный участок, — говорил на суде представитель администрации совхоза. — А также сдать все, что он вырастил на нем.

— Еще чего? — возмущался Николай Степанович. — Во-первых, вы поступили незаконно, когда урезали мне участок. А во-вторых, все, что вырастил на той части земли, которую вы у меня отняли, принадлежит мне: я покупал семена, затратил труд на то, чтобы вырастить овощи...

Адвокат обратил внимание суда на то, что Королев в прошлом не судим и с места последней работы на него представлена положительная характеристика...

ОТВЕТ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

Как сообщалось в рассказе «Женитьба студента Павлова», после непродолжительного знакомства Валерий Павлов предложил Ольге Березиной зарегистрировать брак. Ольга согласилась. Своими действиями после свадьбы Валерий показал, что заключенный им с Березиной брак носил с его стороны лишь фиктивный характер.

Доводы Павлова на суде, что он вступил в брак с целью создания семьи, были опровергнуты объяснениями истицы, показаниями свидетелей и объективными доказательствами о фактических взаимоотношениях сторон.

В ходе судебного разбирательства было также установлено, что ответчик вступил в брак с истицей, не имея намерения создать семью, а с целью получения права на часть жилплощади, принадлежащей Березиной.

В нашей же стране брак заключается с целью создания семьи, рождения и воспитания детей. По закону (статья 15 Кодекса о браке и семье РСФСР) для заключения брака необходимо взаимное согласие вступающих в брак и достижение ими брачного возраста. Формально все эти условия Березиной и Павловым были соблюдены. Фактически же искреннее согласие на заключение брака было лишь у Березиной, не подозревавшей, что Павлов дал такое согласие без намерения создать семью.

А в соответствии со статьей 43 Кодекса законов о браке и семье РСФСР регистрация брака без намерения создать семью (финтивный брак) может служить основанием для признания его недействительным. У лиц, состоявших в браке, признанном недействительным, никаких прав и обязанностей супругов не возникает (за исключением специальных случаев, указанных в законе). Таким образом, В. Павлов не мог приобрести права и на жилплощадь О. Березиной.

Брак, зарегистрированный между В. Павловым и О. Березиной, суд признал недействительным со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...

Работник Северодвинского треста столовых Архангельской области Васьков, находясь в нетрезвом состоянии, прибыл на катере в деревню Сюзьма. Увидев на берегу группу граждан, он начал приставать к ним, толкать, потребовал, чтобы они ушли отсюда. Свои действия он сопровождал нецензурной бранью. Когда находившиеся у реки граждане отказались уйти, Васьков взял из кабины катера ружье. Люди стали разбегаться. Однако Васьков не довольствовался этим и все же выстрелил в одного из присутствующих. К счастью, тот успел спрятаться за деревянную будну, в которую и попал заряд. Свои действия Васьков объяснял тем, что принял граждан... за рыбинспекторов.

Приговором Северодвинского районного народного суда Васьков за особо дерзкое хулиганство осужден на 3 года лишения свободы.

ИНФОРМАЦИЯ...

ИНФОРМАЦИЯ...

Житель Ашхабада Плешаков оставил семью и под всякими предложениями стал уклоняться от оказания помощи детям. После нескольких предупреждений против него было возбуждено уголовное дело, а Ленинский районный народный суд г. Ашхабада за злостное уклонение от уплаты алиментов приговорил его к одному году лишения свободы.

Директор Курган-Тюбинской текстильно-галантерейной фабрики Абдуллаев, начальник ткацкого цеха Набиев, старший мастер Мухитдинов и другие по договоренности между собой создавали излишки сырья-вискозы, из которой производились затем неучитываемые ткани и тайно вывозились с фабрики. Из нее организовали пошив одежды. Преступной группой в течение нескольких лет похищено 38 тысяч метров ткани.

Верховный суд Таджикской ССР приговорил Абдуллаева к пятнадцати, Набиева к тринадцати, Мухитдинова к десяти годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, конфискацией имущества и лишением права после отбытия наказания занимать должности, связанные с материальной ответственностью, в течение пяти лет. Осуждены и их сообщники.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

НАШИ
КОНСУЛЬТАЦИИ

Пенсия на льготных условиях

Рабочим и служащим, занятым на работах с вредными и тяжелыми условиями труда, в горячих цехах, а также на подземных работах, пенсии назначаются на льготных условиях и в льготных размерах. Утверждены два списка с наименованиями производств, цехов, профессий и должностей, дающих право на эти льготы.

По списку № 1 пенсии по старости назначаются: мужчинам с 50 лет, при наличии двадцатилетнего трудового стажа, из которых не менее десяти лет должно приходиться на работы во вредных и тяжелых условиях труда; женщинам — с 45 лет, при пятнадцатилетнем трудовом стаже, не менее половины которого приходится на работы, дающие право на льготы.

По списку № 2 пенсии по старости назначаются мужчинам с 55 лет, женщинам с 50

лет (общий трудовой стаж первых должен составлять не менее 25 лет, вторых — не менее 20 лет). Специальный трудовой стаж, дающий право на получение льгот, установлен: мужчинам не менее 12 лет и 6 месяцев, женщинам — не менее 10 лет.

Списки производств, цехов, профессий и должностей, работа в которых дает право на льготную пенсию, составлены по производственному признаку: например, металлургическое производство (черные металлы), металлообработка, транспорт, связь и так далее. Поэтому при назначении льготной пенсии в первую очередь надо установить, к какому разделу списков относится предприятие, на котором работал человек. Может случиться так, что производством продукции, указанной в списках, занимается не все предприятие в целом, а лишь какой-то

из его цехов, участков, отделений или даже какая-нибудь одна установка. Занятые там рабочие и служащие имеют право на получение льготной пенсии.

При назначении пенсий работникам, занятым выработкой химических изделий, вначале устанавливается, к какому производству относится предприятие в целом. Если, например, оно относится к химической промышленности, то пенсии назначаются по разделу VIII списка № 1 и разделу XI списка № 2 «Химическое производство». Но некоторые виды химических изделий могут производиться на предприятиях, не относящихся к химической промышленности. Так, в целлюлозно-бумажной промышленности производятся сернистая кислота и хлор. Работникам, занятым на этих производствах, льготные пенсии назначаются по разделу XVII списка № 1 и разделу XXIII списка № 2 «Бумажное и фанерное производство».

Если в списках не перечисляются профессии и должности, а указываются только производства, то право на льготную пенсию получают все его работники, занятые на нем полный рабочий день. Однако отдельные категории работников, которые по характеру своего труда не могут быть заняты в производстве полный

рабочий день (например, цеховые нормировщики), правом на льготную пенсию не пользуются.

В списках подробно перечисляются категории работников, занятых обслуживанием определенного оборудования, агрегатов или механизмов. Скажем, правом на льготную пенсию пользуются машинисты шахтных печей в производстве цемента, кочегары производственных котельных.

Когда в списках указаны рабочие без перечисления профессий (к примеру, занятые на отделке металла в прокатном производстве черной металлургии), льготное пенсионное обеспечение предоставляется всем рабочим, независимо от наименования их профессий.

Если в списки включены профессии рабочих под общим наименованием (скажем, кондукторы грузовых поездов), то право на пенсию на льготных условиях и в льготных размерах распространяется на рабочих всех наименований этих профессий. В приведенном нами случае: не только на кондукторов, но и на главных, старших, младших кондукторов грузовых поездов и их помощников.

Это правило не распространяется на инженерно-технических работников. Прорабы и мастера строительных организаций проходят по списку

№ 2, а старшие мастера и старшие прорабы в эти списки уже не включены. Пенсия им назначается на общих основаниях.

Подручным рабочим, поскольку их труд не всегда одинаков с условиями и характером труда рабочих основных профессий, льготные пенсии назначаются только в тех случаях, когда это прямо оговорено в списках.

Правом на льготную пенсию пользуются бригады, руководящие отдельными участками работ, например системой испарительного охлаждения на плавке стали, изготовлении эмульсии для фотопленки и так далее (подробно они перечислены в списках). Должность бригадира может быть не предусмотрена списками, но если бригадир не освобожден от обязанностей рабочего (по специальности, дающей право на льготу), то он также получает право на льготное пенсионное обеспечение.

Слесари, электрослесари и электромонтеры, прямо указанные в списках, пользуются правом на льготу по пенсионному обеспечению независимо от того, заняты ли они ремонтом оборудования, или текущим его обслуживанием. Что же касается рабочих тех же специальностей, занятых на ремонте и обслуживании контрольно-измерительных прибо-

ров, то здесь существует дифференциация. Скажем, слесари и электромонтеры, обслуживающие контрольно-измерительные приборы в котельных и машинных отделениях подземных тепловых электростанций, пользуются правом на льготное пенсионное обеспечение. Если они заняты теми же работами на электростанциях других типов, то это уже не дает им права на льготу.

Металлообработка предусмотрена XI разделом списка № 1 и XV разделом списка № 2. В конце этих разделов помещены подразделы «Прочие профессии металлообработки», которые распространяются на всю обработку металла, где бы она ни производилась. Например, рабочие, занятые на обдирке, точке, шлифовке металлических изделий и инструмента абразивными кругами сухим способом, получают пенсию на льготных условиях и в льготных размерах, где бы они ни трудились — на машиностроительном заводе, в железнодорожном депо или в механических мастерских. Кузнецы и молотобойцы, занятые в любом производстве, пользуются правом на льготное пенсионное обеспечение по списку № 1 при условии, если они постоянно находились на кузнечных работах.

При назначении пенсии может возникнуть такая ситуа-

ция. Григорьев работал на производстве, совмещая две должности. Одна из них предусмотрена списком № 1, другая — списком № 2. По какому из этих двух списков ему должна быть назначена льготная пенсия? Только по списку № 2. Если же наряду с работами, указанными в списках, человек выполнял такие работы, которых в списках нет, то пенсия ему назначается на общих основаниях. Кадровикам надо проявлять большое внимание, чтобы установить, имелось ли совмещение. При этом следует помнить, что обязанности инженерно-технических работников определяются должностными инструкциями, а обязанности рабочего той или иной профессии — характеристикой работы по тарифно-квалификационному справочнику.

Следует особо остановиться на пенсионном обеспечении работников научно-исследовательских и учебных институтов. Как уже говорилось, пенсионная льгота предоставляется только работникам произ-

водств, поэтому работа в лабораториях, отделах НИИ и учебных институтах не дает права на льготную пенсию. Но если в составе научно-исследовательского института есть опытные производства (заводы, цехи, мастерские), то работники этих подразделений пользуются правом на льготную пенсию по соответствующим разделам списков. Но при этом имеются в виду только те работники, которые непосредственно и полный день заняты в производствах, цехах, участках, отделениях по профессиям и должностям, предусмотренным списками.

При рассмотрении вопросов пенсионного обеспечения необходимо учитывать, что предоставление трудящимся одной или даже нескольких льгот (сокращенный рабочий день, дополнительный отпуск, оплата по ставкам, установленным для тяжелых работ и работ с вредными условиями труда, и так далее) не обуславливает само по себе права на льготное пенсионное обеспечение.

В. МИХЕЕВ,
заместитель начальника
отдела Госкомитета по труду

Видел, знаю, обязан сообщить

Кочетков был уверен, что на скамье подсудимых он оказался случайно.

— Я не совершал преступления. И к ним, — он кивнул на своих соседей, — не имею никакого отношения.

— Вы знали, что они готовят опасное преступление? — спросил судья.

— Знал.

— Вам доподлинно было известно, что впоследствии оно было совершено и преступники остаются безнаказанными?

— Да.

— Почему же вы не сообщили об этом органам милиции?

— Пусть милиция сама ловит преступников. А я не обязан этого делать.

Ошибается Кочетков. О том, что ему было известно, он должен был сообщить в органы правосудия. Эта обязанность для него с одной стороны моральная, с другой же — прямо предусмотренная законом. Органы власти в борьбе с преступностью опираются на широкую общественность. По долгу совести наши общественные организации — добровольные народные дружины, комсомольские отряды — много делают для искоренения правонарушений. Их деятельность строится на добровольной основе.

Но в отдельных случаях, когда дело касается государственных и особо тяжких преступлений, помощь граждан органам власти становится обязательной. Недонесение о них становится преступлением.

Законом предусмотрена уголовная ответственность за недонесение о следующих известных и готовящихся или совершенных государственных преступлениях: измена Родине, шпионаж, террористический акт, диверсия, вредительство, организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации, бандитизм, изготовление, сбыт поддельных денег или ценных бумаг.

Кроме того, закон (статья 190 УК РСФСР) предусматривает уголовную ответственность за недонесение о следующих видах преступлений, совершенных при отягчающих обстоятельствах: умышленное убийство, изнасилование, кража, грабеж, разбой, хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо злоупотребления служебным положением, а также в особо крупных размерах, получение, дача взятки и посредничество во взяточничестве.

ве, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника.

Оба эти перечня исчерпывающие. То есть недонесение о других, не перечисленных выше, государственных или иных преступлениях уже не является уголовно наказуемым. Но, разумеется, это вовсе не значит, что люди могут безучастно наблюдать, как совершается преступление, скажем кража, злостное хулиганство. Гражданский долг каждого — сделать все, чтобы предотвратить его или же, если оно уже совершено, помочь органам правосудия изобличить преступников.

За недонесение гражданин подлежит ответственности, когда он сознает, что не выполняет предписанную ему законом обязанность сообщить органам власти о готовящемся или совершенном преступлении, предвидит вред, который недонесительство может причинить правосудию. О том, что человек знал о готовящемся или совершенном преступлении, могут свидетельствовать различные обстоятельства: личное наблюдение за подготовкой или совершением преступления, знакомство с письменными свидетельствами, говорящими о дей-

ствиях преступников, и другие. Достоверность такой осведомленности у человека, привлекаемого к ответственности за недонесение, признается лишь в том случае, если он сам не сомневался в том, что преступление готовится или уже совершено.

О действиях, направленных на совершение преступления, или о самом преступлении можно сообщать в суд, прокуратуру, в милицию, в местные Советы депутатов трудящихся и их исполкомы, а когда дело касается государственных преступлений — еще и в органы Комитета государственной безопасности, а также другим должностным лицам, обязанным по долгу службы принять меры для предотвращения или раскрытия готовящегося или совершенного преступления.

Недонесение о преступлении карается законом независимо от того, было ли оно обещано заранее или нет.

В отличие от укрывательства, при котором виновный активно помогает преступнику избежать наказания, недонесение является преступным бездействием. Как преступление оно считается законченным в тот момент, когда человек, имея возможность своевременно сообщить о готовящемся или совершенном преступлении, не сделал этого. При этом не имеет значения, что преступ-

ление было предотвращено по другим основаниям.

Теперь о наказании. По статье 88¹ Уголовного кодекса РСФСР (а такие статьи есть в уголовных кодексах всех союзных республик) недонесение о государственных преступлениях наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет или исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

Недонесение о преступлениях, указанных в статье 190 Уголовного кодекса РСФСР, карается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года.

...Вот почему Кочетков напрасно удивлялся. Его правильно посадили на скамью подсудимых. Он тоже совершил преступление. И за это должен отвечать по закону.

Д. ОСТРОВСКИЙ,
адвокат

ЧИТАТЕЛЬ
НА ПРИЕМЕ
У ЮРИСТА

В каком порядке рассматриваются споры о выплате премий и поощрений наградного характера? — спрашивает В. Кольков из Днепропетровска.

В трудовом законодательстве по правовому режиму четко различаются два вида премирования: премии, обусловленные системами оплаты труда, и премии — награды за достижения в работе, предусмотренные системой поощрений добросовестных работников. Поскольку первый вид премий (выплачиваемых за сделанную работу) является дополнитель-

ной частью заработка работника, то трудовые споры о праве на такие премии могут рассматриваться в комиссиях по трудовым спорам, фабричном, заводском, местном комитете и народном суде.

К премиальной системе оплаты труда относятся не только премии за основные, текущие результаты работы, но и так называемые премии специального назначения: за изготовление продукции на экспорт, создание и внедрение новой техники и некоторые другие. Эти виды премий объединяет главное — они выплачиваются лишь при достижении заранее обусловленных показателей труда.

А к премиям — наградам и поощрениям относятся такие выплаты, которые учитывают не только результаты труда, но и другие факторы, характеризующие отношение человека к труду. С появлением на предприятиях нового источника стимулирования — фонда материального поощрения число таких премий непрерывно увеличивается. Это прежде всего — поощрение победителей соцсоревнования; за длительный стаж работы; за окончание без отрыва от производства учебного заведения; в связи с праздничными и юбилейными датами; уходом на пенсию и ряд других. Своеобразие этих премий, таким образом, заключается в исключительно наградном их характере, и выплачиваются они только по усмотрению администрации и профсоюзного комитета. Поэтому споры о таких премиях не рассматриваются в комиссиях по трудовым спорам, фабричных, заводских, местных комитетах профсоюзов и народных судах.

Л. ОКУНЬКОВ,
кандидат юридических наук

**Что такое
жилищная норма
и в каких случаях
изымаются излишки
жилой площади? —
спрашивает И. Ковалко
из Ростова-на-Дону.**

Жилищная норма — это полагающийся нанимателю по закону минимум жилой площади. Устанавливается жилищная норма союзно-республиканским законодательством в целях правильного распределения и рационального использования государственного жилого фонда. Для отдельных групп населения устанавли-

вается также норма дополнительной жилой площади.

Излишки жилой площади (разница между фактически занимаемой и полагающейся по норме) могут быть по суду изъяты у нанимателя. При определении этих излишков учитывается жилищная норма на постоянных жильцов (в том числе и на отсутствующих, но за которыми по закону сохраняются права на площадь).

Наймодатель (например, жэк) вправе требовать изъятия излишков жилплощади только в том случае, если они представляют собой отдельную изолированную комнату не менее 9 квадратных метров (сюда относятся также неизолированные комнаты, которые по решению соответствующих органов могут быть превращены в изолированные). Если же в результате изъятия лица разного пола, кроме супругов, будут вынуждены жить в одной комнате либо супру-

ги — в разных помещениях, изымать излишки жилплощади не разрешается.

Изъять лишнюю изолированную комнату в доме местного Совета можно лишь в том случае, если наниматель сам не заселит освободившееся помещение в течение трех месяцев после письменного предупреждения жилищного органа. При этом съемщики, проживающие в квартире, предоставленной в пользование одной семье, вправе требовать переселения их в отдельную квартиру меньшего размера. Если же это требование не будет удовлетворено, наймодатель лишается права на изъятие лишней комнаты. Неизолированная комната, смежная с той, которую занимает наниматель, в случае освобождения передается этому нанимателю.

Лишние изолированные комнаты в домах государственных, кооперативных и общественных организаций заселяются по усмотрению наймодателя.

А. СОБОЛЕВ,
кандидат юридических наук

С кого кроме родителей можно удерживать алименты на несовершеннолетних и взрослых нетрудоспособных детей? — спрашивают П. Горелова из Архангельска, М. Зиновьева из Омска и Л. Глебова из Ижевска.

Дети в нашей стране — самое привилегированное сословие. Забота о детях, их физическом и духовном воспитании, их будущем всегда была одной из важнейших задач нашего государства. Вот почему их интересы находятся под защитой советских законов.

Содержание несовершеннолетних кроме родителей может быть возложено также на отчима и мачеху. Но это только в том случае, если у пасынка или падчерицы нет родителей или они не могут с последних полу-

чить алименты. И еще. Основанием для взыскания с этих лиц алиментов может служить также факт проживания в семье, воспитания и содержания несовершеннолетних пасынков и падчериц.

Обязанность отчима и мачехи выплачивать алименты прекращается, как только отец или мать окажется в состоянии помогать материально детям.

Содержание несовершеннолетних может быть возложено и на их братьев и сестер, разумеется если они обладают достаточными средствами для этого, а несовершеннолетние братья и сестры нуждаются в помощи и не могут получить ее от родителей. Такую же ответственность они несут в отношении нуждающихся в помощи и нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер.

В тех случаях, когда нельзя взыскать алименты с родителей из-за отсутствия у них средств, алименты взыскиваются с деда и бабушки, если дед и бабушка обладают достаточными для этого средствами. Алиментные обязательства возникают между внуками и дедом, бабушкой как по отцовской линии, так и по материнской.

На кого еще могут быть возложены алиментные обязанности?

Закон устанавливает, что граждане, добровольно принявшие детей на постоянное воспитание и содержание (без усыновления или оформления опеки или попечительства), в случае отказа от дальнейшего воспитания обязываются судом оказывать им материальную помощь. Этот закон распространяется на несовершеннолетних, а также нетрудоспособных совершеннолетних, нуждающихся в помощи.

Такие обязанности фактического воспитателя возникают при тех же обстоятельствах, о которых говорилось, то есть если у воспитанников нет родителей или они не могут их содержать. Здесь уместно заметить, что эти обязанности не возлагаются на лиц, воспитывающих детей в качестве опекунов или попечителей.

Алименты с перечисленных лиц взыскиваются в твердой денежной сумме ежемесячно, и размер их определяется судом.

В том случае, если человека обязаны содержать одновременно несколько лиц, суд в зависимости от материального и семейного положения определяет размер алиментов с каждого из них. При этом важно отметить, что учитываются все обязанности к уплате алиментов, независимо от того, предъявлено ли требование ко всем им или только к одному из них.

А. АДУЕВ,
кандидат юридических наук

МИРАЖИ БУРЖУАЗ- НЫХ СВОБОД

И. ЛЕДЯХ,
кандидат юридических наук

уржуазное право, конституция, закон — гражданин. Каков механизм их взаимоотношений?

Современные буржуазные юристы — государствоведы, конституционалисты, теоретики, не скупясь на безудержные похвалы и восторги, заверяют, что только западная демократия обеспечивает гражданину полную свободу, только здесь господствует принцип права, создано «правовое государство», в котором все подчиняется предписаниям закона. Созданы целые «теории» о государстве «всеобщего благоденствия», о массовой демократии, пишут и о том, что здесь, на западе, свершилось «чудо кон-

ституционное». Однако теории остаются теориями без доказательств.

Правда, заглядывая за кулисы, оценивая реальную демократию, ее будни, ее практику, некоторые современные западные юристы или политологи указывают на пороки капитализма, на его черные пятна и недостатки. Говорят даже об «агонии», «смертельном недуге», неизлечимой болезни капитализма, его демократии и права.

Попробуем разобраться, что на самом деле представляют собой правовые институты буржуазного государства и какими правами обладают его трудящиеся граждане.

На самом верху «правовой пирамиды» в огнях рекламы сверкает конституция. Ее фасад после второй мировой войны действительно украшают некоторые права и свободы. Провозглашаются право на труд, право на забастовку, право на участие в управлении предприятием, на отдых и социальное обеспечение, свобода мнений, печати, информации, принцип равноправия женщин.

Но, записанные в конституции, они еще не есть реальность. Они далеки от нее, и практика показывает, что чаще всего они так и остаются «бумажными». Вынужденная под напором классовых выступлений трудящихся идти на уступки, буржуазия, однако, создает сложный механизм ограничений, отчуждения важнейших прав и свобод. Этому прежде всего содействует сама буржуазная конституция. Использование прав и свобод запрещается, строго ограничивается, если это «наносит вред существующему строю», представляет «угрозу безопасности страны», национальному престижу, вредит экономике, нарушает публичный порядок, обычаи, мораль и нравы. Если вдуматься в смысл этих оговорок, то ясно, что направлены они прежде всего и главным образом против тех прав и свобод, с помощью которых трудящиеся могут отстаивать свои интересы — вести

борьбу с капиталом, с монополиями за улучшение уровня жизни, за право иметь работу и возможность прокормить семью.

Возьмем, к примеру, право на забастовку. В современных условиях резкого, перманентного роста цен и стоимости жизни (в 1973 году в среднем она повсюду повысилась от 7 до 20 процентов), сокращения производства (в США до 6—8 процентов), массовых увольнений и роста безработицы в связи с валютным и энергетическим кризисом это право и возможность его использовать приобретает особое значение. Оно прямо признается конституциями Японии (статья 28), Италии (статья 40), косвенно вытекает из пункта 3 статьи 9 конституции ФРГ. В действительности, однако, повсюду сложилась такая практика, что возможность использовать это право зависит от судов — признают они забастовку законной или нет. И именно суды, которые являются в буржуазных странах орудием правящих классов, становятся преградой на пути реализации записанных в конституции прав.

Суды различают забастовки экономические и политические. Последние считаются незаконными; к ним относятся всеобщие, стачки солидарности, «сидячие», заранее не объявленные, нарушающие положение о

«классовом мире» и т. п. Суды ФРГ ввели, например, 8 требований, удовлетворение которых делает забастовку законной: если она не противоречит принципам трудового права, «социально оправдана», касается только условий труда, если она организованная, то есть ею руководит профсоюз, и прочее. Такие широкие и многочисленные условия, как нетрудно догадаться, на деле ставят любую забастовку в зависимость от решений буржуазного суда. За участие в незаконной забастовке профсоюзы подвергаются огромным штрафам, а организаторы ее, активисты — увольняются. Мало того, если забастовка будет признана незаконной, то правомерным становится локаут — ответная мера предпринимателей против бастующих. Они могут увольнять рабочих, прежде всего участников забастовки, практически в неограниченном количестве.

Аналогичный режим действует и в Англии, стране, где нет писаной конституции. Особенность английского права всегда состояла в том, что важное место здесь занимает судебное решение. Суды при этом связаны только своими прежними решениями или решениями высших судов. Права и свободы граждан обычно находятся в полной зависимости от усмотрения суда. И право на забастов-

ку не составляет исключения. Трудящиеся Англии десятки лет вели борьбу за упорядочение, за урегулирование этого права законом. И вот в августе 1971 года был принят закон об отношениях в промышленности. Он запрещает «неофициальные» стачки, то есть стихийные, не поддерживаемые профсоюзом. Стачки, проводимые незарегистрированным профсоюзом, также считаются незаконными, и организаторы их несут за это материальную и уголовную ответственность.

Различные методы дискриминации и ограничений социально-экономических прав трудящихся не сводятся только к национальным, внутригосударственным формам. В последнее десятилетие особое распространение получили межнациональные формы. Размножившиеся и сковавшие железными обручами национальную экономику капиталистических стран межнациональные корпорации типа «Интернэшнл бизнес мэшин» хищнически эксплуатируют национальные природные, экономические и человеческие ресурсы. Именно они в наиболее бесцеремонных формах нарушают национальное трудовое законодательство и коллективные договоры, навязывают особо жесткие условия эксплуатации. Захватив важные позиции в ключевых отраслях экономики, такие международные монополии

ведут беспощадную борьбу с забастовочным движением, применяют локауты. Американские владельцы заводов «Крайслер» и «Кодак» в Англии всякий раз, когда рабочие этих предприятий начинали забастовки, угрожали их закрытием; число безработных в таком случае возросло бы на сотни тысяч.

В арсенале буржуазного права есть много других уловок, призванных помешать практическому использованию того или иного права, записанного в конституции. Провозглашенные и широко разрекламированные права и свободы оказываются фикцией, мыльным пузырем, потому что применить их нельзя, если они не подтверждены и не оформлены в конкретном законе.

Возьмем, к примеру, принцип равноправия мужчины и женщины, записанный в пункте 2 статьи 3 конституции ФРГ, принятой в 1949 году. Многие годы он не действовал из-за отсутствия необходимого законодательства. Соответствующий закон об имущественных правах супругов, о праве на материальную поддержку был принят только в июне 1957 года. Однако наиболее существенные из нововведений были в 1959 году объявлены Федеральным конституционным судом антиконституционными. Отсутствие законов и законодательного регулирования порождало на

практике такие уродливые явления, как увольнение с работы женщины при вступлении ее в брак или, например, первоочередное вступление мужчины в право наследования по закону.

Понадобилось 25 лет, чтобы принцип равноправия мужчины и женщины, провозглашенный в преамбуле французской конституции 1946 года и подтвержденный конституцией 1958 года, получил разрешение в специальном законе 1972 года о равенстве оплаты труда мужчин и женщин. Известно, что до этого коллективные договоры утверждали две тарифные сетки — одну для мужчин, а другую, на 35 процентов меньшую, — для женщин.

До сих пор все еще страдают от этого женщины Великобритании, которым коллективные договоры устанавливали всегда на 20—30 процентов меньшую зарплату, чем мужчинам, хотя они выполняли одинаковую работу в одной и той же отрасли промышленности. Наконец после длительной борьбы в 1970 году был принят закон о равной оплате и равенстве условий труда. Он предписывал изменить тарифную систему и ввести единую систему ставок для мужчин и женщин. Однако, стремясь как-то смягчить удар по прибылям предпринимателей, законодатель отсрочил вступление закона в силу до

сентября 1975 года, обосновав это необходимостью провести подготовительную работу. Любопытно, что когда в 1972 году специальная комиссия обследовала положение дел в основных отраслях, то оказалось, что только десятая часть фирм изменила систему оплаты.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что действующее буржуазное право не соответствует даже тому формальному уровню демократии, который получил выражение в таких международно-правовых документах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Пакты об экономических, социальных и культурных правах, принятые ООН в 1966 году, и другие.

Особенно отстают от современного формально-правового уровня буржуазной демократии конституция США. Эта самая старая и ныне самая «жесткая» в буржуазном мире конституция — в полном смысле слова памятник древности. Она архаична, устарела и уже в силу этого фиктивна, но вполне устраивает правящие круги, так как дает возможность неограниченного классового и политического маневра. По мнению трех американских профессоров — специалистов по труду Б. Блюстона, В. Мэрфи и Мэри Стивенсон, больше всего страдают трудящиеся от

дискриминации по признакам расы и пола.

Женщины, как известно, составляют добрую половину населения, и они подвергаются здесь глубоко укоренившейся дискриминации, прежде всего в области труда. Их попросту не нанимают на работу в крупных отраслях промышленности и на должности с высокой оплатой труда. Они используются на низкооплачиваемых работах. Но и здесь они получают много меньше мужчин. В современной Америке, с одной стороны, расширяется объем используемого женского труда — от 32 процентов работающих женщин в 1955 году до 39 — в 1972. А с другой, за те же годы прослеживается понижение оплаты их труда по сравнению с мужчинами с 63,9 до 59,5 процента; в некоторых областях — торговля, конторско-технические работы — до 58 процентов.

Уместно заметить, что в США женщины все еще всячески отстраняются от участия в правосудии, даже в качестве присяжных. Пятнадцать штатов запрещают им это исключительно по причине пола. Двенадцать — мотивируют это обязанностью воспитывать детей. Три штата требуют от них специальной регистрации в судах. Дело не обходится и без настоящих курьезов: причиной объявляется отсутствие в по-

мещениях судов... специальных «дамских комнат». Эти уродливые явления не только противоправны по сути своей, но и формально идут вразрез с действующим правом. Известно, что в 1963 году был принят закон о равной оплате труда. Однако с тех пор с жалобами на его невыполнение вынуждены были обратиться в суды более 113 тысяч рабочих, в основном женщин.

Известно также, что в 1964 году был принят закон о гражданских правах, запрещающий дискриминацию работающих у частных нанимателей по признакам расы, пола, религии и национальности. А в конце 1972 года Комиссия по равным возможностям найма зарегистрировала 10 436 жалоб женщин. Конгресс США принял специальную, двадцать седьмую по счету поправку к федеральной конституции о равенстве прав и запрещении дискриминации по признакам пола. Чтобы вступить в силу, поправка должна быть ратифицирована по крайней мере в 38 из 50 штатов. В октябре 1972 года 20 штатов ратифицировали поправку. Однако нет гарантий, что принятая поправка существенно изменит противоправную практику капитала. Напротив, двухсотлетняя история конституции США дает нам бесконечную вереницу печальных, порой трагических

примеров ее беспомощности, бездейственности. Особенно это прослеживается на судьбе «цветной» Америки. Еще сто лет назад, в 1865—1870 годах, появились 13, 14, 15 поправки к конституции, которые провозгласили равную защиту законом всех граждан страны во всех областях жизни, независимо от расы, веры, цвета кожи, национальности. И что же? В течение этих ста лет миллионы черных граждан США подвергаются всем видам дискриминации. Их первыми увольняют, последними принимают на самые тяжелые и низкооплачиваемые работы; негры всегда занимают первое место среди безработных. Сегрегация в школьном образовании многократно объявлялась верховным судом антиконституционной, тем не менее она проводилась и проводится во многих штатах и поныне.

Вопреки запретам конституции дискриминация граждан осуществляется не только по национальным или расовым признакам, не только из-за различия пола, но и не менее широко по политическим мотивам. Буржуазное государство нацеливает весь свой репрессивный аппарат именно против инакомыслящих, то есть против демократической оппозиции, против тех, кто критикует устои капитализма, его эксплуататорскую сущность. Гонения, пре-

следования, судебные и административные запреты компартий, демократических профсоюзов становятся обычными во многих странах Латинской Америки, в Испании, Португалии, Греции, ФРГ, США.

И современному капитализму известны такие, казалось бы, ушедшие в прошлое формы дискриминации, как неравенство по причине религиозных убеждений. Уже многие годы католическое население Северной Ирландии ведет борьбу за гражданские права, которая по сути переросла в гражданскую войну против господства, верховных прав и власти Лондона, ибо Великобритания с помощью военной силы, полицейского террора, внесудебных расправ пытается сохранить за собой Северную Ирландию. Народ Северной Ирландии, католическая часть его населения отстаивает свое право на национальное самоопределение, добиваясь воссоединения с независимой Ирландской республикой. Оккупировав страну, английское правительство с 1969 года удерживало здесь свою власть с помощью чрезвычайного положения. Вот его этапы. 1970 год. Закон об охране общественного порядка запрещает любые демонстрации. 1971 год. Закон о чрезвычайных полномочиях. 1972 год. Введено «прямое правление». 1973 год. Закон о

чрезвычайных мерах предоставляет полиции и армии неограниченные права на аресты, задержание в тюрьмах без суда и следствия, на обыски помещений. Создаются концентрационные лагеря, где содержатся политические заключенные.

Религиозная дискриминация переплетается здесь с социальной и политической. В самом деле, зарплата в Северной Ирландии на 15 процентов ниже, чем в Англии, а безработица — в два раза выше.

А как обстоит дело с другими правами и свободами граждан в странах капитала? Конечно, в данном случае мы не принимаем в расчет страны, где установлены военные диктатуры или такие режимы, где права и свободы попросту отменяются, а захватившие власть лица действуют насильственными, внеправовыми методами, как это происходит в Чили, Греции, Испании, Португалии. Обратимся к так называемым, как они себя именуют, «цивилизованным» странам. Пользуются ли их граждане и до каких пределов свободой мнений, печати, собраний, информации? Существует ли и в каких границах свобода образования и деятельности политических партий?

Мы уже упоминали, что в западных странах широко распространена судебная практика запретов таких забастовок, в

ходе которых рабочие выставляют также требования политического характера. Например, критикуют милитаристскую политику правительства, настаивают на прекращении преследований прогрессивных деятелей, на ограничении власти монополий, прекращении поддержки военных режимов. Запрещая такого рода забастовки, правительства фактически запрещают рабочим, трудящимся вести активную политическую борьбу. Уголовные кодексы ФРГ, Франции, Бельгии, США и других стран содержат многочисленные нормы, на основании которых полиция и суды могут преследовать так называемые подрывные элементы, действия или антиправительственные умонастроения. Под них подпадают участники митингов, демонстраций, шествий. Таким образом, сама возможность пользоваться правами и свободами ставится в прямую зависимость от политических убеждений граждан.

На западе считается, что конституция ФРГ — образец современной демократии. Однако можно ли это считать демократией, если в дополнение к статье 10 о свободе переписки, тайне почтовой и телефонной связи принимается закон 1968 года об ограничении этой свободы? Он санкционирует слежку за почтовой перепиской, подслушивание телефонных

разговоров. По закону 1961 года, который признан федеральным судом в 1969 году конституционным, почтовые и таможенные чиновники обязаны следить, чтобы печатные издания (газеты, брошюры, журналы) из-за границы не провозились, не пересылались, а задерживались, если этого требует «безопасность государства». На основании этого закона осуществляется досмотр всех поступлений из социалистических стран. Так на практике выглядит свобода печати.

Как известно, со ссылкой на статью 21 конституции была запрещена в 1956 году Коммунистическая партия Германии, а со ссылкой на статью 33 из государственных учреждений, судов, университетов начали изгоняться коммунисты, члены демократических организаций и партий. Между тем статья 5 той же конституции вроде бы гарантирует свободу научной деятельности и преподавания. Получается, что две статьи основного закона находятся в состоянии «необъявленной» войны. И находятся по сей день. Ведь практика гонений коммунистов дважды получила с тех пор официальное подтверждение: сначала в специальном постановлении от 28 января 1972 года, а затем 20 сентября 1973 года на конференции премьер-министров земель и федерации, которые квалифициро-

вали членство в ГКП как активную деятельность против существующего строя. Особенно рьяно проводятся в жизнь эти установки в землях, где у власти находятся партийные группировки ХДС и ХСС. Тут простое членство в ГКП или другой демократической организации считается достаточным поводом для увольнения или недопущения к государственной службе. По сведениям, опубликованным в журнале «Шпигель» от 9 апреля 1973 года, из 40 недопущенных или уволенных из вузов и школ за период с 28 января 1972 года 21 человек были членами ГПК или коммунистической молодежной организации «Спартак», 10 — членами других «леворадикальных» организаций и только 4 — членами правых организаций.

Особой формой ограничения свободы мнений, печати, информации, преподавания в современном буржуазном государстве, как и прежде, продолжает оставаться цензура — и предварительная, и так называемая карательная. Несмотря на то что многие буржуазные конституции (например, поправка 1 к конституции США, статья 5 конституции ФРГ, статья 21 конституции Италии) формально запрещают цензуру, в действительности же она ши-

роко применяется в различных прямых и косвенных формах, в том числе и в таких, которые предусматриваются специальными законами. Так, закон США о радиовещании 1934 года с дополнениями 1959 года обязывает владельцев радиостанций действовать в соответствии с «публичными интересами». Нетрудно догадаться, какими. В отдельных штатах действуют различные законы о цензуре за составлением школьных программ и учебников. В 1968 году в Англии взамен старого принят новый закон о порядке осуществления цензуры над театральными пьесами.

Почти во всех буржуазных странах изданы законы об охране государственной тайны. Разветвленная система общих и специальных органов по контролю за деятельностью в области печати, издательского дела, радиовещания и телевидения действует повсеместно. Политическая цензура широко осуществляется и на основе уголовно-правовых формул «о подрывной деятельности», о «призыве к мятежу».

Буржуазные свободы, буржуазная демократия — это не более как мираж, бумажное прикрытие эксплуатации трудящихся и их бесправного положения в так называемом «обществе равных возможностей».

МАРЧИН ДОР

ПОВЕСТЬ

ПОДАРКИ ИЗ ФРАНЦИИ

Наконец подошла моя очередь. Наклонившись к окошку, я увидел маленького человека с щетиной бровей цвета кофе с молоком, лысого, в вытертых сатиновых нарукавниках. Уполномоченный по трудоустройству сидел за столом, тяжело опираясь на поручни кресла.

— Профессия?

Голос у него был скрипучий, с хрипами и присвистами хронического бронхита.

— Зависит от необходимости. Разными вещами занимался.

— Профессия? — повторил чиновник. — Чему учились? Какая у вас квалификация?

— Директора, — я подмигнул. — Могу быть замминистра.

— А министром? — сухо спросил он.

— Нет, не годится, — ответил я. — У министра зарплата не намного больше, а ответственности до черта. Лучше уж быть замом.

Человечек за окошком рассмеялся, показывая элегантные, словно из фарфора сделанные зубы, — его протезист, видать, был неплохим специалистом.

— А вы ловкач, — сказал он, — для таких ловкачей трудно найти что-нибудь подходящее. Строительные работы устраивают?

— Я чувствую, вы шутите, — поморщился я. — Или просто меня недооцениваете.

— Дорожные работы... Управление городского благоустройства... Мойка автомобилей... — Чиновник продолжал монотонно перечислять, не заглядывая в бумаги.

— А как насчет гардероба в кафе?

Он ехидно улыбнулся:

— Или место продавца в комиссионном? Так?

— Угадали, — я одобрительно кивнул. — Может быть либо первое, либо второе.

— Нет, не может, — вздохнул он. — Только то, что я перечислил. Мойкой автомашин неплохо можно заработать. Советую заняться.

— Я вижу, у нас не уважают достойных людей, — громко сказал я. — Как только освободится место в комиссионном, позвоните мне. Всего хорошего, пан начальник.

В очереди одобрительно рассмеялись. Я выпрямился и, пройдя сумрачный зал с выложенными кафелем стенами, остановился у дверей. Достал пачку «Спорта». Тотчас же рядом выстрелил газовый огонек зажигалки. Хозяином ее оказался немолодой седоватый мужчина в замшевом пиджаке, под которым виднелась спортивная ру-

башка с расстегнутым воротом. Она была под цвет пиджака, только чуть светлее — такими мелочами и определяется класс.

— Не удалось? — спросил он.

— В порядке исключения, — ответил я. — Иногда может и не удался.

— Министерства, комиссионные и гардеробы здорово переполнены, — заявил с усмешкой мой собеседник. — Вы опоздали.

— Со мной всегда так, — я пустил вверх дымную струю, — все время опаздываю.

— Кречет, — представился седой, протягивая мне руку. — Может быть, выпьем кофе? Неподалеку я знаю симпатичный бар.

— Томаш Бур, — я пожал узловатую, неожиданно сильную ладонь. — А вы тоже ищете работу?

Усмехнувшись в ответ, он взял меня под локоть и повел к выходу. В баре я уселся на круглом табурете, а Кречет принес две чашки кофе и две бутылки пива «Фулл лайт». Мы начали с пива.

— У вас ко мне дело? — спросил я. — Но позвольте предупредить: если речь идет об определенных вещах, то я предпочитаю иметь дело с женщинами.

— Не бойтесь, — сказал Кречет, разглядывая меня, словно картину в Национальном музее. — Чем вы до сих пор занимались?

— Бросил ходить в костел, потому что разлюбил исповедоваться.

— Неплохо, неплохо, — Кречет усмехнулся и подсунул мне пачку сигарет «Кармен». — Если вы ищете хорошее место, то нам следует побеседовать. Кто знает, может быть, я и найду для вас что-нибудь интересное. Чем вы до сих пор занимались?

Я размял сигарету. Кречет снова блеснул газовым огоньком. Отличная зажигалка: блестящая игрушка в форме ракеты с регулировкой величины пламени. Полторы тысячи в комиссионном...

— Сидел.

— Как долго и за что?

— Пару годочков, дорогой пан Кречет. Невинно.

— Какой параграф?

— А вы что, адвокат? Или, может, прокурор?

Кречет подмигнул и, отодвинув пиво, взялся за кофе, поддерживая чашку двумя пальцами и отставляя мизинец в сторону.

— Есть один параграф в нашем кодексе, — отозвался я. — О присвоении общественной собственности, может быть, слышали? Исключительно вредный параграф.

— Конечно, — согласился Кречет. — Расскажите, как это случилось. Вы не пожалеете, если мы договоримся.

Я допил пиво и попросил еще одну бутылку.

— Ищу одного человека,— начал я,— третий день уже ищу. Как найду, все будет в порядке.

— И пока не нашли?

— Нет.

— А кто он?

Я заколебался. Кречет ободряюще положил руку на мое плечо.

— Люлек,— ответил я.

Кречет отдернул руку, достал из кармана носовой платок и громко высморкался, явно пытаясь выиграть время.

— Люлек... И вы его знаете?

— Кореш мой,— бросил я.— Самый лучший. А вы тоже...

— Напрасный труд,— не дал он мне закончить,— Люлека вам не найти.

Наклонившись через столик, я заглянул в карие, с желтыми крапинками глаза Кречета. «Как у кота»,— подумал я.

— Что вы знаете о Люлеке? — спросил я вполголоса.— Только честно, Кречет. Я не люблю шуток.

Кречет молчал, не спеша отхлебывая остывший кофе. Потом, отставив чашку, подошел к стойке и расплатился. Кивнул мне. Мы вышли на улицу. Кречет продолжал молчать, однако шел уверенно, широким, упругим шагом.

Мы оказались в парке. В тени деревьев, на скамье было несколько прохладней. Кречет опять подсунул мне «Кармен», щелкнул зажигалкой.

— Так как тебя кличут?

Я усмехнулся: он уже перешел на «ты».

— Том.

— Люлек о тебе ничего не говорил,— отозвался он через некоторое время.— Я бы помнил.

— Люлек не болтун. А что с ним?

— Но это легко проверить,— продолжал Кречет, делая вид, что не слышит моего вопроса.— У нас есть с ним связь,— и посмотрел на меня внимательным, испытующим взглядом.

Я ухватился за рукав его пиджака — замша была мягкая и тонкая, высшего качества.

— Где Люлек?

— А ты не знаешь? — Кречет освободился, пригладил ладонью волосы.— Недели три назад была большая драка, в «Вечерке» на первой странице писали.

— В те времена я дни считал... До конца срока.

Кречет вытянул ноги, снял пиджак и, аккуратно сложив, повесил

его на спинку скамьи. Казалось, он решил по-настоящему отдохнуть.

— Ты четыре раза был у уполномоченного,— проговорил он сонным голосом.— Машину водишь?

— Права первого класса,— я усмехнулся.— В тяжелые времена был водителем автобуса. А что, пан Кречет?

Но мой собеседник не спешил с объяснениями.

— А что, пан Кречет? — повторил я с раздражением.— Не уважаю пустой болтовни. Да и жарко тут. Спешу я.

— Куда?

Даже глаз не соизволил открыть.

— Есть одна такая, ждет меня. Чего вы от меня хотите?

— Не психуй, Том. Для начала я хотел бы знать, откуда ты. Ведь ты не здешний?

Я встал со скамьи. Кречет на секунду приоткрыл и снова закрыл левый глаз.

— Я оттуда, где меня уже нет. А почему я перестал ходить в костел, вы слышали. Всего хорошего, пан Кречет.

— Садись!

Я не послушался. Стоя с широко расставленными ногами, я смотрел на него сверху вниз. Пожалуй, ему под пятьдесят... Лицо лисье. Лисье... или волчье?

— Садись, говорю. Ты знал, что Люлек заглядывает к уполномоченному? — И не ожидая ответа, продолжал: — Можешь у меня заработать. Мне как раз нужен человек с головой и с правами.

— Сколько? — бросил я.

— Оплата по соглашению,— он лениво усмехнулся.— Будешь доволен, Том.

Я сел рядом с ним, достал пачку «Спорта». На этот раз он не поспешил с огоньком.

— Для начала одно условие, пан Кречет: я не стремлюсь обратно за решетку. Прошу это принять во внимание.

— В порядке,— кивнул он, не открывая глаз.— Дело чистое, как девица в порядочном борделе. Приходи завтра в кафе «Джиоконда». В два часа. Знаешь, где это?

— Найду.

— Угол Сверчевского и Тополиной. Ровно в два.

Он протянул мне руку. Я пожал ее и задержал в своей.

— Еще один пустячок, шеф. Должен же я иметь мелочь на трамвай, чтобы доехать до этой «Джиоконды».

Кречет усмехнулся, вытащил бумажник из заднего кармана брюк, а из бумажника — сто злотых. Протянул мне.

— Прошу прощения,— я поклонился.— Совсем забыл: я не езжу на трамвае, а только на такси.

— Больше не получишь,— сказал сухо Кречет.— Здесь не Армия спасения. Завтра в два в «Джиоконде».

Я вздохнул и, поклонившись еще раз, направился аллеями в сторону центра. В вельветовой куртке было жарко — я снял ее и, перебросив через плечо, осторожно оглянулся: Кречет продолжал сидеть на том же месте, нежась под солнцем. Интересно, есть ли у него на самом деле связь с Люлеком? Если так, то тот должен дать мне неплохую рекомендацию...

Марта забилась в угол тахты, с ловкостью фокусника оперируя двумя спицами. Свитер был уже наполовину готов. Образцом служила картинка из французского журнала, а талант копирования Марта имела: вещь получалась отличная.

— Перекусить бы,— сказал я.

Сняв очки, Марта осторожно положила их на маленький плетеный столик розового цвета. Спрыгнула с тахты, нечаянно распахнув при этом халатик. Несомненно, будь она американской кинозвездой, застраховала бы свои ноги на приличную сумму, скажем на сто тысяч долларов. Стоили того. Фигура была под стать ногам. Просто удивительно, что Марта не манекенщица. Впрочем, ничего удивительного. Разве бывают манекенщицы со шрамом от глаза до подбородка? С большой красной полосой, которую не скроет никакой крем и никакая пудра? Манекенщица должна поворачиваться, недостаточно иметь только чудесный левый профиль. Если бы в детстве, когда Марта порезала себе лицо разбитой бутылкой, она попала в руки опытного хирурга, рубец был бы незаметен. Хотя девушке, работающей на почте, шрам не мешает. За тысячу двести злотых в месяц можно иметь рубец на щеке.

— Рассольник будешь есть?

Она поставила передо мной до краев наполненную голубую тарелку. Я с жадностью набросился на еду. Марта смотрела на меня и сочувственно улыбалась.

— Теперь можно не беспокоиться,— бросил я, проглатывая последнюю ложку,— все в порядке.

— Ты нашел наконец того своего друга?

— Нет. Другого человека. Однако с завтрашнего дня я начну работать.

Марта ушла на кухню. Через минуту вернулась, неся большую порцию макарон с мясом.

— Я знала, что ты придешь. И знала, что ты будешь голоден. Но почему ты не позвонил?

Мне трудно было ответить с забитым ртом, и я взглядом попросил прощения. Марта снова уселась на тахте, надела очки, и спицы, как прежде, замелькали у нее в руках.

— Какую же ты получил работу? — спросила она, когда я кончил есть.

— Думаю, что неплохую, — ответил я. — У одного типа.

— Снова?..

Я подсел к ней, обнял. Марта бросила спицы и положила голову ко мне на колени. Очки ее совсем не портили, скорее наоборот.

— На этот раз я буду осторожней, — проговорил я. — Не дам себя втянуть.

— Я не хочу, — сказала она. — Они не могут тебя снова запрягать. Ты должен быть со мной.

— Не запрячут, — буркнул я.

— Ты долго сидел, Том?

— Я уже говорил тебе: три года.

— Почему ты не расскажешь мне: за что?

— Это не важно.

— Но прошу тебя, Том, будь поосторожней. Так ли необходимо тебе комбинировать?

Я привстал, иронически усмехнулся:

— Что-то ты крутишь, малышка. Я понимаю, что тебе хорошо со мной, однако ты предпочла бы честного парня. С хорошей должностью, который откладывает на машину, покупает мебель в рассрочку, получает премию каждый квартал. Угадал?

Марта промолчала.

— Я говорю о парне действительно честном. О таком, который вообще не комбинирует. О человеке с чистыми руками и с чистой совестью, который не боится ни ОБХСС, ни милиции, вообще никого. Разве это не прекрасно, малышка?

— Прекрасно, — согласилась она, подумав. — Я сама такая прекрасная: зарабатываю тысячу двести в месяц и, если очень здорово экономить, могу прикупить себе и кое-что из одежды.

— У тебя нет специальности. Если бы ты что-нибудь умела, то зарабатывала бы больше. Знаешь, сколько зарабатывает косметичка? Или массажистка?

Марта подперла голову кулаками и посмотрел на меня с каким-то безграничным удивлением. Я громко рассмеялся, и дым от сига-

реты ворвался в легкие. Меня встряхнул приступ кашля, кашля и смеха.

Марта вздохнула, поднялась с тахты и вытащила из ящика постельное белье.

— Ты делаешь из меня дурочку,— сказала она,— ты еще увидишь, какая я. Можешь на меня рассчитывать — когда-нибудь ты в этом убедишься. Уходишь?

В глазах ее блеснул страх.

— Скоро вернусь,— успокоил я ее.— Я должен позвонить тому типу. Вернусь через пару минут.

Я вышел. Парило. В воздухе плавали пыль и запах отработанных газов. Я нащупал в кармане монету, вошел в телефонную будку. К счастью, автомат был исправен...

«Джиоконда». Обширное помещение, напоминающее по виду и форме бочку, огромную перевернутую кадку: круглый пол, стены из выгнутых досок, связанных железными обручами. Стойка — бочка, столики — бочонки. Напротив входа, подсвеченная лампочками, репродукция Моны Лизы. Ну прямо алтарь, нет только цветов и свечей!

Кречета не было. Не было также и двух часов. Было... без четырех минут. Я заказал кофе и рюмку армянского коньяка «Двин», не уступающего лучшим французским маркам.

— Привет, Том. Я вижу, ты пунктуален — для начала совсем неплохо.

Сегодня Кречет был в костюме песочного цвета с искоркой, в белой рубашке с модным темно-коричневым галстуком в косую желтую полоску. Смотрелся как герой — любовник из голливудского фильма (дети до 16 лет не допускаются).

— Прошу прощения,— сказал я, поднимаясь.— Мой портной запыживает с шитьем, но я обещаю, что в следующий раз вы не будете сидеть с оборванцем.

Подмигнув мне, Кречет кивком головы подозвал официантку, широкобедрую красавицу с светло-голубыми волосами. Судя по улыбкам, которыми они обменялись, знакомство их не было мимолетным.

— Пану председателю как обычно? — И, не ожидая ответа, официантка поплыла к бару, где бармен уже мешал джин с апельсиновым соком и кусочками льда. Потом она принесла коктейль, поставила его перед Кречетом, и они снова обменялись такими же улыбками, дружескими, с тонкой фамильярностью.

— Отличная девица,— вполголоса проговорил Кречет.— Я уверен, что даже в Париже ее карьера была бы обеспечена. Советую вам ее запомнить.

«Вам?» Странно... Либо он ко мне еще не привык, либо здесь что-то не в порядке... Ну что ж, посмотрим...»

— Запомнить-то запомню,— ответил я,— можете не сомневаться. Только есть ли у меня шансы?

— Есть, есть, парень,— буркнул Кречет, снова переходя на «ты».— Она любит двухметровых ребят с широкими плечами, я даже когда-то злился на нее за это. Ну, это дело прошлое, Том, теперь мы с ней просто друзья — я не люблю постоянства в чувствах.

Но в словах его слышалась горечь: наверняка финал их отношений не будил в нем милых воспоминаний.

— Правильно,— улыбнулся я,— не уважаю однообразия. Если вы не против, то я приглашу ее как-нибудь на прогулку.

— Ее зовут Иоланта, Ёла. Смотри: она уже в четвертый раз на тебя поглядывает. Ну хватит, Том. Не за этим мы сюда пришли.— Кречет наклонился над столом, отпил глоток джина.— Тебе привет от Люлека.

— Вышел?!

— Не шуми, дорогуша, у меня слух хороший. Люлек тебя хватит, этого нам достаточно, теперь можем поговорить и о деле.

— Записка из следственной тюрьмы... Сила!

Кречет не отреагировал на комплимент. Распечатав пачку «Кармен», он закурил и пододвинул пачку мне.

— Права у тебя в порядке?

— Вы уже спрашивали об этом. Я слежу за порядком в своих бумагах.

— Ты получишь «Москвич». Будешь ездить по Польше и предлагать галантерейным магазинам ремешки для часов. Очень красивые ремешки, из заграничного сырья.

Я подозревал официантку, она подошла, покачивая бедрами и лучисто улыбаясь.

— Я не очень вас беспокою, если попрошу еще одну рюмочку коньяка? — Наклонив голову, я посмотрел ей в глаза.— Вы очаровательны, Ёла. В вас есть что-то околдовывающее.

— А вы уже и имя мое знаете,— усмехнувшись, она погрозила Кречету пальцем.— Сейчас принесу.

— Резко стартуешь, Том,— бросил Кречет деланно шутливым тоном.— Но к делу. Я хочу, чтобы ты завтра отправился в дорогу.

— Понимаю.— Я смял окуроч в пепельнице.— И очень сожалею, пан Кречет. Я не чувствую стремления к коммивояжерству. К сожа-

лению, я вынужден отказаться от вашего заманчивого предложения и поблагодарить вас за доброту.

Я отодвинул стул, но встать не успел: Кречет придержал меня за локоть.

— Не дури,— сказал он.— Ремешки только для вида, чтобы ты мог их показать, если спросят о цели поездки. В багажнике есть тайник для настоящего товара...— Он осекся, Ёла поставила передо мной коньяк, покачала бедрами и окинула меня многообещающим туманным взглядом.

— Какой товар? — спросил я, когда она отплыла к стойке.

— Не твоё дело, Том.

Теперь я, в свою очередь, положил ладонь на локоть Кречета и поглядел на него ласково, почти нежно.

— Люблю искренность,— прошептал я.— Отношения между работодателем и подчиненным должны основываться на взаимном доверии и искренности. Уж такой я есть, шеф: либо все, либо ничего.

Кречет залпом допил джин, оставив на дне только прозрачный кусочек льда.

— Ты не должен этого знать,— сказал он, помолчав.— Там будут маленькие, красиво упакованные коробочки. Доставишь их по указанным адресам и получишь деньги.

— Сколько это даст в месяц?

— Не беспокойся,— ответил Кречет,— меньше пяти кусков не будет.

— У меня есть брат,— возразил я.— Он всегда был глупее меня, еле-еле окончил начальную школу. Потом выучился на токаря и теперь работает на заводе, получая в месяц пять тысяч злотых.

Кречет рассмеялся.

— Если мы будем тобою довольны, то ниже семерки ты не спустишься. Договорились?

— Более-менее,— ответил я.— С одним условием, шеф: оружие и наркотики — не моя специальность.

— Здесь не Чикаго,— Кречет снова рассмеялся, похлопав меня по плечу.— В пакетах будут предметы первой необходимости. Только запомни, Том: без шуток! Правда, Люлек за тебя поручился, но в жизни всякое бывает. Если попытаешься смыться с башлями, го вряд ли успеешь их истратить.

— Верю. Если бы было иначе, я предпочел бы на вас не работать.

Кречет вытащил из бумажника красный банкнот и положил его на столик. Мы направились к выходу. У стойки я коснулся Ёлы, успев

шепнуть, что загляну сюда через день-два. В ответ она одобрительно кивнула.

— Встретимся завтра в восемь у платной стоянки автомашин на площади Согласия,— сказал Кречет, когда мы вышли на улицу.— Машина будет готова. Поедешь на побережье.

— Гданьск, Щецин?

— Завтра узнаешь. Поездка займет около недели. Купи себе чемодан и все необходимое.

Он сунул мне в руку пачку денег. Не считая, я опустил их в карман. Кречет сел в вишневый «Таунус», махнул рукой. Машина сорвалась с места, обдав меня облаком выхлопных газов.

Марта первой выбежала из здания почты. И только через две минуты, когда мы уже успели поздороваться, в дверях показалась группка ее подруг. Они помахали друг другу издалека.

— Погуляем?

Она приняла мое предложение с радостной улыбкой. Прогулки уже стали нашей недельной традицией — семь дней назад я подошел к ее окошку на почте и попросил телеграфный бланк, а она мне отказала. «Я закончила работу, уже пять минут седьмого, идите на главпочтамт». «Ну и неудачник же я,— ответил я,— встретил наконец девушку, о которой мечтал всю жизнь, и оказывается, что опоздал на пять минут». Она повернулась, и я заметил шрам у нее на лице. Однако и бровью не повел. «Ну как,— спросила,— вы не ошиблись?» «Я никогда не ошибаюсь,— сказал я,— позвольте отказаться от бланка и проводить вас, если можно». «Я живу очень далеко, и у меня ревнивый муж». «Ничего удивительного: будешь ревнивым, когда имеешь такую отличную женщину. Несмотря на это я провожу вас — люблю длительные прогулки и поединки». Я понял, что с мужем — это выдумка: у нее не было кольца на пальце да и улыбалась она шутиливо. Но понравилась она мне не на шутку...

— Пойдем в парк?

Тогда мы тоже пошли в парк, скорее — через парк, потому что так должно было быть ближе, но ближе не получилось.

— На этот раз нет. В город. Я должен купить кое-какие мелочи.

— У тебя есть деньги?

— Есть. На чемодан, пижаму и зубную щетку.

Марта остановилась, отпустила мой локоть. Глаза ее стали круглыми, как у кошки.

— Уезжаешь, Том?

— Ненадолго,— я потрогал пальцами пушистозолотую прядь, закрывающую рубец на щеке.— Через неделю вернусь.

— Зачем ты лжешь?

— Я не лгу. Я вернусь через неделю, и у меня будут деньги. Огромная куча денег. Мы устроим тебе королевские именины.

— Мои именины будут в октябре! Том, между нами все кончено?

Я громко рассмеялся, может быть даже чересчур громко, успев одновременно подумать о том, что моя особа ее интересует больше, чем мне казалось.

— Зачем нам ждать октября? — сказал я.— Перенесем твои именины на июль. Будем гулять до утра, пить шампанское и распаковывать подарки. Я вернусь через неделю, обещаю тебе.

Поверила. Однако беспокойство не исчезло, оно только изменило направление. Марта шла молча, оставляя на мягком от жары асфальте следы каблучков.

— Том... А что это за работа?

Есть границы, которых не следует переступать. Я повернул Марту лицом к себе, стиснул пальцами ее худые плечи. Сильно стиснул.

— Запомни раз навсегда,— процедил я сквозь зубы,— моя работа тебя не касается. Никаких вопросов.

— Я боюсь за тебя...

— Моя работа тебя не касается,— повторил я, сильно сдавливая ее плечи.— Запомни это. Я уезжаю на неделю и через семь дней вернусь.

— Подруги спрашивают меня о тебе. Они видели, как ты стоял перед почтой. Что им сказать?

— Скажи, что я электрик. Очень приличная профессия. Езжу время от времени электрифицировать деревни и заочно учусь в политехническом. Можешь рассказывать обо мне всякие чудеса — пусть позеленеют от зависти.

В магазине работал вентилятор, и я с облегчением вздохнул: не терплю жары. Марта выбрала мне небольшой полотняный чемоданчик с перекидным замком. Потом мы купили сатиновую пижаму, голубую в желтую полоску, и хлопчатобумажную рубашку с открытым воротом. Кречет оказался мудрым: у меня осталось еще шестьсот злотых, и Марта уперлась, чтобы я купил себе пиджак из голубого блестящего репса. («Ты шикарно в нем выглядишь... Сидит, как будто ты сшил его у портного».) Купил. Этот бабский жакет блеснул, как после собачьего пира, особенно в локтях и воротнике. Коммивояжер, выходящий из автомобиля, должен выглядеть соответствующим образом.

— Пригласишь меня на мороженое?

Я хотел было согласиться, но вовремя заметил надпись «Джио-конда».

— У меня немножко болит горло,— сказал я,— и есть лучшее предложение: того, что у меня осталось, как раз хватит на бутылку рябиновки.

Рябиновая настойка, два пакета соленых палочек, пачка бисквитов для Марты. Солнце скрылось за собором, подул ветерок — рай! Я свалился на тахту. Марта широко распахнула окна и пропала на кухне, приготавливая рюмки и заваривая чай.

— Чуть-чуть не забыл,— я вскочил с тахты, порылся в карманах.— У тебя есть монета в пятьдесят грошей?

— Посмотри в сумке.— Звон стекла на кухне на минуту затих.— Кому ты постоянно звонишь, Том? Ты мне говорил, что никого не знаешь в нашем городе.

— Не знал. Вернусь через две минуты...

Глава вторая

Майор Крупский поднимает трубку:

— Слушаю. Да, это я. Понимаю. Великолепно. Когда? Хорошо, я согласен. Я не сообщу им об этом. Желаю успеха.

Майор очень медленно опускает трубку на рычаг. Может показаться, что он раздумывает, не продолжить ли разговор, не забыл ли он о чем-то очень важном. Но говорить уже не с кем: в трубке слышатся частые гудки.

Майор поднимается, выходит из-за стола, минует несгораемый шкаф, круглый светлый столик с четырьмя креслами и останавливается у окна: за окном в парке играют дети. С тех пор как там установили карусель и качели, окно не открывается. Откуда в детях столько крика? Неужели для того, чтобы потом уметь владеть собой, человек должен так выложиться в первые годы? Может быть.

«Интересно, как он выглядит? Голос приятный, глубокий».

Стук в дверь. В кабинет входит Дрвень, вытягивается. Крупский указывает ему на кресло.

— Вы вызывали инженера и допрашивали его. Каковы результаты?

— Никаких,— нехотя бросает поручик.— Его ничем не удивишь, на все у него готов ответ. Я считаю, за это дело надо взяться энергичнее.

— Правильно,— соглашается Крупский.— Ваши предложения?

Дрвень молчит. Ведь не может же он потребовать ареста инженера, не имея для этого ни оснований, ни гарантий позитивного результата. Инженер не из робкого десятка, да и прекрасно знает, что против него нет никаких улик. Ковальчик, арестованный на границе с двумя тысячами долларов в высверленной ручке зонта, всю вину берет на себя. Собирался купить в Париже автомобиль, а доллары хранит еще с предвоенных времен. Что из того, что его часто видели на вилле инженера? Что из того, что инженер постарался нанять для него лучшего адвоката? Этот пижон с желтыми губами умеет подбирать себе людей. Чист, как стеклышко, даже не за что ухватиться.

— Я думаю, нам надо начать с конца, товарищ майор. С получателей.

— Мы уже пробовали, Дрвень. Каждый из них получал только одну посылку, и у каждого есть родственники за границей. Как их заставить говорить правду? Они знают, что мы ничего не можем им сделать, если они будут молчать.

— Факт,— соглашается поручик.— Они прекрасно об этом осведомлены. Надо усилить наблюдение, установить дальнейший путь посылок. Следить одновременно за всеми получателями.

— Операция с широким размахом,— задумчиво говорит майор Крупский.— Ежедневно приходит несколько десятков посылок, и каждая на новый адрес. Не все они, конечно, организованы инженером, часть действительно идет от родственников.. Давайте пока подождем с этой операцией, поручик.

— Зачем?

— В то же время продолжайте наблюдение за инженером и его окружением. Но осторожно. Пусть они думают, что мы оставили их в покое.

— Вы думаете, они поверят этому?

— Они знают, что у нас нет доказательств. Инженер уверен, что мы с ним не справимся,— он доверяет своему уму и таланту организатора.

— На что же вы рассчитываете, товарищ майор?

Крупский улыбается.

— Если они решат, что мы пасуем, то у них появится еще больше уверенности в себе. А человек, уверенный в себе, должен в конце концов сделать ошибку.

Дрвень пожимает плечами. Он не любит отступления, пассивного ожидания в окопах. Предпочитает атаку, общий штурм — в центре и с флангов. Однако решающий голос здесь принадлежит майору Крупскому.

— Мы можем потерять много времени,— отзывается Дрвень.— Весь город завален французскими свитерами. Комиссионные трещат по швам. Пан инженер загребаёт миллионы и посмеивается над нами. Считает, наверное, что выдумал абсолютно нераскрываемое преступление. Если бы я мог решать...

— И что тогда? — спрашивает Крупский.

— Запирал бы всю шайку,— сухо бросает Дрвень.— Держал бы их до тех пор, пока не признаются. Есть способы заставить говорить и самых твердых.

— Вы знаете, я не люблю американских детективов,— мягко усмехается Крупский.— Однако я читал кое-что и догадываюсь, что вы имеете в виду. Этого нельзя делать, Дрвень. Сначала улики, а уж потом действия — и только в таком порядке.

— Как хотите, товарищ майор,— холодно говорит Дрвень и встает с кресла.— Я полагаю, вскоре это дело придется передать в горотдел, и чести нам это не принесет.

Майор не отвечает. Дрвень вытягивается, потом направляется к двери, стуча каблуками по натертому до золотого блеска паркету. Это все, что он может себе позволить. Микродемонстрация. Крупский стареет, еще год назад он был значительно энергичнее. Пора ему думать о пенсии — возраст. Да и годы службы позволяют. Одного опыта уже недостаточно, нужны энергия, решительность, оперативность, темп, быстрые и смелые решения. Сам Дрвень — имей он развязанные руки — справился бы с инженером.

Глава третья

Кречет вручил мне ключи от серого «Москвича» со стертыми шинами. Машина была неухожена, грязна, с пятнами ржавчины на правой передней дверце, где какое-то столкновение или авария оставили свой след.

— Не будет бросаться в глаза, а мотор в первоклассном состоянии: карбюратор от «Оппеля», степень сжатия увеличена. Машина выжимает почти сто тридцать километров в час.

— На такой резине?

— В следующий раз получишь новую.— Кречет уселся рядом со мной.— Трогай. Прокачусь с тобой немного.

Отличный старт был у этой развалины. Мы вырвались из центра, проехали район, застроенный виллами, и выехали на шоссе. День был солнечный, но не такой жаркий, как вчера: циклон наконец переместился. Кречет молчал, попыхивая сигаретой.

— Как же вы вернетесь?

— За меня можешь не беспокоиться.

Шоссе ворвалось в лесной коридор, заплетяло между огромными вековыми дубами.

— Сбавь скорость. Сверни на просеку. Гаси.

Мы вышли из машины. Кречет взял ключи, открыл багажник: в глаза бросился большой фибровый чемодан с оторванными кое-где уголками. В чемодане лежали, старательно завернутые в серую бумагу и скрепленные резинками от лекарств, пакеты. Кречет достал один, развернул: ремешки для часов из цветного нейлона — черные, серые, красно-голубые, желто-зеленые.

— Вот здесь адреса фирм.— Подал мне сложенный вчетверо лист бумаги.— Здесь официальные полномочия от изготовителя. На случай контроля.— Другой лист, несколько строчек, отпечатанных на машинке, продолговатая печать.— А теперь смотри...

Он вытащил резиновый коврик, покрывающий пол багажника, нажал на какой-то винт, и сбоку показалось квадратное отверстие. Я заглянул: тайник был невелик, размером с небольшую дамскую сумочку. Внутри лежали четыре коробочки в полиэтиленовых мешочках.

Кречет снова нажал на винт, и отверстие исчезло. Отличная работа — ни щели, ни царапины.

— Загляни в список с адресами.— Я развернул бумагу: около пятнадцати фамилий и фирм в Гданьске, Гдыне, Сопоте, Орлове.— Второй, пятый, восьмой и одиннадцатый адрес. Запомни. Коробочки лежат в нужном порядке, вручишь их по одной и получишь деньги.

— Сколько?

— Получатели знают.

— Можно поторговаться?

Рука Кречета опустилась мне на плечо, глаза сузились.

— Сохрани шуточки для своей девки, Том. Я не терплю фамильярности, понял?

— Я думал...

— Не думай. Повтори порядок адресов.

— Второй, пятый, восьмой, одиннадцатый.

— Правильно. Сначала вручишь ремешки и скажешь, что их предлагает фирма Янчарского. Потом пойдешь с хозяином магазина в служебное помещение и отдашь эту коробочку.

— Пан Кречет,— пробормотал я.— Я бы предпочел знать, что в этих коробочках. Поймите меня. Всякое может случиться...

— Не может.— Кречет захлопнул багажник.— Я уже говорил, что мы не в Чикаго. Возвращайся на шоссе.

Мы выбрались из леса. На шоссе было пусто, и я дал газ до отказа. Люблю быструю езду! Кречет не возражал, стрелка на спидометре приближалась к цифре 130, в машине гремело и стучало, в окна ворвались мощные струи воздуха.

— Ай да развалина!

— Не пижонь. Это только на случай неприятностей с милицией. Машина не приспособлена к такой скорости, Том.

— Слушаюсь, шеф!

— Мне кажется, ты решил заглянуть в эти коробочки, как только мы с тобой расстанемся. Не советую.

— А что? — Я цинично усмехнулся, показывая зубы.

— А то, что я об этом могу узнать. И тогда — сам понимаешь. «Фраер, — подумал я о Кречете, — будь у тебя уверенность, ты бы меня не предупреждал». Через минуту пришла новая мысль — что шеф вовсе не фраер: он может быть значительно хитрее и именно поэтому предостерегает меня, вводя в заблуждение.

— Понятно, — сказал я. — Раз нельзя, так нельзя. Я уважаю законы, шеф.

Лес начал редеть, на лугу недалеко от шоссе вырос белый двухэтажный мотель с кафе и бензоколонкой. На стоянке я заметил вишневый «Таунус».

— Стоп, — бросил Кречет. — Счастливого пути.

Он быстро выскочил, захлопнул дверцу и, не оглядываясь, направился к кафе. Я снял ногу со сцепления.

Я побрился, принял душ. Горничная принесла выглаженную одежду, повесила пиджак на спинку стула, а брюки, чтобы они не помялись, разложила на постели. Я быстро оделся. В списке осталось только два адреса, и я хотел разделаться с ними до обеда, чтобы в тот же день двинуться в обратный путь. В бумажнике было уже тридцать две тысячи злотых — за коробочки, деньги за ремешки переводились по безналичному расчету.

Восьмой адрес: Гдыня, Моторная, 16, Константин Лисонь.

Я нашел Моторную по плану города: оказалась маленькой, тесной улочкой. Галантерейная лавка Лисоня размещалась на углу, в развалюхе, которую давно уже было пора снести. Я вошел, держа в руках пакет с ремешками. За прилавком стояла девочка лет пятнадцати — она вопросительно посмотрела на меня.

— Могу ли я видеть пана Лисоня?

— Папа вышел глотнуть пива. Сейчас вернется.

Я уселся на стул у стены, а девочка вернулась к прерванному чтению — судя по обложке, это был детектив.

— Дела идут не блестяще,— заметил я,— не вижу давки у прилавка.

— После обеда кое-кто заглядывает,— ответила девочка, не отрываясь от книжки.

— Отцу помогаешь?

— Я должна была поехать на каникулы в горы, но у нас уволилась продавщица.

— И затея с горами лопнула?

Девочка улыбнулась, подняла голову.

— Что делать,— сказала она.— На следующий год я поеду с экскурсией в Югославию, папа мне обещал. Если только...

— Если что? — спросил я.

— Продавщицы летом обычно увольняются. В курортных городах можно больше заработать. В прошлом году я тоже просидела дома все каникулы.

— А мама? Могла же она...

— У меня нет матери, мы с папой живем вдвоем, но он часто отлучается.— у него много дел в городе.

В дверях звякнул звонок, вошел плотный мужчина с розовым, удивительно мальчишеским лицом. Бросил на меня неприязненный, подозрительный взгляд.

— Пан Лисонь? — я поднялся со стула.— Я привез товар: ремешки для часов от Янчарского.

Всегда одна и та же реакция: опущенные веки, небольшое размышление, испытующий взгляд и, наконец, усмешка.

— Прошу за мной.

Мы вошли в маленькую комнату в глубине лавки. Лисонь старательно прикрыл дверь, достал из комода бутылку апельсиновой настойки и две рюмки.

— К сожалению, я на машине,— сказал я.— Не могу.

Я достал из заднего кармана брюк коробочку в полиэтиленовом пакете — она была тяжелая, словно наполненная оловом — и подал ее Лисоню.

— Я вас впервые вижу,— сказал он, принимая коробочку, взвесил ее на ладони, выдвинул нижний ящик комода и положил коробочку под белье.— Когда вы увидите Базиля?

— Наверное, еще сегодня.

— Передайте ему, пожалуйста, что пока больше не надо. За мной следят, я должен отсидеться.

— Понимаю,— сказал я.— Передам. Наверное, это не серьезно.

Лисонь был первым, кто со мной заговорил. Два предыдущих клиента без слов брали коробочки и платили деньги.

— Кто знает,— вздохнул он.— Если что-то разнохают, то это уже нехорошо. Я ни с кем не могу встретиться, а держать товар в доме, сами понимаете, неинтересно. Как только меня оставят в покое, я дам знать Базилю. Передайте ему это.

Лисонь отогнул угол коврика: в стену был вмонтирован сейф. Он открыл его, вытащил пачку пятисотзлотовых банкнотов — новеньких, еще запечатанных.

— Можете не считать, все точно.

Я спрятал деньги, поднялся. Когда он открывал сейф, я заметил, что там было еще много подобных пачек. Как видно, дела, несмотря ни на что, шли неплохо...

— Всего хорошего,— сказал я.— Успехов вам, пан Лисонь. А в следующем году все-таки пошлите дочку в Югославию, ребенку причитается за два отработанных сезона.

— Жаловалась? — он посмотрел на меня с каким-то непонятным страхом.— А что я могу сделать? Работница уволилась, кто-то должен обслуживать покупателей, жена оставила нас три года назад, побежала за одним сукиным сыном, вы понимаете...— Он машинально подписал счет за ремешки.

Свернув за угол и проехав каких-то сто метров, я остановился по требованию мужчины в штатском с милицейским жезлом в руке. Из ворот вынырнул другой штатский, подошел, показал небольшое удостоверение.

— Документы.

Внимательно просмотрел мой паспорт, права, регистрационный талон «Москвича», потом передал их своему товарищу.

— Хотите мне вклеить штраф? — спросил я.— Ничего не выйдет, я знаю правила. Сколько езжу, ни разу еще не платил штрафа.

— Это не ваша машина?

— Нет, не моя. Взял взаймы. С каких это пор запрещено брать взаймы автомобили?

Они сели в машину, один рядом со мной, другой позади.

— Поедете с нами в отделение.

— Зачем?

— Там узнаете.

Я тронулся рывком так, что они откинулись на сиденьях. Сидящий рядом со мной показывал дорогу. Через минуту мы подъехали к горотделу милиции. Я тормознул с фасоном, резко.

Мне приказали выйти. Мимо вахтера молча поднялись на третий

этаж. Тот, который сидел рядом со мной, скрылся за дверью, обитой черной клеенкой.

— Я арестован? — спросил я оставшегося со мной второго спутника, приятного блондина с глубокими черными глазами. — Что это все значит?

Блондин не ответил — был занят тем, что закуривал сигарету.

Обитая клеенкой дверь широко распахнулась. Я вошел. За столом сидел милиционер с капитанскими погонами. Рукой указал на стул у стены, в добрых пяти метрах от его стола.

— Фамилия?

— Томаш Бур.

— Время и место рождения?

— 27 февраля 1933 года, Варшава, больница Младенца Иисуса.

Пан майор...

— Профессия?

— Коммивояжер. Я требую объяснений! Я хочу знать, по какому праву...

— Чем занимаетесь?

У него был холодный, бесстрастный, спокойный голос, казалось, он ничего не слышал. Поняв, что мои протесты ни к чему не приведут, я мягко, покорно улыбнулся.

— Я являюсь представителем фирмы Янчарского. Занимаюсь реализацией продукции, ремешков для часов.

Вытащив из бумажника доверенность, я встал, подошел к столу и положил ее перед капитаном. Потом вернулся и сел. Капитан внимательно просмотрел документ. Я наблюдал за ним: удивления он не выразил.

— Что вы делали у Лисоня?

Ну вот, приехали. Этот крот был прав, утверждая, что за ним следят.

— Он клиент нашей фирмы, пан майор. Я доставил ему товар, двести штук нейлоновых ремешков. У меня есть расписка.

Капитан молчал. Он не потребовал расписку, и я не стал ее доставать.

— Вы заключили сделку в магазине?

— Конечно, пан майор.

— Правда?

— Потом Лисонь пригласил меня к себе в комнату.

— С какой целью?

— Он собирался выпить со мной по рюмке апельсиновой настойки, но я отказался. За рулем я всегда трезвый, пан майор. Могу подышать в трубочку...

— Что вы передали Лисоню кроме ремешков?

Я посмотрел на него с видом оскорбленного изумления. С искренним удивлением ребенка, который не знает, за что его бьют.

— Кроме ремешков?.. Я не понимаю, чего вы от меня хотите?

— Припомните, Бур. Передо мной не стоит разыгрывать невинность, у меня на это иммунитет. Ну так как? Какое еще дело у вас было к Лисоню?

В этот момент я подумал о куче денег, которая у меня была с собой, и о том, что мне трудно будет объяснить это, если дело дойдет до обыска.

— Как хотите, пан майор,— сказал я сухо.— Мне нечего скрывать, у меня все в порядке. Я отдал Лисоню ремешки и взял расписку. Это все.

— Вы давно знаете Лисоня?

— Мы познакомились сегодня. Я недавно работаю в фирме Ян-чарского.

— А что вы делали раньше?

— Искал работу. Моя фамилия зарегистрирована в управлении по трудоустройству, можете проверить. Это мой первый выезд с товаром.

Капитан заглянул в какие-то бумаги, открыл и закрыл ящик стола, закурил. Потом что-то написал в блокноте, вырвал листок, протянул мне:

— Пропуск. Пока вы свободны, Бур. Если потребуется, мы найдем вас. До свидания.

— Всего хорошего, пан майор.

Я поклонился и не спеша покинул кабинет. Сев в машину, я тотчас же заметил, что там был обыск; сидения передвинуты, мелочи в ящике уложены иначе, торба с инструментом открыта. Интересно, заглядывали ли они в багажник? Наверняка. Но тайника не нашли, иначе я так легко не вышел бы из этого здания.

Город остался позади. Свернув на проселок и оглядевшись, я открыл багажник: тайник был не тронут. Достав последнюю коробочку, я задумался: заглянуть ли внутрь? Но желания рисковать разрывом с Кречетом у меня не было, поэтому я положил коробочку в карман и решил вручить ее адресату.

Кречета я нашел в «Джиоконде»: он сидел и цедил свой джин с апельсиновым соком. Ёла улыбнулась мне, выписывая кому-то счет, я ответил, махнув рукой.

— В порядке?

— В порядке,— ответил я, садясь рядом с Кречетом; Ёла подошла почти тотчас же, я взял ее за руку и, слегка пожав, попросил рюмку «Двина».

— Без неприятностей?

— Без.

Кречет отпил приличный глоток джина, задержал его во рту, проглотил. Ёла принесла коньяк, низко наклонилась, ставя его на столик.

— Пойдем отсюда,— сказал Кречет.

Он оставил деньги на столе. Я пошел вслед за ним к выходу, потом на стоянку, потом сел вслед за ним в вишневый «Таунус». Я не знал, куда он меня везет. Наконец «Таунус» затанцевал на амортизаторах. Кречет выключил зажигание, погасил фары. Мы находились в какой-то каштановой аллее, темной, пустой, шелестящей листвой.

— Рассказывай, Том.

— Что тут рассказывать? Доставил товар, получил гроши. Лисонь чего-то боится, просит пока прекратить доставку.

О происшествии с милицией я решил умолчать. Чего доброго, подумают, что меня засветили, и откажутся от моих услуг.

— У него есть на это причины?

— Утверждает, что крутятся около него. Производит впечатление напуганного.

— Пожалуй, ты прав. Никогда с ним хорошо не работалось, а с тех пор как его бросила жена, он вообще ни на что не годен.

Я передал Кречету толстую пачку денег.

— Семьдесят тысяч, шеф.

— Сходится.— Он снял сверху пять бумажек и бросил их мне на колени.— Это тебе.

Я взглянул и усмехнулся:

— Ошибка, шеф.

— Что такое?

— Пять пятисотенных.

— Вот именно.

— Меня учили в школе процентам, кое-что я еще помню: пять процентов от семидесяти, это будет три с половиной куса.

— Что-то я не припомню, чтобы я обещал тебе пять процентов. Не люблю перегибов, Том.

Я взял двумя пальцами выделенные мне деньги и поднял их вверх.

— Со мной так нельзя,— сказал я.— Вы плохо ведете дела. Если

я не заслуживаю этих трех с половиной тысяч, то нам пора расстаться, шеф.

Я повесил на руль пятисотенные, открыл дверцу. Кречет схватил меня за рукав. Усмехнулся.

— Не сердись,— бросил он.— Кто попало работает за что попало. Люлек тоже может ошибаться, я должен был тебя проверить.

Он добавил две пятисотенные. Я взял их, не благодаря, и небрежно сунул в карман.

— Вы не подбросите меня к гастроному?

Мотор беззвучно заработал.

— Вскоре у меня будет для тебя новая работа, Том. Более важная. Где тебя найти?

Я подал адрес Марты.

— Между девятью и десятью часами утра,— сказал я.— Во всяком случае, до обеда. Я не хочу, чтобы моя невеста о чем-нибудь догадалась.

— Разумно,— похвалил Кречет.

Машина затормозила перед ярко освещенной витриной «Гастронома».

Я не мог оторвать ее от себя. Даже за столом, когда мы ели роскошный ужин с икрой, лососиной, угрем и венгерской колбасой «салями», запивая все это настоящим французским шампанским, а потом заедая бананами, которые мне очень кстати удалось купить,— даже тогда она брала меня время от времени за руку и заглядывала в глаза с каким-то счастливым собачьим недоверием, как будто я только что вернулся с войны или вдруг превратился из жабы в королевича.

— Успокойся,— сказал я.— Я вернулся всего на один день раньше. Что в этом особенного?

— Что вернулся,— шепнула она, сжимая мои пальцы.— Что захотел вернуться. Что ты здесь. А я была уверена... абсолютно уверена... понимаешь?

— Глупышка,— проворчал я.— Если бы я собрался уйти и не вернуться, то ты бы об этом знала.

— Не хочу, Том. Я не хочу, чтобы ты предупреждал меня. Если будешь уходить, не говори мне об этом, скажи только, что тебе необходимо выехать на длительный срок и что ты обязательно вернешься, только не знаешь когда. Обещай мне это, прошу тебя...

— Глупышка,— повторил я.— Ничего ты не понимаешь. Где у тебя глаза, девочка?

— Том, расскажи мне что-нибудь о своей новой работе.

— Перестань.

— Не доверяешь?

— Мой принцип: не болтать зря. В случае чего ты ничего не знаешь.

Я позвонил у дверей точно в назначенный срок. Он занимал небольшую отдельную квартиру из трех комнат на первом этаже: со вкусом подобранная мебель темного дерева, в застекленной горке — коллекция старинного голубого фарфора, на стенах картины.

Указав мне на огромное кожаное кресло черного цвета, Кречет налил для меня коньяк, а для себя — джин с соком.

— Я привык к одиночеству, — проговорил он, — женщина в этом доме может быть только гостем, но никогда — хозяйкой.

— Вы не были женаты? — спросил я.

— Был, — ответил Кречет. — Была у меня жена, работа, друзья, так называемая незапятнанная репутация... Не здесь. Тот Кречет жил в Познани, жил до тех пор, пока его жена не погибла в автомобильной катастрофе. Несчастный случай... Днем раньше тот Кречет узнал, что у его жены есть приятель... — Он долил себе джина из пузатой бутылки. — А ты? Ты не похож на левого. Если бы Люлек за тебя не поручился...

— Однако поручился, — буркнул я. — Вам что-то во мне не нравится?

— Да, не нравится, — он резко выпрямился, взгляд стал холодным и пронзительным. — Тебя задержали, когда ты вышел от Лисоня. Почему не сказал мне об этом?

Я медленно потянулся к рюмке, согрел ее в ладонях и выцедил коньяк до дна, он был терпким, с сильным запахом.

— У меня были причины на это, — ответил я.

— Какие?

— Попалась хорошая работа, жаль было ее терять. Расскажи я вам ту историю с легавыми, вы бы решили, что я засыпался.

Кречет снова впился в меня холодным взглядом. Я выдержал его не моргая, длилось это несколько минут.

— Рассказывай.

Я начал подробно рассказывать ему о своем приключении. Кречет слушал меня с прикрытыми глазами, казалось, он дремлет.

— Меня отпустили через двадцать минут, — закончил я. — Даже не обыскали. По-моему, это лучшее доказательство, что я чист.

Кречет долго молчал. Я глянул на бутылку с коньяком, он заметил это и наполнил мою рюмку.

— Может быть, ты и не врешь,— проговорил он наконец.— Звучит довольно правдоподобно.

— Если бы я понял, что запахло жареным, то сам бы порвал с вами.— И опять он смотрел в мои глаза, не отрываясь.— У меня нет желания возвращаться за решетку. Видимо, Лисонь где-то напортачил, и милиция ищет вслепую, но со мной у них ничего не вышло.

Кречет открыл бар — это был холодильник, облицованный темным деревом, внутри в электрическом свете искрился набор разноцветных бутылок.

— Перно будешь пить? — повернулся он ко мне.

— Благодарю,— ответил я.— Не люблю анисовую водку.

— Ты пил перно, Томаш? Это меня интригует. Не много найдется в Польше людей, которые знают, что перно — это анисовая водка.

Я усмехнулся. Если бы не пронзительный взгляд, могло бы показаться, что имеешь дело с глупцом.

— Моя мать была француженкой,— сказал я.— Анисовую водку она всегда называла «перно». В детстве я даже свободно болтал по-французски.

Глаза Кречета блеснули. Его рука снова опустилась мне на плечо.

— Забыл?

— Не совсем. Если надо, смог бы объясниться.

Кречет промолчал, вернулся к бару, наполнил бокал до половины джином, добавил апельсиновый сок, бросил кусочек льда.

— Ты похож на парня из приличного дома,— отозвался Кречет, усевшись в кресло рядом со мной и закинув ногу на ногу.— Создается впечатление, что ты хочешь казаться более примитивным, чем на самом деле. Как ты попал в левые?

— Я не хожу в костел,— буркнул я.

— Не становись на дыбы, Том,— он протянул бокал в мою сторону.— Твое здоровье. Я же рассказал тебе кое-что о себе.

— Дом был приличный,— начал я, помолчав и поглядев на потолок, поддерживаемый двумя деревянными балками с выжженными на них народными мотивами.— Отец перед войной работал в Министерстве внешней торговли, два года провел во Франции. После войны все кончилось: работа в конторе, заработки — гроши. Отец втолковывал мне, что человек должен жить честно, независимо от ситуации, так упорно, что я наконец взбунтовался и ушел из дома в семнадцать лет. Это все, шеф.

— На чем попался в последний раз?

— Собирал средства на основание жилищного кооператива. Работал с дураками, у которых были слишком большие аппетиты и слишком маленькие мозги.

— Дешевка,— Кречет закурил «Кармен», пустил дым колечками.— Если будешь держаться за меня, достигнешь большего. В корбочки не заглядывал?

— Нет.

— Это хорошо. Догадался, что там было?

— Драгоценности. Для перевозки олова нет надобности в тайниках, а золото весит почти столько же.

— Правильно, Том. А где ты познакомился с Люлеком?

— В Илаве. Мы целый год сидели в одной камере. Сначала повоевали, потому что он, как и я, любит править, но потом мы нашли общий язык. В политике это называется разделом сфер влияния.

Кречет рассмеялся, слегка коснулся бокалом моей рюмки.

— Не поддался Люлеку,— проговорил он.— Потрясающе. Не

многих я знаю, с которыми Люлек захотел бы разделить власть. Это твердый орешек. На свободе он разделался бы с тобой без зазрения совести.

— Там были другие условия,— я усмехнулся.— Там он мог рассчитывать только на себя. Но потом мы стали настоящими корешами. Он вышел на месяц раньше меня и предложил мне приехать сюда, когда я выйду. По приезду я должен был заходить к уполномоченному по трудоустройству.

— Ему не повезло: он слишком энергично взялся за дело и через три недели снова сел.— Кречет наклонился над столом, заглянул мне в глаза.— У меня есть для тебя деликатное поручение, Том. Мне кажется, ты справишься.

Я очень внимательно его выслушал, стараясь не упустить ни одной мелочи. Когда Кречет закончил, я, немножко подумав, кивнул головой:

— Попробую это сделать.

— Выедешь в четверг,— сказал Кречет.— Придется тебе просидеть там две недели. Устроишься на курорте в Миендзыздрое под видом отпускника, это безопаснее всего.

— А девчонку можно с собой взять?— спросил я. Кречет поморщился.— Так будет безопаснее,— пояснил я.— Одиноким мужчинам быстрее бросится в глаза, чем парочка. Девчонка, само собой, ничего знать не будет.

— Договорились,— согласился Кречет.— Можешь взять с собой свою красотку.

Кречет налил мне коньяк. Я выпил и поднялся с кресла, но он остановил меня движением руки.

— Сегодня мне не хочется оставаться одному. Час назад я сплавил отсюда одну кралю...

— Мне кажется, что вы не очень довольны жизнью,— сказал я.

Кречет вздрогнул, прищурился, казалось, он вот-вот бросит в меня бокал, но через минуту уже овладел собой, успокоился.

— У меня есть все,— отозвался он, показывая зубы в улыбке.— Все, о чем только могу мечтать. Почему ты думаешь, что я не удовлетворен?

— Мне пора,— сказал я.— До четверга, шеф.

У ближайшего автомата я остановился...

(Продолжение следует).

Перевод с польского Николая Пащенко.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

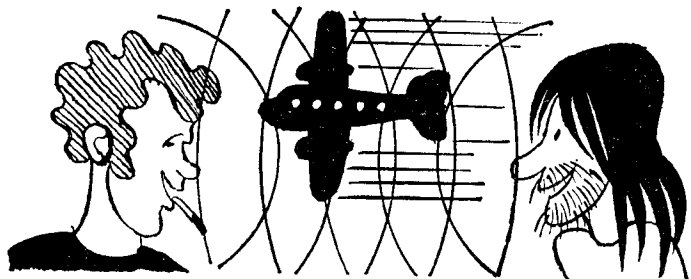
ИМЕНЕМ САТИРЫ

Будучи в командировке, я включил приемник и... почти ничего не смог расслышать из-за помех: на многих диапазонах забавлялись местные радиохулиганы. Не стеснясь в выражениях, не гнушаясь сомнительной музыкой, «Лапти», «Джонни», «Ковбой» забивали (что особенно опасно) голоса аэродромной и других оперативных служб.

Из письма читателя
И. Ильина.

МИХАИЛ ВЛАДИМОВ

«ПОПОНА» В ЭФИРЕ

Туман над лесами,
Туман над домами,
Лететь нелегко
Самолету
В тумане...
Земля вызывает,
А летчик не слышит —
Спиртным прямо в ухо
Волна ему дышит:
— Я «Лапоть»!
Я «Лапоть»!
Как слышишь, «Попона»?
— Нормально...
— А как погулялось?

— Законно.
Сперва раздавили
Бутылку сухого,
Потом размочили
Пол-литрой другого...
Мы к «Джонни» зашли
И прибавили триста...
Потом «Антилопу»
Я по уху свистнул...
Пилот перешел
На волну запасную —
И тут какофонию
Слышит сплошную:
«Шаланда»

Играет «Ковбою» новшники,
 Заморские вопли
 На ребрах пластинки
 Туман над дорогой,
 Туман над домами...
 С трудом самолет
 Приземлился в тумане,
 А «Джонни»
 Седлает волну,
 На которой
 Работает станция
 «Помощи скорой».
 Песется —
 о, нет, не мелодия джаза —
 «Концерт
 для пилы

и для ржавого таза»...
 Итог:
 Не успели врачи
 На инфаркт.
 И это, увы,
 Не единственный факт!
 Чревата бедою
 Такая «игра»:
 Эфир от «Ковбоев»
 Очистить пора,
 Воздать по заслугам
 Всем «Джонам»,
 «Попонам» —
 И будет нормально,
 И будет законопно!

НАШ КОММЕНТАРИЙ. В фельетоне М. Владимова речь идет о радиохулиганах, которые приносят большой вред обществу. И здесь уместно напомнить, что радиохулиганы никак не могут рассчитывать на безнаказанность. Разъяснение по этому поводу дано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года. Умышленные действия, выразившиеся в ведении по радио передач, связанных с проявлением явного неуважения к обществу, из озорства, грубо нарушающих общественный порядок либо создающих помехи радиовещанию и служебной радиосвязи, квалифицируются по статье 206 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Эти статьи предусматривают уголовную ответственность за хулиганство со всеми вытекающими последствиями, о «размерах» которых каждый может легко справиться, заглянув в Уголовный кодекс.

АНАТОЛИЙ УВАРОВ

КОШКИ И ДР.

Соседские кошки
 Сцепились однажды —
 Царапали морды, кусали бока...
 Хозяева в битву включились,
 и каждый

За кошку свою
 Не жалел языка...
 Давно уже кошки
 Забыли о стычке,
 Уже подросло поколение котят...
 А взрослые люди
 По странной привычке
 С тех пор друг на друга,
 Как звери, глядят.

*Перевел с удмуртского
 Мих. Раскатов.*

- Смотри-ка, сосед-то наш!
— Где?
— Да вон, от забора пошел!
— Эге, ничего себе! Да, соседушка!
— Ведь еле на ногах держится. Того и гляди, рухнет.
— Да, перестарался товарищ.
— Что и говорить, перебрал.
— Нет уж, это до хорошего не доведет.
— Да уж чего тут. До первого дружинника.
— Пропал человек.
— А ведь эгонист какой. Хоть бы нам предложил — может, согласились бы.
— Это уж точно. Заодно и за ним присмотрели бы. А так что — только здоровые подорвет.
— А позор-то будет, если на кого нарвется. Ведь забрать могут, как пить дать.
— Вот, вот. Потом разговоров не оберешься. Да еще фотографию повесят. На самом видном месте.
— Пальцем тыкать начнут.
— Не позавидуешь.
— Смотри, как сго мотануло.
— Хоть бы передохнул.
— Нет, видно, не будет. Быстрее к дому тянет.
— А интересно, дотянет или не дотянет?
— Если не споткнется, дотянет.
— А уж споткнется, лихо загремит.
— Есть! Все-таки загремел!
— Я же говорил. Эх, сосед, сосед!
— Ну так как — поможем? Или пусть самообслуживается?
— Да ладно, пойдем поможем.

И они зашагали навстречу соседу, который торопливо подбирал рассыпавшиеся пятиметровые доски, вынесенные им со стройки.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

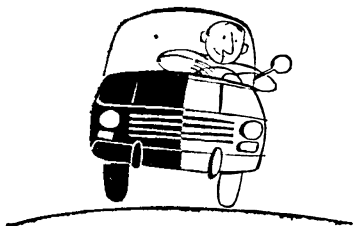
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В Соединенных Штатах получило широкое распространение движение «Сделай сам!». Люди в свободное время мастерят мебель, игрушки для детей и тому подобное. Вирджиния Крамер из Детройта поняла лозунг «Сделай сам!» более широко и решила самолично оформлять разводы. Она основала для этого «антибрачную контору» и разводила в ней всех желающих, не считаясь ни с законами, ни с повелениями здравого смысла. И очень скоро попала за это под суд. Когда ей объявили приговор — длительное тюремное заключение, — она с пафосом воскликнула:

«Этот гнусный приговор можно сравнить только с сожжением святой Жанны д'Арк!»

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ

Один прохожий в Париже увидел на стоянке автомобиль с необычной раскраской и спросил у владельца, почему правая сторона автомобиля голубая, а левая — розовая. «Эта выдумка меня уже неоднократно выручала при нарушении правил движения», — ответил владелец автомобиля. — Вы бы только слышали, как свидетели противоречили один другому».

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

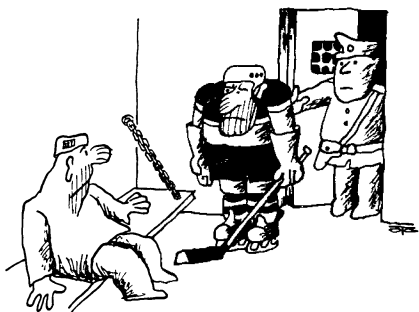
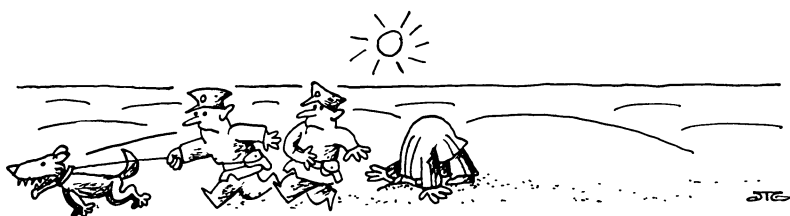
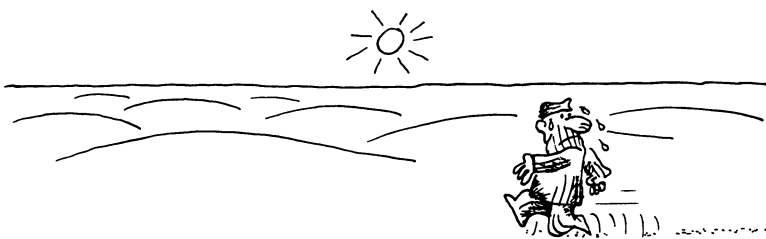
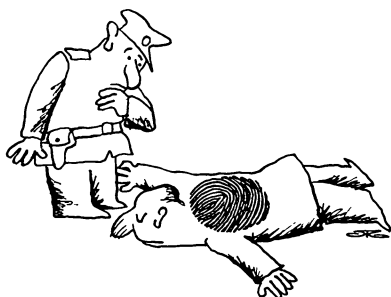
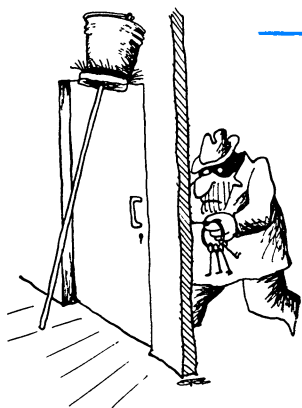

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

Ю
М
О
Р

БЕЗ СЛОВ.

